

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ,
ИЗСЛѢДОВАНІЯ И РЕФЕРАТЫ.

Л. Лашкарова.

К І Е В Ъ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22.
1898.

19230 Д

Анны
АА
5681
L 89

НИЖНИЦА
ЦЕНТРАЛЬНАГО ЗАКОННИКА.

№:..... №:.....

№:.....

По опредѣленію Юридическаго факультета Университета св. Влади-
мира, 19 іюня 1898 г., печатать разрѣшается. Деканъ А. Рома-
новичъ-Славатинскій.

Предлагаемые очерки, изслѣдованія и рефераты, за исключеніемъ послѣдняго, были уже напечатаны въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ. Переиздать ихъ вновь въ одной книгѣ побудила автора существующая между ними внутренняя связь, по которой всѣ они являются имѣющими характеръ какъ-бы одной работы, послѣдовательно, хотя и разновременнo, веденной. Въ свое время задавшись цѣлю уяснить правильное отношеніе къ памятникамъ религіозной старины и установить соотвѣтствующіе существу дѣла приемы ихъ изслѣдованія, авторъ, хотя по свойству своихъ специальныхъ занятій могъ изслѣдованіямъ археологическимъ посвящать лишь свои ученые досуги, и то—по вызову какихъ либо особыхъ, случайнаго свойства, обстоятельствъ, шель къ разъ намѣченной цѣли неуклонно, провѣряя обыкновенно послѣдующими работами предыдущія и пополняя, а иногда и исправляя, одну изъ нихъ другою. Приурочить же выпускъ книги къ предстоящему въ Кіевѣ XI Археологическому съѣзду онъ нашель умѣстнымъ потому, что всѣ его археологическіе опыты такъ или иначе касаются памятниковъ мѣстной старины, которая, по связи ея съ общерусскою стариною, не можетъ прямо или косвенно не входить въ программу занятій съѣзда.

Оглавленіе статей:

	СТРАН.
I. Религіозная монументальность	1.
II. Что осталось отъ древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ?	105.
III По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздаль- скомъ княжествѣ	117.
IV. Кіевская архитектура X—XII вѣка	125.
V. Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева.	160.
VI. Киворій, какъ отличительная архитектурная принад- лежность алтаря въ древнихъ церквахъ	188.
VII. Остатки древнихъ зданій Кіево-печерской лавры	209.
VIII. Остатки древней церкви въ г. Переяславѣ	221.
IX. Соборная Успенская церковь въ г. Каневѣ	230.
X. Поправки и дополненія	236.

I.

РЕЛИГИОЗНАЯ МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ ¹⁾.

«Когда память первыхъ поколѣній, говоритъ одинъ изъ современныхъ намъ писателей ²⁾, была уже слишкомъ переполнена воспоминаніями, и живаго слова сдѣлалось недостаточно для ихъ передачи, ихъ тотчасъ записали самымъ естественнымъ способомъ: каждое преданіе выражали памятникомъ.

«Первые памятники были просто обломки скаль, *до которыхъ не касалось желѣзо*, говоритъ Моисей. Архитектура начиналась какъ и всякая письменность. Сначала она была азбукой. Ставили камень вмѣсто буквы, и каждый камень былъ іероглифомъ, каждый іероглифъ заключалъ въ себѣ группу идей, какъ капитель на колоннѣ. Такъ поступали первыя поколѣнія на всѣхъ концахъ міра. Цельтическіе камни, поставленные ребромъ, находятъ въ азіатской Сибири, въ пампахъ Америки.

«Позднѣе изобрѣли слова. Стали класть камень на камень, соединять гранитные слогги. Дольманъ и Кромлехъ цельтовъ, этрусскій курганъ—уже слова. Иногда, если было много камней и мѣста, писали цѣлую фразу. Огромное количество камней Карнака есть уже цѣлая формула.

«Наконецъ составились книги. Преданія породили символы,

¹⁾ Очерки были напечатаны въ журналѣ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, 1866 г. м. январь и февраль.

²⁾ Викторъ Гюго, *Соборъ Парижской Богоматери*.

подъ которыми они скрывались, какъ стволъ дерева подъ листьями; всѣ эти символы, въ которые человѣчество вѣрило, росли, размножались, дѣлались сложнѣе; первые памятники были уже слишкомъ тѣсны для нихъ,—эти памятники уже едва выражали первое преданіе, простое и пресмыкающееся по землѣ, какъ они сами. Символъ долженъ былъ выразиться въ зданіи. Архитектура развивалась наравнѣ съ человѣческой мыслию, она возросла до гиганта съ тысячью головъ и рукъ, и заключила въ вѣчную форму, видимую и осязаемую, весь разнообразный символизмъ. Между тѣмъ какъ Дедалъ, который есть сила,—мѣрилъ, Орфей, выражавшій понятіе,—пѣлъ; столбъ, выражающій букву, сводъ-слогъ, а пирамида—слово, приведенныя въ движеніе геометрическимъ и поэтическимъ закономъ, группировались, сливались, возвышались этажами до неба, пока не написали подъ диктантъ общей идеи вѣка тѣхъ дивныхъ книгъ, которыя въ тоже время были и дивными зданіями, какъ, на примѣръ, храмъ Соломона.

«Общая идея была не только въ основаніи, но и въ формѣ этихъ зданій. Храмъ Соломона былъ не только переплетомъ священной книги, но и самою книгою. Въ каждомъ его отдѣлѣ священники могли ясно читать живое слово, и, переходя отъ одного священнаго предмета къ другому, все больше и больше уразумѣвать главный смыслъ, въ самой конкретной формѣ выраженный въ ковчегѣ, тоже—архитектурномъ произведеніи. Итакъ смыслъ заключался во внутренности зданія, а выраженіе его въ наружной сторонѣ, какъ человѣческое лице на гробѣ муміи.

«И не только форма, но и мѣста, гдѣ помѣщались зданія, выражали ихъ назначенія. Граціозныя греческіе символы красовались на высокихъ горахъ, между тѣмъ какъ безобразныя пагоды индійцевъ скрывались подъ землю, поддерживаемыя рядомъ гранитныхъ слоновъ.

«Итакъ въ первыя шесть тысячъ лѣтъ архитектура замѣняла письмо у всѣхъ народовъ, начиная отъ древнѣйшей пагоды Индустана до кельнскаго собора. Не только каждый религіозный символъ, но и каждая человѣческая мысль имѣетъ свой памятникъ и свою страницу въ этой гранитной книгѣ»...

Эта одушевленная страница писателя-поэта даетъ самое наглядное и глубоко-вѣрное понятіе о такъ называемой монументальности. Она — проявленіе самаго естественнаго человѣку стремленія — записать мысль, отмѣтить событіе памятникомъ — заключить свое духовно-нравственное достояніе въ гранитныя буквы и слоги, и создать такую книгу, которой листы не разметало бы ни время, ни невѣжественная рука человѣка. Мы не согласны съ приведеннымъ писателемъ только въ томъ, будто монументальность имѣла свое значеніе лишь въ первыя шесть тысячъ лѣтъ, будто изобрѣтеніе книгопечатанія вполнѣ замѣнило ее.

Монументальность существовала и развивалась вмѣстѣ съ письменностію. Одна дополняла другую, — первая обезпечивала сохраненіе послѣдней. Древніе писали на пергаментѣ, матеріалъ несравненно болѣе прочномъ, чѣмъ наша бумага; и все же считали произведенія свои недостаточно обезпеченными отъ влѣяній и случайностей времени, — и считали, конечно, не безъ основанія (доказательствомъ тому — участь александрійской бібліотеки). Болѣе важные предметы они записывали на камнѣ, чаще — на мѣди ¹⁾. Но и каменные и мѣдныя плиты могли разбиваться, затериваться, — писали на стѣнахъ храмовъ. Автобіографія Августа, начертанная на двухъ бронзовыхъ доскахъ, поставленныхъ предъ его мавзолеемъ, затерялась; но начертанная на стѣнахъ анкирскаго храма пережила семнадцать вѣковъ, и прочитывается въ настоящее время почти до буквы.

¹⁾ *Usus aeris ad perpetuitatem monumentorum jam pridem translatus est, tabulis aereis, in quibus publicae constitutiones inciduntur, говоритъ Плиніи.*

Время и исторія стерли съ лица земли цѣлые народы съ развитой цивилизаціею, съ развитою наукою и литературою. Никакія сказанія не раскрываютъ для насъ ихъ внутренней жизни, ихъ историческихъ судебъ; но слѣды жизни этихъ народовъ остались на ихъ соруженіяхъ,—объ нихъ говорятъ ихъ храмы, краснорѣчивые даже въ своихъ развалинахъ.

Не говоримъ уже о томъ впечатлѣніи, какое производятъ монументальныя зданія на массы, какое вліяніе имѣютъ они на облагороженіе чувствъ народныхъ. Не даромъ площади афинскія соединяли вѣкогда въ себѣ все, что греческій геній могъ создать наилучшаго въ архитектурномъ отношеніи. Не напрасно римляне старались сдѣлать изъ Рима прекраснѣйшій городъ въ свѣтѣ. Великіе народы древняго міра ставили храмы вездѣ—въ городахъ, поляхъ, при дорогахъ,—вездѣ, куда ни проникала нога человѣка, и имѣли, конечно, уважительныя на то причины. Только мелкіе, меркантильные интересы нашего времени могутъ заслонять собою тѣ высшіе человѣческіе интересы, которымъ служить религіозная монументальность, и заставлять, иногда, церковь отстаивать то, что должно бы говорить само за себя.

Соотвѣтственно двоякому значенію религіозныхъ монументовъ, въ каждомъ изъ нихъ нужно различать двѣ стороны: а) особенность его, какъ именно—монумента, и слѣдовательно—прочность, вѣковѣчность его, обеспечивающую вѣковѣчное существованіе отмѣченной имъ идеи; б) выразительность его, характеръ того впечатлѣнія, которое производитъ онъ на умъ, воображеніе и чувства народныхъ. Первая сторона достигается строительнымъ искусствомъ, въ значительной мѣрѣ зависящимъ отъ мѣстныхъ, климатическихъ и историческихъ условій того или другаго народа; послѣдняя опредѣляется тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ монументъ стоитъ къ внутреннему настроенію массъ народныхъ, и зависитъ собственно отъ художественнаго,

эстетическаго элемента въ зданіи. Разсмотримъ различные виды религіозныхъ монументовъ въ томъ и другомъ отношеніи.

А. Религіозные монументы въ архитектурномъ отношеніи.

Различныя условія жизни и развитія человѣчества вызвали безконечное разнообразіе религіозныхъ памятниковъ, усѣявшихъ всѣ страны стараго и новаго, когда либо и въ настоящее время обитаемаго свѣта. Каждый изъ нихъ по своему достигаетъ своей цѣли, каждый можетъ быть достойнымъ предметомъ изученія. Но сообразно съ своею частною задачею—изученія религіозной монументальности на столько, на сколько она имѣетъ приложеніе къ общественнымъ установленіямъ христіанскимъ, мы обратимъ вниманіе только на тѣ роды и виды ихъ, которые такъ или иначе подготовили или отразили на себѣ христіанское искусство. Разсмотримъ монументы а) патріархальные, б) восточные, в) классическіе, г) еврейскіе и д) собственно-христіанскіе.

а) Монументы патріархальные.

Первые начатки религіозной монументальности думаютъ видѣть въ тѣхъ жертвенникахъ, которые устроили патріархи для закланія и созженія на нихъ жертвъ Богу. Такъ въ книгѣ Бытія замѣчается о Ноѣ, что по выходѣ изъ ковчега онъ *созда жертвенникъ Господеву: и взя отъ всѣхъ скотовъ чистыхъ, и отъ всѣхъ птицъ чистыхъ, и вознесе во всесожженіе на жертвенникъ* (Быт. 8, 20) Объ Авраамѣ говорится, что, по вступленіи въ землю ханаанскую, онъ *созда тамо жертвенникъ Господу явившемуся ему* (Быт.

12, 7); говорится также о постройкѣ Авраамомъ жертвенниковъ въ Веѣилѣ (тамъ же ст. 8), въ Хевронѣ, у дуба мамврійскаго (13, 18), на горѣ Моріа (22, 9). О созданіи жертвенниковъ Іаковомъ упоминается также неоднократно (33, 20; 35, 7). Объ устройствѣ этихъ жертвенниковъ можно судить только по предположенію: вѣроятно, они были изъ земли, или изъ камней, но—такихъ, до которыхъ не касалось желѣзо, какъ это впослѣдствіи заповѣдано положительнымъ божественнымъ закономъ касательно жертвенниковъ народа израильскаго (Исх. 20, 24. 25). Но что при устройствѣ ихъ имѣлась въ виду относительная прочность, видно изъ того, что возвращаясь, чрезъ болѣе или менѣе долгій срокъ, на прежнія мѣста жительства, патриархи приносили на нихъ по прежнему жертвы (Быт. 13, 3. 4).

Кромѣ жертвенниковъ, при Авраамѣ, а особенно при Іаковѣ появляются памятники другого рода, которыхъ прямою цѣлію было утвердить въ памяти потомства святыя, дорогія для сердца или важныя для жизни воспоминанія предковъ. У кладезя клятвеннаго, гдѣ во имя Бога заключилъ Авраамъ союзъ съ Авимелехомъ за себя и потомство свое, онъ *насади ниву (рощу) и призви ту имя Господа, Бога вѣчнаго* (Быт. 21, 33). У этого кладезя жилъ долгое время Исаакъ (тамъ же 26, 23; 28, 10), къ этому кладезю приходилъ и Іаковъ принести *жертву Богу отца своего Исаака* (46, 1). Іаковъ, на мѣстѣ явленія ему Бога на пути въ Месопотамію, ставитъ столбъ изъ камня, на которомъ спалъ, и ставитъ его именно какъ памятникъ (*въ столбъ, памятникомъ*,—28, 18—22). Подобный же столбъ изъ камня поставилъ Іаковъ на мѣстѣ, гдѣ заключилъ союзъ съ тестемъ своимъ Лаваномъ, и кромѣ того, воздвигъ изъ камней холмъ, *холмъ свидѣтельства*, или какъ называлъ его самъ Іаковъ—*холмъ свидѣтель* (31, 45—48). Такой же столбъ воздвигаетъ Іаковъ на могилѣ любимой жены

своей Рахили; *столъ сей*, замѣчаетъ о немъ Бытописатель, *есть надъ гробомъ Рахилинымъ даже до дни сего* (35, 20) ¹⁾.

При одинаковыхъ условіяхъ естественныя человѣку стремленія проявляются одинаково. Патріархальный бытъ народовъ во всѣхъ странахъ міра оставилъ послѣ себя такого же рода памятники, какъ и бытъ патріарховъ народа еврейскаго. На языкѣ археологовъ они называются (не совсѣмъ точно) *памятниками кельтскими* ²⁾, и наблюдаются почти во всѣхъ, когда либо обитаемыхъ, странахъ Европы, Азіи, Африки и Америки. По способу сооруженія, памятники эти раздѣляются на нѣсколько видовъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ у археологовъ свои техническія названія.

1) *Пельваны* или *менгиры*. Это — продолговатые, къ одному концу обыкновенно суживающіеся камни, стоящіе одиночно, въ вертикальномъ положеніи. Иногда они бываютъ утверждены въ землю широкимъ концомъ, иногда — узкимъ, и имѣютъ высоту отъ 3-хъ до 20-ти слишкомъ аршинъ. Никогда не носятъ они слѣдовъ какой либо внѣшней отдѣлки, и только изрѣдка испещрены какими то знаками и грубыми опытами скульптуры.

2) *Трясущіеся камни*. Это — два камня, наложенные одинъ на другой такъ, что верхній опирается на нижній какою либо одною точкою своей поверхности, сохраняя при этомъ равновѣсіе. Камни эти представляютъ собою простые обломки скалъ, и при всей громадности своей, бываютъ наложены такъ искусно,

1) Онъ существовалъ еще во время Самуила: 1 Цар. 1.), 2.

2) Первоначально эти сооруженія были открыты въ сѣверо-западной Европѣ, гдѣ въ началѣ историческихъ временъ обитали Кельты; по имени этихъ обитателей они и были названы *кельтскими*. Но открытіе подобныхъ же сооруженій въ другихъ странахъ и даже другихъ частяхъ свѣта, и болѣе серьезныя изслѣдованія археологовъ заставляютъ относить эти памятники не къ Кельтамъ, а къ невѣстнымъ доисторическимъ народамъ.

что достаточно легкаго толчка, чтобы привести верхній камень въ движеніе ¹⁾).

3) *Трилиты*—сооруженія изъ трехъ камней, — двухъ, поставленныхъ вертикально, и третьяго, наложеннаго на первые горизонтально. Когда верхній, горизонтально лежащій камень имѣетъ широкую поверхность, такъ что все сооруженіе представляется въ видѣ громаднаго каменнаго стола, — такіе трилиты называются *долменами* (каменными столами). Послѣдніе впрочемъ бывають иногда болѣе, иногда менѣе чѣмъ изъ трехъ камней, и часто носятъ ясныя признаки своего назначенія—быть жертвенниками. Такъ многіе изъ нихъ наклонены на одну какую либо сторону, а въ другихъ замѣчаютъ продольныя ложбины, какъ бы для стока крови отъ жертвенныхъ животныхъ.

4) *Ограды* или *кромлехи*. Это—ряды камней, разнообразной величины, расположенныхъ въ круговую или эллиптическую линію; изрѣдка даютъ они форму параллелограмма. Въ срединѣ такой ограды иногда возвышается пельванъ, а самая ограда бываетъ окружена рвомъ. Обнесенное ею пространство бываетъ больше или меньше, смотря по количеству камней (иногда оно имѣетъ въ діаметрѣ около 150 сажений). Но иногда камни располагаются просто—по прямой линіи отъ востока къ западу, или отъ сѣвера къ югу.

5) Какъ ряды пельвановъ образуютъ ограды или кромлехи, такъ ряды трилитовъ, тѣсно между собою сближенныхъ, даютъ *крытыя аллеи*, тянущіяся по прямой линіи, въ видѣ галлерей.

6) Наконецъ, во многихъ странахъ свѣта, даже во многихъ мѣстностяхъ европейской Россіи, встрѣчаются искусствен-

2) Пливій упоминаетъ (Hist. natur. lib. 2, cap. 96) объ одномъ такомъ камнѣ, на который достаточно было положить палецъ, чтобы привести его въ движеніе.

ныя насыпи конической формы, извѣстныя подъ именемъ могилъ—то гунновъ, какъ въ западной Европѣ, то скиѣскихъ, какъ на югѣ Россіи, и т. п. Иногда встрѣчаются холмы такого рода, сложенные изъ камней. Послѣдніе у археологовъ называются *галлами*,—именемъ, занятымъ отъ извѣстнаго въ исторіи еврейской холма, на которомъ Иисусъ Навинъ обрѣзывалъ народъ іудейскій по переходѣ чрезъ Іорданъ (Нав. гл. 5).

Значеніе такихъ холмовъ, какъ намогильныхъ памятниковъ, не подлежитъ сомнѣнію; это видно изъ раскопокъ, производимыхъ учеными экспедиціями въ разныхъ мѣстностяхъ, и даже изъ лѣтописныхъ сказаній объ обрядахъ погребенія у древнихъ обитателей Европы, скиѣовъ, славянъ, и проч. Но какъ видно изъ раскопокъ же и библейскихъ сказаній, нѣкоторые изъ нихъ служили и для другихъ, частію извѣстныхъ, частію забытыхъ преданіемъ цѣлей. О религіозномъ значеніи прочихъ кельтскихъ сооруженій можно заключать какъ по внѣшнимъ признакамъ самыхъ памятниковъ, такъ и по тому суевѣрному благоговѣнію, съ какимъ относились къ нимъ обитатели данныхъ мѣстностей уже во времена историческія. На западѣ, даже во времена христіанства, соборы церковные преслѣдовали поклоненіе камнямъ. Когда христіанство восторжествовало надъ языческими суевѣріями, народъ продолжалъ соединять съ кельтскими памятниками религіозно-легендарное значеніе, хотя уже въ христіанскомъ смыслѣ.

б) Монумены восточные.

Востокъ—колыбель челоѣчества. Онъ же—колыбель общечелоѣческой цивилизаціи, науки, искусствъ. На Востокъ должны мы искать и первыхъ начатковъ религіозной архитектуры въ ея наиболѣе полномъ выраженіи—въ храмахъ.

Отъ памятниковъ патріархальныхъ мысль наша неволью переходитъ къ скиніи и храму народа еврейскаго, истиннымъ

храмамъ истиннаго Бога. Но принявъ во вниманіе, что памятники народа еврейскаго съ технической стороны во многомъ обязаны зодчеству Египта и Финикіи, а въ послѣдствіи хотя отчасти—зодчеству Вавилона и даже Греціи и Рима, мы, по необходимости, должны ознакомиться съ религіозною архитектурою этихъ странъ. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя нами въ этомъ случаѣ, послужатъ для насъ къ лучшему выясненію какъ тѣхъ средствъ, какими въ разныя времена, при разныхъ обстоятельствахъ своей долговѣчной жизни, располагалъ для своихъ храмовъ народъ еврейскій, такъ и особенностей, отличавшихъ еврейскіе монументы отъ другихъ монументовъ древняго міра.

Монументы египетскіе. Въ то время, когда патріархи народа еврейскаго, ведшіе пастушескую жизнь, для увѣковѣченія въ потомствѣ священныхъ преданій сооружали холмы, ставили простые обломки скалъ въ видѣ столбовъ-памятниковъ,—въ Египтѣ уже издавна существовало твердо сложившееся земледѣльческое и промышленное государство, пользовавшееся для приданія устойчивости своей религіи, хотя и ложной, но развившейся въ систему, богатыми средствами, и натуральными и искусственными. Когда ближайшіе потомки Авраама были приведены въ эту страну божественнымъ провидѣніемъ, они не только были свидѣтелями строительнаго искусства египтянъ, но и невольными участниками въ немъ (Исх. гл. 5).

Ни отъ одного не только изъ самыхъ древнихъ, но и болѣе позднихъ народовъ не сохранилось столько и такъ хорошо религіозныхъ памятниковъ, какъ отъ народа египетскаго. Особенная ли прочность матеріаловъ и конструкціи, или чрезвычайно благоприятныя климатическія и историческія условія причиною того, — только большая часть сооруженій древняго Египта даже въ самыхъ развалинахъ своихъ поражаетъ путешественниковъ отсутствіемъ той дряхлости, слѣды которой налагаетъ время на зданія несравненно болѣе позднія въ другихъ странахъ.

«Камни не потерты, не потемнѣли, не разбиты, говорятъ описанія; цементъ не истрескался, не выпалъ; и не смотря на такое множество вѣковъ своего существованія, монументы сохраняютъ еще видъ новизны». Не смотря такимъ образомъ на все пространство вѣковъ, отдѣляющее насъ отъ древняго царства Фараоновъ, египетское зодчество можетъ подлежать нашему изученію, по крайней мѣрѣ — наравнѣ съ зодчествомъ древней Греціи и Рима.

Первоначальная идея храма обыкновенно дается тѣми жилищами, въ которыхъ застаютъ данныя племена государственная жизнь. Низменность почвы и ежегодныя, періодическія разлитія Нила, естественно, должны были побудить древнѣйшихъ обитателей Египта воспользоваться для своихъ жилищъ тѣми натуральными пещерами, которыми такъ богаты горы Востока. Къ естественнымъ пещерамъ искусство скоро присоединило новыя; чему много содѣйствовала особенная мягкость каменной массы горъ египетскихъ, легко уступавшая даже такимъ несовершеннымъ орудіямъ, какими могло владѣть общество человеческое въ младенческомъ состояніи. Эти пещеры и дали идею *среаос-а*, или подземнаго святилища, осуществившуюся безчисленнымъ множествомъ подземныхъ храмовъ, изсѣченныхъ въ бокахъ горъ ливійскихъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ гражданственности и образованія, когда на берегахъ Нила возникли города, обезопасенные искусствомъ отъ наводненій, — возвысились въ Египтѣ и открытыя монументальныя сооруженія; но на громадныхъ массахъ этихъ сооруженій отразились ясно слѣды того первоначальнаго типа зодчества, который сложился подъ вліяніемъ подземныхъ работъ. Не только внутреннее расположеніе, колоннада и украшенія открытыхъ египетскихъ храмовъ напоминаютъ вполнѣ храмы подземные; самая внѣшность первыхъ даетъ замѣтить, что они только искусственное воспроизведеніе послѣднихъ.

Какъ въ настоящее, такъ и въ древнія времена, почва египетская не доставляла въ достаточномъ количествѣ дерева, годнаго для построекъ. Поэтому египтяне употребляли, какъ строительный матеріалъ, кирпичъ изъ нильскаго ила, или просто высушенный на солнцѣ, или обожженный на огнѣ. Но какъ тотъ, такъ и другой кирпичъ, кромѣ частныхъ зданій, употреблялся иногда только для постройки пирамидъ. Для постройки же храмовъ употреблялся туфъ, известковый камень и гранитъ. Кладка громадныхъ зданій поразительна: колонны, чрезвычайной толщины и высоты, часто высѣчены изъ одного камня; стѣны и плафонъ сложены изъ огромныхъ камней четверугольныхъ, обѣченныхъ съ точностію и полированныхъ.—Думаютъ, что рабочіе владѣли инструментами превосходной закалки, и сглаживали шероховатость камней посредствомъ твердаго и тонкаго песку, какъ рассказываетъ объ этомъ Плиній. Въ отличной полировкѣ стѣнъ глубокая древность видѣла вообще лучшую красоту зданія.

Приемы сооруженій египтянъ отличаются необыкновенною силою и простотою. Стѣны египетскихъ храмовъ чрезвычайно массивны и имѣютъ положеніе наклоненное внутрь зданія, такъ что каждая изъ сторонъ храма снаружи представляетъ собою видъ трепеціи. Эта отличительная особенность египетскихъ сооруженій, странная для взгляда свыкшагося съ перпендикулярными формами зданій, обуславливала между тѣмъ необыкновенную устойчивость стѣнъ, опирающихся взаимно одна на другую. Когда залы были незначительной величины, ихъ покрывали однимъ камнемъ. Когда онѣ бывали обширны,—ставили внутри ряды колоннъ, соединяли верхи ихъ перекладинами изъ цѣльныхъ кусковъ камня и на эти перекладины налагали каменные плиты, служившія потолкомъ и вмѣстѣ—кровлею зданія. Другихъ кровель, въ родѣ тѣхъ, какія употреблялись и употребляются въ иныхъ странахъ, египетскіе храмы

не имѣли. Не употребляло египетское зодчество и сводовъ; потому что при богатствѣ строительнаго матеріала не имѣло въ нихъ нужды. Храмы такимъ образомъ заканчивались террасою и въ общемъ представляли видъ усѣченной пирамиды

Египетскіе храмы различаются между собою по высотѣ, обширности, богатству и роскоши украшеній; но всѣ они сооружались по одному, разъ на всегда принятому плану. Они состояли изъ дворовъ, окруженныхъ стѣнами и портками, изъ залъ съ колоннами, и изъ святилища. Совокупность пространства, занимаемаго ими, имѣла вообще форму прямоугольника, котораго длина была обыкновенно вдвое болѣе широты. Дворъ, предшествовавшій храму, былъ иногда очень обширенъ. По нему тянулась дорога, устланная камнями и обставленная по обѣимъ сторонамъ сфинксами колоссальныхъ размѣровъ, установленными на огромныхъ пьедесталахъ; остальное пространство двора усаживалось пальмами, и другими плодовыми и неплодовыми деревьями. Указанная дорога приводила къ колоссальнымъ воротамъ, съ двумя обелисками по сторонамъ, за которыми открывался другой дворъ, обнесенный стѣнами и окруженный галереями съ двумя рядами колоннъ. Пройдя этотъ дворъ, вступали въ залу, которой плафондъ опирался на колонны и изъ которой былъ входъ въ святилище и другія залы, назначенныя для жилища жрецовъ и для разныхъ потребностей храма. Самое святилище стояло уединенно, въ удаленіи отъ другихъ частей храма; оно имѣло небольшіе размѣры, и по внутреннему устройству, приспособлялось къ потребностямъ жившаго въ немъ обоготвореннаго животнаго.

Украшенія египетскихъ храмовъ, какъ архитектурныя, такъ и добавочныя къ архитектурѣ, отличаются изумительнымъ богатствомъ и своеобразностію. Колонны египетскія различаются какъ по своимъ пропорціямъ, такъ и по украшениямъ. Корпусъ ихъ представляетъ собою цилиндръ, котораго діаметръ иногда

одинаковъ на всю высоту; но часто—разнообразится. Такъ онъ или постепенно уменьшается, и колонна принимаетъ форму коническую, или, расширяясь надъ основаніемъ, снова суживается къ верху. Базисомъ всегда служитъ простой круглый камень, безъ всякихъ украшеній. Но голова или капитель колонны принимаетъ разнообразныя формы и украшенія: то она имѣетъ видъ чашечки (исподней части цвѣтка) лотоса или цѣлаго пучка цвѣтовъ лотоса, съ усѣченнымъ верхомъ; то принимаетъ форму опрокинутаго колокола, безъ всякихъ украшеній или съ рѣзными украшеніями въ видѣ вѣтвей пальмы, листьевъ и стеблей цвѣточныхъ, и т. п. Иногда же она представляетъ въ рельефѣ, по сторонамъ, голову Изиды. Въ центрѣ капители лежитъ по большей части—простой, безъ всякихъ украшеній, квадратный камень, на который опирается архитрава. Камень этотъ обыкновенно такъ толстъ, и такъ рѣзко выступаетъ изъ украшеній капители, что вмѣстѣ съ цоколемъ, также простымъ, только — круглымъ камнемъ, составляетъ самую наглядную особенность египетской колонны. Верхняя часть египетскихъ зданій, надъ колоннами, не представляетъ такой сложности и такого разнообразія украшеній, какая встрѣчается въ сооруженіяхъ, первоначальный типъ которыхъ въ постройкахъ изъ дерева съ высокою кровлею. Кромѣ архитравы (брусовъ, лежащихъ поверхъ колоннъ) въ ней можно различать только карнизъ, загибающійся въ видѣ пальмовой вѣтви. Надъ воротами, и вообще надъ входами, этотъ карнизъ всегда украшается крылатымъ шаромъ, съ двумя уреусами по сторонамъ ¹⁾. Подъ шаромъ, на архитравѣ, обыкновенно, видно изображеніе бога, которому посвященъ храмъ.

Все остальное пространство карниза и архитравы, равно—корпусъ колоннъ, внутреннія и внѣшнія стѣны храма и воротъ,

1) Уреусъ— видъ аспида, небольшой египетской змѣи.

самый плафондъ,—все покрыто іероглифами и скульптурою. Барельефы имѣютъ легкую выпуклость; выполненіе ихъ особенно чисто въ тѣхъ памятникахъ, которые принадлежать XVIII—XV вѣкамъ до рождества Христова,—вѣкамъ, когда египетское искусство достигло своего высшаго развитія. Фигуры людей и животныхъ соединяются съ іероглифами, такъ что взаимно дополняютъ и объясняютъ себя. Въ одномъ храмѣ стѣны, ворота и колонны даютъ болѣе 4500 квадратныхъ сажень такой скульптуры, окрашенной въ красный, голубой, желтый и зеленый цвѣта, и представляющей, вмѣстѣ съ исторіею народа, его идеи символическія и религіозныя. Живопись почти всегда соединяется съ скульптурою, и отличается необыкновенною яркостію и прочностію красокъ ¹⁾. Въ чистомъ же видѣ она употреблялась, напримѣръ, для украшенія потолка, который въ нѣкоторыхъ храмахъ представлялъ видъ голубаго неба, усыянаго звѣздами, и т. п.

Дополнительныя къ архитектурѣ украшенія въ монументальныхъ зданіяхъ Египта были не менѣе роскошны. Развалины храмовъ внутри и совнѣ усыяны обломками колоссовъ и фигуръ всякаго рода. Статуи ставились или въ нишахъ (нарочито сдѣланныхъ углубленіяхъ) стѣнъ или отдѣльно, на пьедесталахъ; иногда—на верху зданій, чаще подъ портиками и по дорогѣ къ храму. Въ изображеніи формъ животныхъ, какъ напримѣръ въ сфинксахъ, египетское ваяніе достигло очень значительнаго совершенства; но статуи, изображающія фигуры боговъ и людей, отличаются развѣ изумительною колоссальностію. Вытянутое положеніе фигуръ, приплюснутыя груди, длинныя ноги, поднятыя уши, глаза очень открытые, оконечности—безъ подраженія натурѣ, и полное отсутствіе подробностей

1) Свежесть живописныхъ изображеній, по разсказамъ путешественниковъ, до того поразительна, что, по мѣстной поговоркѣ, кажется, будто художникъ еще не успѣлъ вымыть рукъ послѣ того, какъ окончилъ работу.

анатомических—характеристических особенностей египетских статуй. Обыкновенно для них назначалось известное место въ храмѣ или внѣ храма, чтобы выразить известную идею; какъ скоро эта цѣль достигалась,—художникъ не заботился болѣе объ изящной отдѣлкѣ ихъ ¹⁾.

Обелиски, ставившіеся только при входахъ въ храмы, и всегда попарно, были колоссальные (достигавшіе иногда до 18 саженой) четырехсторонніе монолиты, высѣченные изъ розоваго гранита и покрытые іероглифами. На верхней, пирамидальной, обыкновенно заканчивающей ихъ—части высѣкалось имя царя, поставившаго обелискъ, и бога, которому онъ посвящался. Сфинксы, стоявшіе всегда по обѣ стороны дороги, подводившей къ храму, и также отличающіеся колоссальностію, представляли собою загадочныя фигуры, на половину принадлежавшія къ одному, и на половину—къ другому роду животныхъ. Пьедесталы, на которыхъ стояли они, покрывались іероглифами.

Кромѣ подземныхъ и открытыхъ храмовъ, въ Египтѣ въ настоящее время насчитываютъ до сорока пирамидъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сложены изъ кирпича; но замѣчательнѣйшія построены изъ огромныхъ кусковъ гранита. Было много мнѣній о назначеніи этихъ громадныхъ сооружений, которымъ ничего подобнаго не представила общественная жизнь другихъ народовъ; но религіозно-монументальный смыслъ ихъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію съ тѣхъ поръ, какъ во внутреннихъ залахъ и переходахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ открыты муміи и саркофаги.

Монументы азійскіе. Если монументальныя сооружения Египта изумляютъ своею вѣковѣчностью и свѣжестью въ самыхъ

1) По словамъ Діодора сицилійскаго, художники отдѣляли ихъ по частямъ: одинъ голову, другой руку, и т. д., и потомъ соединяли эти части въ одно цѣлое.

развалинахъ; то знаменитѣйшіе въ исторіи народы древней Азіи озадачиваютъ современный міръ трудностію отыскивать вещественные слѣды ихъ религіозно-исторической жизни. Было время, когда Тиръ и Сидонъ, располагавшіе богатствами Европы, Азіи и Африки, славились, между прочимъ, и величіемъ архитектуры и пышностію религіозныхъ общественныхъ празднествъ. Гомеръ говоритъ о рабочихъ сидонскихъ, какъ объ искуснѣйшихъ въ мірѣ. Хирамъ, царь тирскій, принималъ съ своими художниками самое дѣятельное участіе въ постройкѣ храма Соломонова. Но Богъ сказалъ Тиру: *наведу на тя языки многи, якоже восходитъ море волнами своими. И обвалятъ стѣны Сора, и разорятъ столпы твоя, и развѣю прахъ его изъ него, и дамъ его въ гладокъ камень. Сушеніе мрежей будетъ средѣ моря* (Іезек. 26, 3—5). Грозное пророчество божественное исполнилось надъ Финикією буквально. Было время, когда и Ниневія разбрасывалась на такое обширное пространство, что для перехода чрезъ нее требовалось три дня пути, и изумляла міръ своими стѣнами и высокими башнями, а Вавилонъ, полный громадныхъ зданій, по слову пророка, казался *горою* (Іер. 51, 25). Гнѣвъ Божій отяготѣлъ надъ преступными народами, и провидѣніе стерло съ лица земли не только ихъ самихъ, но и все, что созидали они, чтобы *сотворить память о себѣ*. То были народы, которыхъ многовѣковая историческая жизнь должна была, по суду Божію, пройти безъ всякихъ положительно-полезныхъ для человѣчества послѣдствій: *и не возмутъ отъ тебе камене во уголъ, и камене во основаніе, яко потребишися во вѣки*, сказалъ Господь Вавилону (Іер. 51, 26).

Данныя, по которымъ можно судить объ архитектурѣ финикійской, ограничиваются нѣсколькими древними монетами съ изображеніями зданій, и немногими уцѣлѣвшими развалинами на островахъ Средиземнаго моря, нѣкогда обитаемыхъ финиکیанами. Судя по развалинамъ храма Венеры на островѣ Па-

еосѣ, рисункамъ этого же храма на медаляхъ, и по близкимъ отношеніямъ Финикіи къ Египту, вообще полагаютъ, что храмы финикійскіе были похожи на египетскіе. Думаютъ, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, архитектурныя формы были тяжелыя, кладка огромная, предъ воротами стояли по два обелиска; и если храмы финикійскіе могли чѣмъ отличаться отъ египетскихъ,—то развѣ особенною драгоценностію украшній, и смѣшаннымъ употребленіемъ камня, дерева и металла.

О монументахъ древней Ниневіи и Вавилона можно судить только по раскопкамъ, производимымъ въ новѣйшее время въ развалинахъ ихъ, и по описанію вавилонскаго храма Белуса, оставленному Геродотомъ и дополняемому свѣдѣніями, сообщаемыми другими древними писателями. Судя по этимъ даннымъ, храмы Ниневіи и Вавилона отличались пирамидальною формою и громадностію измѣреній. Храмъ Белуса построенъ былъ въ восемь, одинъ на другомъ возвышавшихся, этажей. Нижній этажъ, служившій основаніемъ, составляла башня, имѣвшая стадію толщины и стадію высоты; на этой башнѣ возвышалась другая, на той третья, уменьшаясь въ размѣрахъ постепенно, такъ что высота всего храма достигала, примѣрно, до семидесяти сажней. На каждую изъ башень восходили по лѣстницамъ, обвивавшимъ зданіе со внѣшней стороны. Въ самой верхней башнѣ было святилище, безъ идола, съ ложемъ и золотымъ столомъ. Башня эта заканчивалась платформою, на которой стояли колоссальныя статуи Юпитера, Юноны и Реи, кованныя изъ золота, а предъ ними, на золотыхъ столахъ, золотыя вазы съ благовоніями и чаши изъ того же металла.

Матеріаломъ для постройки подобныхъ массъ служилъ кирпичъ, часто—необожженный. Относительная непрочность такого матеріала, быть можетъ, больше всего и обуславливала недолговѣчность сооруженій Вавилона и Ниневіи.

Храмы Вавилона и Ниневіи, кромѣ статуй, обыкновенно увѣнчивавшихъ ихъ, украшались по стѣнамъ лѣпными барельефами, покрытыми эмалью разныхъ цвѣтовъ, и надписями. Такъ, клинообразныя надписи по стѣнамъ башенъ храма Белуса изображали исторію Халдеи, а барельефы представляли въ символахъ ея космогонію и идеи религіозныя.

Если храмы Финикіи имѣли много общаго съ храмами Египта: то монументальныя сооруженія Ниневіи и Вавилона носили уже особенный стечатокъ, характеризующій произведенія азіатскаго генія. Въ этой громадности зданій, гордо возвышающихся къ небу, уже даетъ замѣтить себя стремленіе къ чрезвычайному, сверхъ-естественному, подавляющему соображенія разсудка и льстящему необузданной фантазіи. Но истинною представительницею чисто-азіатскаго искусства служить Индія, съ ея подземными храмами и открытыми пагодами, не менѣе монументальными и типичными, какъ подземныя и открытыя храмы Египта.

Въ Индіи, какъ и въ Египтѣ, первыми, по времени, храмами были храмы подземныя. Но если въ Египтѣ эти первоначальныя храмы были впослѣдствіи совершенно замѣнены открытыми и обратились въ погребальныя склепы для мумій,— въ Индіи они всегда сохраняли свое первоначальное значеніе, служа или убѣжищемъ для подвижниковъ индійскихъ, искавшихъ уединенія, какъ думаютъ одни, или выраженіемъ одной изъ сторонъ символа дуализма природы, какъ предполагаютъ другіе. Кромѣ того, между подземными и открытыми храмами Индіи есть еще переходная форма, почти неизвѣстная древнему Египту: это — храмы открытыя, но цѣликомъ высѣченныя изъ массы утеса, съ извѣстною отдѣлкою какъ изнутри, такъ и совнѣ. Въ этой переходпой формѣ сказался уже тотъ характеръ индійскаго зодчества, который отличаетъ его отъ египетскаго, замѣчательнаго простотою и относительною безъиску-

ственностью формъ и приемовъ. Разность должна была, естественно, отразиться еще болѣе на индійскихъ пагодахъ, въ собственномъ смыслѣ—открытыхъ храмахъ,—и вообще—на расположеніи и украшеніяхъ монументальныхъ сооруженийъ Индіи.

Самыя замѣчательныя изъ подземныхъ святилищъ Индіи, это—гроты Эллары и Элефанта. Они состоятъ изъ множества обширныхъ залъ, возвышающихся одна надъ другою въ видѣ этажей; залы сообщаются между собою посредствомъ корридоровъ и лѣстницъ и доводятъ до самаго внутренняго святилища, гдѣ находится идолъ, обыкновенно сидящій на пяткахъ. Высчитываютъ, что для ископанія храма Думарь-Лейна, одного изъ храмовъ Эллары, нужно было выбрать около 8000 кубическихъ саженой утеса.

Еще болѣе удивительны группы храмовъ открытыхъ, изсѣченныхъ изъ утеса. Группа Кейла отъ входа до главнаго храма тянется болѣе, чѣмъ на тридцать саженой; высота главнаго храма достигаетъ пятнадцати саженой; и вся эта группа высѣчена изъ одного куска камня! Храмы представляются стоящими на рядахъ слоновъ, тоже—высѣченныхъ изъ камня. Думаютъ, что для обдѣлки этой группы нужно было вырубить 46,000 кубическихъ саженой утеса.

Пагоды имѣютъ форму пирамидальную; обыкновенно онѣ возвышаются этажами, постепенно суживаясь, и заканчиваются платформою или куполомъ. Кладка основныхъ этажей состоитъ, по большей части, изъ огромныхъ камней; но верхніе этажи строились изъ кирпича. Пагоды окружены бывають галлереями и кельями, обнесенными стѣнами.

Въ Индіи религія одушевляетъ, но вмѣстѣ—и ограничиваетъ художника. Священные книги индійцевъ опредѣляютъ до мелочности правила, которыхъ долженъ придерживаться художникъ,—предписываютъ не только формы, которымъ онъ обязанъ быть вѣрнымъ, но и священные обряды, которые должны освя-

щать его произведенія. Не смотря на то, никакая архитектура не представляет такого безкончнаго разнообразія, такого своенравнаго произвола въ украшеніяхъ, какъ индійская. Украшеніями индійскихъ храмовъ, какъ и египетскихъ, служатъ колонны, барельефы, статуи, живопись. Но все это до того разнообразно, пестро, изысканно, мелочно,—носитъ такой фантастическій, дѣтскій характеръ, что заслоняетъ собою то впечатлѣніе, которое должны бы производить на наблюдателя чистыя архитектурныя формы.

Колонны индійскихъ храмовъ такъ разнообразны и такъ изысканны, что не только не могутъ быть подведены подъ роды или виды, какъ колонны даже—египетскія, но почти всегда переходятъ въ такія искусственныя подпоры, которымъ трудно дать самое названіе колоннъ. Такъ корпусъ колонны имѣетъ, напримѣръ, видъ чаши, опрокинутой на пьедесталь и дномъ своимъ поддерживающей особенной, тоже изысканной—формы абакъ, на которомъ лежитъ архитрава; часто онъ похожъ болѣе на шейку колонны, чѣмъ на колонну, и идетъ ровно или вгибается внутрь. Двоякаго рода капители лежатъ, иногда, одна на другой, и представляютъ видъ сплюснутаго шара, или имѣютъ четверугольную форму. Пьедесталь колонны то гладкій, то желобчатый, и т. д. Барельефы употребляются какъ на поверхностяхъ гладкихъ, такъ и на округлостяхъ или карнизныхъ частяхъ. Статуи людей и животныхъ, какъ дѣйствительныхъ, такъ и фантастическихъ, стоятъ уединенно или поддерживаютъ какую либо часть зданія. Плафонды разрисованы по впадинамъ и очерченіямъ: живопись соединяется, такимъ образомъ, съ архитектурою.

Къ пестротѣ и своенравности украшеній, говорящихъ объ изумительномъ трудѣ и терпѣніи индійскихъ зодчихъ, присоединяются затѣйливости чисто-азиатскаго вкуса, напоминающія въсадіе сады и тому подобныя чудеса Востока: въ храмахъ индійскихъ нерѣдко встрѣчаются, напримѣръ, такіе выступы

изъ отвѣса, такія выдающіяся части и нависшія массы, что каждое мгновеніе грозятъ обрушиться на зрителя, хотя, на самомъ дѣлѣ, все держится очень прочно...

Храмы Китая также, какъ и пагоды индійскія, имѣютъ пирамидальную форму въ нѣсколько одинъ надъ другимъ возвышающихся этажей. Въ самомъ верхнемъ этажѣ помѣщается святилище съ пьедолюмъ. Подлѣ храмовъ—жпища для бонзъ, сады и павильоны.

Но храмы китайскіе не имѣютъ такого монументальнаго характера, какъ сооруженія Египта и Индіи. Матеріаломъ для постройки ихъ служитъ по большей части дерево, рѣдко—кирпичъ. Не смотря на безчсленные вѣка существованія, которые приписываетъ себѣ небесная имперія, древнихъ храмовъ въ ней не сохранилось.

Общій типъ всѣхъ зданій китайскихъ, ясно, лежитъ въ тѣхъ палаткахъ, въ какихъ жило нѣкогда кочевое племя древнихъ обитателей Китая. Эти кровли, загибающіяся по краямъ, эти колонны безъ капителей, рѣдкое употребленіе даже кирпича, — все говоритъ, что Китай успѣлъ сбросить съ себя формы кочеваго быта, но въ развитіи формъ новаго остановился неподвижно.

в) Монумены классическіе.

Особенныя климатическія и историческія обстоятельства древней Греціи и Рима, условливавшія отличія въ ихъ духовно-нравственномъ развитіи и общественномъ быту, сравнительно съ народами древняго Востока, положили особенный отпечатокъ и на архитектуру ихъ, рѣзко отличающій ее отъ архитектуры древняго Египта и Азіи.

Древніе обитатели Европы, пользовавшіеся такимъ благотвореннымъ климатомъ, какъ обитатели Африки и южной Азіи, не находили и тѣхъ естественныхъ убижищъ отъ климатическихъ невзгодъ, какія представляли горы Египта и Азіи

въ своихъ пещерахъ для обитателей тѣхъ странъ. Искусство съ самыхъ первыхъ поръ должно было служить имъ не только для пропитанія, но и для устройства крова. Богатство лѣса, какъ строительнаго матеріала, добываемаго съ трудомъ несравненно меньшимъ, чѣмъ камень, дало первое направленіе этому искусству. Въ ту пору, какъ на Востокѣ человекъ изрывалъ бока горъ, чтобы увеличить количество или пространство естественныхъ подземелій, или разбрасывалъ шатры, чтобы избѣжать труда, казавшагося излишнимъ,—въ Европѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, онъ строилъ хижины изъ дерева и изыскивалъ всевозможныя средства придать имъ большую прочность, непроницаемость для дождя и холода, и внутреннее удобство. Съ развитіемъ матеріальнаго благосостоянія, промышленности и торговыхъ сношеній этихъ странъ, явилась возможность употреблять для построекъ камень и кирпичъ. Но строительное искусство, освоившееся разъ съ формами деревянной хижины, осталось вѣрнымъ первоначальному типу, созидая изъ камня и кирпича зданія, въ общемъ и частяхъ воспроизводившія деревянныя постройки.

Этотъ особенный типъ древней греко-римской архитектуры, обыкновенно называемой классическою, обуславливалъ тѣ характеристическія черты, которыя отличаютъ ее отъ архитектуры восточной. Подземелья Египта и Индіи наложили на сооруженія этихъ странъ характеръ тяжелой массивности и колоссальности, отъ котораго несвободны даже части наиболѣе напоминающія постройку изъ дерева (колонны египетскихъ храмовъ также массивны, какъ и стѣны, а колонны индійскія, по своей толщинѣ и низкому росту, скорѣе напоминаютъ обдѣланный кубическій камень, чѣмъ стволъ дерева); между тѣмъ деревянная хижина древней Греціи и Рима сообщила монументальнымъ сооруженіямъ ихъ необыкновенную легкость формъ, соединенную съ прочностію и разнообразіемъ.

Родиною классической архитектуры считается Греція. Въ ней первоначально появились тѣ особенныя правила построекъ, которыя дали начало такъ называемымъ—архитектурнымъ орденамъ, и которыя, впоследствии, получили дальнѣйшее развитіе и приложеніе въ архитектурѣ римской, наполнившей своими произведеніями почти всѣ страны извѣстнаго тогда міра.

Монументы греческіе. Первые, по времени, религиозно-монументальныя сооруженія древней Греціи были такъ называемыя—сооруженія *циклопическія*. Они употреблялись для городскихъ стѣнъ, священныкъ оградъ (акрополисовъ) и надгробныхъ памятниковъ. Эти стѣны и ограды слагались изъ камней неправильной формы, мало или вовсе необдѣланныхъ, но сплоченныхъ съ такою точностію и искусствомъ, которыя, не смотря на непрямолинейность и неправильность кусковъ, указываютъ на знаніе лучшихъ условій прочности.

Со времени троянской войны въ Греціи начинаютъ строить храмы изъ дерева, или изъ дерева и камня вмѣстѣ. Но эти храмы еще не были тѣми основанными на точныхъ вычисленіяхъ, соразмѣренными, регулированными зданіями, которыя стали размножаться въ Греціи со времени изгнанія Персовъ. По описанію Гомера, зданія греческія отличаются только богатствомъ матеріала, подборомъ и полировкой камней; эту сторону, а не изящество пропорцій, напимѣръ, онъ расхваливаетъ въ дворцѣ Алкиноя. Вмѣстѣ съ другими искусствами архитектура достигла въ Греціи высшаго развитія своего въ вѣкъ Перикла. Тогда же опредѣлились вполне и тѣ особенныя архитектурныя законы, которые выразились въ *орденахъ*.

Орденомъ называютъ извѣстную систему постройки, которая имѣетъ спеціальныя правила для своихъ пропорцій и орнаментовъ, и слѣдовательно—свои отличительныя черты. Обыкновенно насчитываютъ пять архитектурныхъ орденовъ: *дорійскій, іонійскій, коринтскій, тосканскій и смѣшанный*.

Два послѣдніе исключительно принадлежатъ римскому искусству.

Орденъ опредѣляется по пьедесталу зданія, колоннѣ и верху. Въ каждомъ изъ этихъ поясовъ зданія различаютъ по три части: въ пьедесталѣ цоколь, кубъ и карнизъ; въ колоннѣ—базисъ, корпусъ и капитель; въ верхѣ—архитраву, фризь и карнизъ. Всѣ и каждая изъ этихъ частей имѣютъ относительныя пропорціи свои опредѣленными. Единицею мѣры служитъ полудіаметръ нижняго конца корпуса колонны, который называется *modulus*-омъ, и раздѣляется на двѣнадцать частей или *минутъ*—для орденовъ дорійскаго и госканскаго, и восемнадцать—для іонійскаго, коринтскаго и смѣшаннаго. Не входя въ архитектурныя подробности, отличающія каждую изъ означенныхъ частей въ каждомъ орденѣ, обратимъ вниманіе на колонну, въ которой орденъ выражается по преимуществу, и особенности которой легче всего подлежатъ и наблюденію, и описанію.

Самымъ древнимъ и самымъ употребительнымъ орденемъ въ Греціи считается *дорійскій*. Наибольшая и наилучшая часть сохранившихся до нашего времени греческихъ храмовъ принадлежитъ этому ордену, который и можетъ быть названъ, по тому, греческимъ по преимуществу. Первая наглядная особенность древней колонны этого ордена состоитъ въ отсутствіи базиса, безъ котораго немислимы колонны другихъ орденовъ. Высота колонны отъ четырехъ до пяти съ половиною діаметровъ, или отъ восьми до одиннадцати модулюсовъ. Какъ колонны другихъ орденовъ, и эта кверху постепенно суживается, такъ что діаметръ верхняго конца ея на четверть или даже—на треть меньше нижняго. При относительно незначительной высотѣ такое быстрое суженіе корпуса колонны даетъ ей видъ усѣченнаго конуса, и придаетъ этому ордену характеръ особенной силы и прочности. Капитель колонны отличается простотою и отсутствіемъ украшеній. Триглифы (три продолговатые надрѣза

въ видѣ желобковъ, идущіе сверху внизъ и заканчивающіеся висящими подъ ними какъ-бы каплями или колокольчиками), исключительно употребляющіеся только на фризахъ ордена дорійскаго, даютъ сразу отличить этотъ орденъ отъ тосканскаго, съ которымъ онъ имѣетъ довольно общаго.

Орденъ *іонійскій*, въ существѣ, представляетъ собою только развитіе ордена дорійскаго, вызванное естественною потребностью создать формы болѣе легкія и живыя, чѣмъ важныя и строгія формы дорійскія. Онъ занимаетъ средину между орденомъ дорійскимъ и коринтскимъ, въ которомъ легкость, красота и граціозность достигли высшаго развитія. Орденъ этотъ встрѣчается въ Греціи довольно часто. Средняя высота колонны его равняется семнадцати модулямъ. Капитель ея имѣетъ по сторонамъ два завитка, которые и отличаютъ наглядно этотъ орденъ отъ прочихъ.

Орденъ *коринтскій* является въ Греціи уже во времена позднѣйшія, послѣ Перикла, и встрѣчается очень рѣдко. Въ немъ видятъ упадокъ греческаго вкуса, отразившійся въ изысканности украшеній, которыми отличается этотъ орденъ. Вполнѣ принялась эта архитектурная форма въ Римѣ, гдѣ и нужно искать ея лучшихъ образцовъ. Колонна коринтская имѣетъ въ высоту около двадцати модулей. Капитель ея представляетъ видъ опрокинутаго колокола, обвѣтаго двумя или тремя рядами акантовыхъ и масличныхъ листьевъ. Украшенія этой колонны распространявшіяся и на ея базисъ, съ теченіемъ времени дѣлались все болѣе и болѣе роскошными; верхъ этой роскоши находятъ въ монументахъ Бальбека и Пальмиры.

Ордена примѣнялись ко всякаго рода монументамъ, но не безразлично. Тамъ, гдѣ нужно было выразить силу, придать монументу особенное величіе и важность, употребляется орденъ дорійскій. Преимущественно храмы этого ордена строились божествамъ войны и героизма. Орденъ іонійскій встрѣ-

чается первоначально между надгробными памятниками, потомъ—между храмами Минервы, Дианы, Бахуса. Орденъ коринтскій употреблялся для храмовъ Венеры, Хлоры, Прозерпины, и проч.

Мѣстность для храмовъ избиралась соотвѣтственно ихъ назначенію. Храмъ Марса, напримѣръ, ставился у воротъ города, Меркурія—на форумѣ, Юпитера и боговъ хранителей—на мѣстахъ возвышенныхъ, Геркулеса—подлѣ гимназій, Цереры—въ поляхъ. На этотъ счетъ, кромѣ того, совѣтовались съ оракулами.

Храмъ имѣлъ въ основаніи форму продолговатаго четверугольника, или бывалъ круглый. Различное примѣненіе къ нимъ колоннъ подраздѣляло эти роды на нѣсколько видовъ ¹⁾. Употребленіе той или другой формы, того или иного вида храма зависѣло отъ качествъ боговъ, которымъ храмы посвящались. Храму предшествовалъ, иногда, дворъ, съ портикомъ. Этотъ портикъ былъ болѣе или менѣе обширенъ, смотря по назначенію монумента; въ немъ стоялъ народъ, потому что въ храмы могли входить только жрецы. Ко всему этому присоединялся иногда и внѣшній дворъ; послѣдній въ такомъ случаѣ украшался статуями, алтарями и даже небольшими храмами. Вся совокупность священнаго мѣста, включая храмъ, жилища жрецовъ и принадлежація къ нимъ мѣста, называлась *іероу*. Входъ въ храмъ былъ вообще съ запада; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускались исключенія.—Храмъ надъ рѣкою бывалъ обращенъ входомъ къ рѣкѣ (какъ это дѣлалось и въ Египтѣ);

¹⁾ Храмы имѣли, при этомъ, и различныя названія. Храмъ съ четырьмя колоннами впереди назывался *простиль*; *амфипростиль* былъ храмъ съ четырьмя колоннами впереди и съ четырьмя же позади; *периптеръ*—съ колоннами вокругъ; *диптеръ*—съ двумя рядами такихъ колоннъ; *илетръ*—храмъ открытый; *моноптеръ*—безъ стѣнъ, съ кровлею, поддерживаемою колоннами; *периптеръ*—круглый. Круглой формы былъ и моноптеръ.

храмъ при дорогѣ—къ дорогѣ, чтобы проходящіе могли видѣть внутренность его.

Архитектурныя украшенія греческихъ храмовъ частію опредѣлялись ихъ орденомъ, частію—назначеніемъ. Живопись и ваеніе занимали самое видное мѣсто. Живопись употреблялась и въ соединеніи съ ваеніемъ, и независимо отъ него, для картинъ историческихъ, украшавшихъ стѣны храмовъ, для раскраски плафондовъ. Кромѣ того, она употреблялась для поддѣлки подъ мраморъ деревянныхъ и кирпичныхъ частей зданія, и даже—для перемѣны цвѣта въ самомъ мраморѣ, если онъ былъ неудовлетворителенъ. Особенную же роскошь украшенію греческихъ храмовъ придавали статуи. Онѣ ставились наверху и по откосамъ фронтоновъ, подъ портниками и въ промежуткахъ колоннъ; всѣ ниши въ храмахъ также были наполнены ими ¹⁾.

Монументы римскіе. Архитектура римская, въ существѣ, есть также—греческая. Во весь долгій періодъ своего существованія Римъ не развилъ такихъ архитектурныхъ формъ, которыя принадлежали бы ему исключительно, и не имѣли бы ничего общаго съ монументальными сооружениями Греціи.

Въ эпоху основанія Рима въ Италіи стояла на значительной степени развитія такъ называемая—*этрусская* или *тосканская* архитектура. Одинаковость мѣстныхъ условій, а еще болѣе—постоянныя сношенія древней Италіи съ Греціею и общность религіозныхъ вѣрованій и культа сообщили одинаковый характеръ и строительному искусству обѣихъ странъ. Самыя древнія сооружения этрусковъ, какъ и грековъ,—циклопическія. Съ развитіемъ образованія и гражданственности въ

¹⁾ Количество статуй въ Афинахъ было такъ безмѣрно, что превышало, говорятъ, количество жителей. Отъ этого площади и храмы бывали даже загромождены ими.

Этрурии появились храмы; но система постройки ихъ была греческая же, съ незначительными отличіями. Орденъ, извѣстный подъ именемъ *тосканскаго*, есть не болѣе, какъ частный видъ ордена дорійскаго (колонна его отличается отъ древней дорійской колонны, главнымъ образомъ, базисомъ и отсутствіемъ триглифовъ на фризѣ). Эта архитектура, также важная и строгая, какъ дорійская, перешла въ древній Римъ и господствовала въ немъ до тѣхъ поръ, пока всесвѣтныя завоеванія и сближеніе съ Греціею не подѣйствовали особеннымъ образомъ на римскіе нравы и римскій вкусъ.

Самымъ древнимъ и знаменитымъ храмомъ въ Римѣ былъ храмъ Юпитера capitoлийскаго. Постройка его была начата Тарквиніемъ древнимъ, этрусскимъ уроженцемъ. Холмъ, на которомъ предполагалась постройка, имѣлъ вершину неудобную для сооруженій и бока — неприступныя. Необходимо было предварительно уравнивать вершину, укрѣпить и обдѣлать стороны холма. Работы тянулись очень долго, и были окончены уже по изгнаніи царей этрусскими художниками. Величіе храма было таково, что, по словамъ Тацита, всѣ завоеванія римлянъ, впоследствии, увеличивали скорѣе его богатства, чѣмъ красоту. Размѣры храма и его расположеніе, суды по описанію Діонисія галикарнасскаго, напоминали, съ незначительными исключеніями, систему греческихъ сооруженій. Внутри онъ имѣлъ три отдѣленія, и лицевая сторона его, увѣнчанная высокимъ фронтономъ, опиралась на три ряда колоннъ. Два раза онъ былъ разрушаемъ, и каждый разъ возстановляли его по тому же плану и на томъ же основаніи. Формы его всегда оставались однѣ и тѣже. Съ паденіемъ древнихъ республиканскихъ нравовъ, особенно со времени Августа, строгія тосканскія архитектурныя формы перестали быть для Рима завѣтомъ священной старины. Черезмѣрные богатства, скопившіяся въ Римѣ, утонченный вкусъ, искавшій во всемъ болѣе роскоши, разно-

образія и изящества, чѣмъ пользы, прочности и истиннаго величія, перенесли на римскую почву архитектурныя формы позднѣйшей Греціи, которыя и напли здѣсь самое разнообразное приложеніе и самое изысканное развитіе.

Монументы римскіе этого періода принадлежатъ къ орденамъ—*іонійскому, коринѳскому и смѣшанному*. Первые два заняты изъ Греціи безъ особенныхъ измѣненій,—последній принадлежитъ собственно римской архитектурѣ. Онъ образовался изъ соединенія отличій іонійскаго ордена съ коринѳскимъ, и составляетъ видоизмѣненіе послѣдняго (капитель смѣшанной колонны обвита рядами листьевъ, какъ коринѳская, и имѣетъ завитки по сторонамъ, какъ іонійская; завитки замѣняются иногда фигурами птицъ, геніевъ, и т. п.).

Какъ на особенность римской архитектуры, можно указать еще на очень частое употребленіе свода и купола, въ формѣ *цинтра*. Нѣтъ сомнѣнія, что сводъ и куполь, въ томъ или другомъ видѣ, могли появиться первоначально еще въ Греціи. Сравнительная бѣдность строительнаго матеріала естественно должна была вызвать искусственные приемы для завершения дверей, оконъ и самыхъ зданій, особенно—круглыхъ по плану. Но древніе памятники Греціи представляютъ мало слѣдовъ такой формы. Чаше встрѣчаются они въ сооруженіяхъ этрусскихъ; но болѣе всего сводъ и куполь отличаютъ монументы римскіе. Въ окнахъ, дверяхъ и кровляхъ, по большей части, они даютъ полный *цинтръ* (половину круга), но иногда—убавленный (правильную дугу, меньшую полукруга).

Вмѣстѣ съ архитекторюю перешла въ Римъ и греческая скульптура и живопись. Греческіе художники ознакомили римлянъ съ своимъ вкусомъ, а римскіе завоеватели наводнили римскіе храмы, театры и площади греческими статуями, вывезенными въ разное время изъ разныхъ городовъ павшихъ греческихъ республикъ.

г) Монументальность народа еврейскаго.

Переходъ отъ патріархальнаго быта къ гражданскому обозначился для народа еврейскаго устройствомъ скиніи, особеннаго рода подвижнаго храма, долженствовавшаго соединять вокругъ себя племя Авраамово. Въ это же время опредѣлилось и то значеніе и характеръ, какія должна была имѣть религіозная архитектура у этого народа.

Планъ, устройство и украшеніе скиніи даны были законодательнымъ порядкомъ. Художественное творчество не должно было входить въ область религіи. Искусству была предоставлена только исполнительная сторона. Монументальное выраженіе религіи, какъ и самая религія, имѣло откровенный, божественный характеръ. Съ другой стороны, какъ скоро храмъ былъ устроенъ, народъ еврейскій не долженъ былъ имѣть другаго (Лев. 17, 1—9; Втор. 12, 4—11). Сооруженіе его должно было соединять въ одномъ усилиіи всѣ матеріальныя средства, какими только могъ располагать еврейскій народъ въ данное время.

Иудейскій народъ имѣлъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, три храма. Каждый изъ нихъ былъ устроенъ по одному и тому же образцу, неказанному Богомъ Моисею на горѣ Синайской. Отличались они между собою только большимъ или меньшимъ богатствомъ матеріала по постройкѣ и украшенію, большею или меньшею широтою въ исполненіи плана, и тою или другою степенью искусства въ отдѣлкѣ частностей.

Скинія состояла изъ двора и святилища или—собственно скиніи. Все пространство, занимаемое ею, имѣло видъ продолговатаго четверугольника, котораго удлинненныя стороны шли отъ востока къ западу. Святилище раздѣлялось на двѣ части: передняя называлась *святое*, углубленная — *святое святыхъ*.

Дворъ, имѣвшій сто лактей въ длину и пятьдесятъ въ широту, былъ окруженъ шестьюдесятью колоннами, которыя вставлялись въ мѣдные цоколи, укрѣплялись мѣдными колками и имѣли капители, окованныя серебромъ. Каждая изъ нихъ была пяти лактей въ высоту и стояла одна отъ другой на разстояніи пяти же лактей. Всѣ онѣ были снабжены серебряными крючками, на которыхъ висѣли куски ткани пзъ сученаго льна (длиною каждый въ пятнадцать лактей), замѣнявшіе стѣны двора. Съ восточной стороны, у входа въ дворъ, льняныя ткани прерывались. На четырехъ колоннахъ, стоявшихъ здѣсь, висѣла особенная завѣса изъ сученаго же льна, но съ уткомъ цвѣта гіацинтоваго, пурпуроваго и багрянаго, имѣвшая въ длину двадцать лактей.

Стѣны скиніи, стоявшей посреди двора, именно—сѣверная, западная и южная, сложены были изъ досокъ дерева *sittim* (негниющаго), покрытыхъ золотомъ и поставленныхъ стоймя въ окованныя серебромъ основаніи. Сѣверная и южная стѣна слагалась изъ двадцати досокъ, имѣвшихъ каждая десять лактей въ высоту и полтора—въ широту,—западная изъ шести, той же высоты и широты. Такъ какъ въ углахъ скиніи уставлено было сверхъ того два столба: то размѣры скиніи были—десять лактей въ высоту, тридцать въ длину и десять въ широту. Каждая изъ досокъ входила одна въ другую посредствомъ щиповъ; кромѣ того, съ наружной стороны каждая изъ нихъ имѣла по пяти колець, въ которыя вкладывались поперечины изъ дерева же *sittim*. Восточная сторона, служившая входомъ, не имѣла стѣны; ее замѣняли пять колоннъ, покрытыхъ золотомъ, уставленныхъ въ мѣдные цоколи и снабженныхъ золотыми крючками. Такого же рода колоннами, только въ числѣ четырехъ, и вставленными въ серебряные цоколи, отдѣлялись и внутреннія части скиніи, изъ коихъ *святос* имѣло въ длину двадцать лактей на десять широты и высоты, а *свя-*

тоя святыхъ—десять лактей по всѣмъ измѣреніямъ.

На колоннахъ у входа въ скинію висѣла такая же завѣса, какъ и у входа во дворъ скиніи. Подобная же завѣса, но украшенная херувимами, отдѣляла и святое святыхъ. Четыре покрыва: льняной, съ уткомъ цвѣта гіацинтоваго, пурпуроваго и багрянаго, украшенный изображеніями херувимовъ, шерстяной (изъ козьеи шерсти) и два кожаныхъ, съ окрашеною шерстью, покрывали, одинъ поверхъ другаго, не только верхъ, но и стѣны скиніи, кромѣ восточной ея стороны.

Дворъ скиніи назначался собственно для народа. Посреди его, предъ скиніею, возвышался алтарь для всеозженій, къ которому народъ приводилъ жертвенныхъ животныхъ, но за который проникать онъ не смѣлъ. Срубъ алтаря, сдѣланный изъ дерева sittim, окованъ былъ мѣдью, и имѣлъ посрединѣ сѣть изъ того же металла. За алтаремъ стояла мѣдная умывальница, сдѣланная изъ женскихъ зеркалъ и назначенная для омовеній жрецовъ предъ началомъ служенія.

Святое было доступно однимъ священникамъ. Направо отъ входа въ него стояла трапеза предложенія. Это былъ небольшой алтарь изъ дерева sittim, облеченный золотомъ и имѣвшій рѣзныя окраины. Каждую субботу на немъ полагалось двѣнадцать хлѣбовъ, по числу двѣнадцати колѣнъ израильскихъ. Хлѣбы отдѣлялись между собою золотыми пластинками, выгнутыми въ ложбинки. Напротивъ трапезы стоялъ свѣтильникъ, съ семью свѣтилами, изваянный изъ золота въ видѣ дерева. А впереди, ближе къ *святому святыхъ*, находился алтарь кадильный. Каждый день утромъ и вечеромъ входилъ сюда священникъ, чтобы зажигать или гасить свѣтильники и воскурять благовонія.

Въ *святомъ святыхъ* стоялъ ковчегъ завѣта. Онъ былъ устроенъ изъ дерева sittim, изнутри и совнѣ покрытъ золотомъ, и обрамленъ вверху золотымъ вѣнцомъ. Длина его была

въ два съ половиною, а широта и высота въ полтора лактя. Покровомъ ему служила доска изъ одного золота, называвшаяся *очистилицемъ*. Къ этой доскѣ склоняли свои лица и крылья два херувима, изваянные изъ золота и поставленные по краямъ ковчега. Въ ковчегѣ хранились скрижали завѣта; подлѣ него лежалъ жезлъ Аарона и стояла чаша съ манною; а *очистилице*, осѣняемое херувимами, было собственно тѣмъ мѣстомъ, откуда Богъ давалъ знать о своемъ присутствіи и откуда говорилъ Онъ народу израильскому. Разъ въ годъ, въ день очищенія, входилъ въ святое святыхъ первосвященникъ, и кропилъ на очистилище кровію очищенія.

Скинія, хотя въ извѣстной мѣрѣ и носила характеръ монументальный, все же приспособлена была къ условіямъ неосѣдлаго быта. Рано или поздно мысль, осуществленная ею, должна была получить болѣе монументальное выраженіе, какъ скоро народъ еврейскій освоился вполнѣ съ гражданскою жизнію и почувствовалъ свои общественныя силы. Еще Давидъ имѣлъ намѣреніе замѣнить скинію храмомъ, и подготавливалъ необходимыя для постройки его матеріалы. Но царствованіе Давида было слишкомъ бурно и кроваво, а сооруженіе храма Богу мира требовало мирныхъ, незапятнанныхъ кровію рукъ. — Свое намѣреніе, вмѣстѣ съ собранными для исполненія его богатствами, онъ долженъ былъ завѣщать сыну.

Соломонъ приступилъ къ постройкѣ храма уже съ готовыми средствами. Какъ были велики они, можно судить по замѣчанію книги Паралипоменонъ, что золота и серебра у Соломона было столько же, сколько камней въ Иерусалимѣ (2 Пар. 1, 15). Но замыслы царя были шире этихъ средствъ; онъ долженъ былъ восполнять ихъ налогами на народъ, торговыми сношеніями съ Финикією, Офиромъ, и пр.

Послѣ построенія скиніи прошло около 500 лѣтъ. Художники, исполнители работъ по устройству и украшенію ея, горь-

кими уроками рабства наученные египетскому искусству, вымерли, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ въ народѣ еврейскомъ. Уже Давидъ, чтобы начать приготовленіе матеріаловъ для постройки храма, повелѣлъ собрать иностранцевъ, поручить имъ ломку и отдѣлку камней (1 Пар. 22, 2). Соломонъ воспользовался дружбою Хирама, царя тирскаго, чтобы добыть необходимое для постройки количество дерева и вызвать архитекторовъ и художниковъ изъ Финикіи, и способныхъ рабочихъ изъ Сидона. У Иосифа Флавія сохранился трактатъ, заключенный съ этою цѣлю между Соломономъ и Хирамомъ. Евполемъ, а изъ него Евсей—приводятъ переписку Соломона по тому же предмету съ Вафромъ, царемъ египетскимъ. Къ 30,000 евреевъ было присоединено, вслѣдствіе этого, 150,000 рабочихъ иностранцевъ; первые, раздѣленные на три чреды, рубили лѣсъ на Ливанѣ, — послѣдніе были заняты ломкою, отдѣлкою и доставкой камней, такъ какъ на мѣсто сооруженія они должны были привозиться совершенно готовыми, чтобы тамъ, гдѣ имѣлъ быть храмъ, не слышно было стука ни молота, ни топора, ни другаго металлическаго орудія. Этотъ цѣлый народъ рабочихъ былъ подчиненъ тремъ тысячамъ иностранныхъ художниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Хирамъ тирянинъ, главный распорядитель работъ, искусный, какъ говорится объ немъ въ Паралипоменонѣ, *дѣлати въ златъ, и сребръ, и въ мѣди, и въ желѣзь, и въ каменіихъ, и въ древахъ, и ткати въ порфиръ, и въ виссонъ, и червленницъ, и ваяти всякую рѣзь, и разумѣти всяко разумѣніе* (2 Пар. 2, 14). Работы продолжались семь лѣтъ, и были окончены въ одиннадцатый годъ царствованія Соломона.

Храмъ былъ построенъ на горѣ Моріа, вершина которой сравнена и отдѣлана такъ, что представляла площадь въ шестьсотъ лактей длины и ширины. Площадь эта была обнесена стѣною въ шесть лактей толщины и столько же высоты. Внутри

ограды, на разстояніи пятидесяти лактей отъ каждой изъ сторонъ стѣны, возвышались стѣны двора *Израиля*, охватывавшія пространство въ пятьсотъ лактей въ длину и широту. Стѣны эти имѣли тридцать лактей высоты и четверо воротъ, стоявшихъ въ главныхъ пунктахъ съ каждой стороны. Ворота вводили во дворъ, имѣвшій открытое пространство въ сто лактей широты, устланное плитами разноцвѣтнаго мрамора и окруженное со всѣхъ сторонъ галлереями, съ нѣсколькими рядами колоннъ. Въ срединѣ этого двора былъ *дворъ священниковъ*. Онъ занималъ квадратное пространство въ двѣсти лактей, и не имѣлъ воротъ только съ западной стороны. Внутри его съ сѣверной, южной и восточной стороны тянулись портики, галереи и комнаты для жилища жрецовъ и разныхъ потребностей богослуженія. Съ западной стороны находился самый *храмъ*. Онъ былъ построенъ изъ камня, и имѣлъ шестьдесятъ лактей длины (отъ востока къ западу), двадцать широты и тридцать высоты. Предъ входомъ въ него былъ притворъ, имѣвшій, какъ и храмъ, двадцать лактей въ широту, но — только десять въ длину. Храмъ внутри, какъ и скинія, раздѣлялся на двѣ части: святое имѣло сорокъ лактей въ длину и двадцать — въ широту, святое святыхъ — двадцать лактей по тому и другому измѣренію. Въ высоту обѣ части имѣли двадцать лактей (оставшееся вверху пространство давало второй этажъ, назначеніе котораго неизвѣстно). Свнѣ, съ сѣверной, западной и южной стороны, къ храму примыкали зданія, возвышавшіяся въ три этажа, до пятнадцати лактей (до половины всей высоты храма), назначавшіяся для храненія сокровищъ храма. Съ той и другой стороны пристройки эти занимали пространство въ семь лактей широты. Надъ кровлями ихъ возвышались окна храма, закрытыя рѣшотками.

Первая ограда образовывала внѣшній дворъ, доступный для всякаго, къ какому бы кто народу и религіи ни принадле-

жалъ. Отъ того дворъ этотъ и назывался, впоследствии, *дворомъ языковъ*. Въ немъ обыкновенно располагались мѣняла и продавцы разныхъ предметовъ, употребляемыхъ при жертвоприношеніи. Второй дворъ, *дворъ Израиля* или *великій*, былъ исключительно назначенъ для народа еврейскаго. Ворота, ведущія въ него, также какъ и ворота двора священниковъ, были покрыты мѣдью. *Дворъ священниковъ* назначался собственно для жертвоприношеній. Въ немъ, предъ храмомъ, стоялъ алтарь для всесозженій, сдѣланный изъ мѣди и имѣвшій двадцать лактей въ длину и широту и десять—въ высоту. Въ этотъ дворъ народъ входилъ только для жертвоприношеній, но не проникалъ далѣе невысокой ограды, отдѣлявшей жертвенникъ и заключающееся между нимъ и храмомъ пространство отъ остальнаго пространства двора. За эту послѣднюю ограду входили только священники. Тамъ, на двѣнадцати мѣдныхъ волахъ, стояла огромная мѣдная чаша, имѣвшая видъ шестилественной лиліи, называвшаяся моремъ и служившая для омовеній священникамъ. По сторонамъ находилось еще десять другихъ омывальницъ, мѣдныхъ же, на мѣдныхъ подставахъ и колесахъ, которыя служили для омовенія жертвъ. Предъ притворомъ, по обѣ стороны входа, поставлены были двѣ колонны изъ мѣди, имѣвшія восемнадцать лактей въ высоту и двѣнадцать въ окружности. Колонны эти имѣли, сверхъ того, капители высотой въ пять лактей, и вѣроятно—цоколи: потому что вся высота ихъ, вмѣстѣ съ капителями, равнялась тридцати пяти лактямъ. Южная изъ нихъ называлась *якинъ*, сѣверная—*воазъ* (крѣпость и сила). Поверхность капителей ихъ была покрыта цвѣтами лилій и опутана, въ видѣ сѣти, семью цѣпями. По краямъ капителей, на цѣпяхъ, было привѣшено по сто гранатъ. Внутреннія стѣны храма были покрыты кедровыми досками, золотомъ, драгоценными каменьями, изображеніями херувимовъ, вѣтвей пальмы и развернувшихъ цвѣтовъ.

Потолокъ былъ также кедровый; полъ въ *святомъ* кипрскаго, а въ *святомъ святыхъ*—кедроваго дерева. Всѣ украшенія ихъ, даже гвоздья—были изъ золота. Въ *святое* вели двери, которыхъ косяки были изъ масляничнаго дерева, а обѣ половинки изъ кипрскаго; онѣ были украшены скульптурою и золотомъ, какъ стѣны. Направо отъ входа, какъ и въ скиніи, стояла золотая трапеза для хлѣбовъ предложенія, налѣво—свѣтильникъ, а прямо—алтарь кадилный. Кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ стояло по пяти другихъ золотыхъ свѣтильниковъ, и золотыхъ же столовъ, разнообразной формы, уставленныхъ чашами, сосудами и другими принадлежностями богослуженія, тоже изъ чистаго золота. Изъ *святого* въ *святое святыхъ* вели такія же двери, какъ и въ *святое* изъ притвора; только первыя всѣ были изъ оливковаго дерева. Внутри *святого святыхъ* стоялъ ковчегъ завѣта. Его осѣняли два херувима, вырѣзанные изъ оливковаго дерева и покрытые золотомъ. Они имѣли въ высоту десять лактей и распростертыя крылья ихъ, каждое въ десять же лактей, охватывали всю широту *святого святыхъ*.

Храмъ Соломона, не смотря на монументальную прочность своего сооруженія, просуществовалъ только немного болѣе четырехсотъ лѣтъ. Во время страшныхъ бѣдствій, постигшихъ народъ еврейскій со стороны Ассиріи и Вавилона, онъ былъ разграбленъ и разрушенъ до основанія. Послѣ перваго возвращенія іудеевъ изъ Вавилона подъ предводительствомъ Зоровавеля начата была постройка новаго храма. Новый храмъ созидался по образу перваго, но далеко уступалъ ему по размѣрамъ и по великолѣпію. Тѣ, кто помнилъ прежній храмъ, въ этомъ не узнавали храма (по выраженію пророка Аггея, онъ былъ предъ ними *якоже не суиць* Агг. 2, 4). Онъ такъ былъ бѣденъ, что въ книгахъ священныхъ не сохранилось описанія его. Извѣстно только, что внутреннія части храма

отдѣлялись между собою завѣсами, вмѣсто стѣнъ и дверей, и въ святомъ святыхъ уже не было кивота завѣта, а на мѣстѣ его лежалъ камень, возвышавшійся отъ полу на три перста и называвшійся *камнемъ основанія*. Если судить о постройкѣ его по указу, данному на этотъ счетъ Киромъ, храмъ имѣлъ въ высоту и широту шестьдесятъ лактей (1 Эздр. 6, 3). Если вѣрить еврейскому преданію, надъ восточными воротами его, съ наружной стороны, было изображеніе въ барельефѣ города Сузы, сдѣланное въ честь персидскихъ царей. Ворота эти и назывались, потому, *сузскими*.

Въ такомъ видѣ оставался храмъ еврейскій до царствованія Ирода великаго. Политическіе расчеты побудили послѣдняго, для примиренія съ народомъ еврейскимъ, позаботиться о возстановленіи храма въ такихъ размѣрахъ и великолѣпіи, которые могли бы напомнить знаменитое царствованіе Соломона. Чтобы не встревожилъ общественное мнѣніе народа, вообще недовѣрчиваго къ нему, Иродъ не прежде сталъ возобновлять храмъ, какъ приготовивъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, необходимые матеріалы для этого. Недостатка въ способныхъ рабочихъ не было. Вѣкъ его былъ вѣкомъ появленія въ Палестинѣ греческаго искусства. Самъ же Иродъ, до возобновленія еврейскаго храма, успѣлъ построить много великолѣпныхъ зданій въ греческомъ вкусѣ, между которыми особенною роскошью отличались храмы Августу. Неудивительно, что онъ успѣлъ занять постройкою еврейскаго храма 10,000 искусныхъ рабочихъ, присоединивъ къ нимъ тысячу левитовъ, нарочито пзучившихъ зодчество, чтобы внутреннѣйшія постройки производились освященными руками. Возобновленіе храма началъ шло быстро: святилище было окончено въ восемнадцать мѣсяцевъ; но постройка дворовъ и галлерей, окружавшихъ его, продолжалась восемь лѣтъ; а работы внѣшнія по отдѣлкѣ горы, и проч., тянулись до сорока шести лѣтъ (Іоан. 2, 20).

Храмъ, возобновленный Иродомъ, имѣлъ тотъ же планъ и тѣже почти измѣренія, какъ и храмъ Соломона. Все пространство, обнесенное внѣшнею стѣною, имѣло видъ правильнаго квадрата въ пятьсотъ лактей съ каждой стороны. За этою первою стѣною, имѣвшею множество воротъ, былъ дворъ язычниковъ, окруженный портиками, которыхъ кровля изъ кедроваго дерева опиралась на колонны, имѣвшія въ высоту двадцать пять лактей. Дворъ этотъ, доступный всѣмъ и каждому, заканчивался балюстрадаю, на каменномъ основаніи въ три локтя высоты, весьма искусной работы. Тамъ и здѣсь у балюстрады стояли колонны съ надписями на греческомъ и латинскомъ языкахъ, извѣщавшими язычниковъ, что имъ воспрещался входъ далѣе. За балюстрадою площадь возвышалась на семь лактей; на нее вело четырнадцать ступеней. На этой площади, въ десяти локтяхъ отъ окраины, поднимались на двадцать пять лактей въ высоту стѣны внутренняго двора, въ который вело девять воротъ: четверо съ сѣвера и столько же съ юга, и однѣ съ востока. Чтобы войти въ ворота, нужно было подняться еще на пять ступеней; слѣдовательно во внутреннемъ дворѣ площадь была еще возвышеннѣе. Дворъ этотъ назывался дворомъ женщинъ: потому что въ немъ стояли обыкновенно женщины, не проникавшія далѣе. Отсюда былъ входъ въ самый внутренній дворъ, въ свою очередь нѣсколькими ступенями возвышавшійся надъ предыдущимъ. Здѣсь находилось святилище, окруженное, какъ и въ храмѣ Соломоновомъ, съ востока, сѣвера и юга портиками, галереями и разнаго рода комнатами для потребностей храма и жилища служителей его. Между этими комнатами была и зала, назначенная для засѣданій синедріона. Святилище было построено изъ бѣлаго мрамора, покрыто внутри и снаружи богатою позолотою и имѣло сто лактей въ длину и столько же въ высоту, а въ широту, вмѣстѣ съ пристройками, шестьдесятъ лактей. Последнія имѣли тоже назначеніе, какъ и

въ храмѣ Соломоновомъ, и охватывали святилище съ трехъ сторонъ, до половины его высоты. Онѣ заканчивались галлереею, которая вела въ верхній этажъ храма, освѣщенный нѣсколькими окнами. Храмъ имѣлъ плоскую кровлю, окруженную балюстрадаю въ три лактя высоты; чтобы не допускать птицъ садиться на кровлю, она была вся уставлена золочеными спицами въ лакоть высоту. Такъ какъ площадь горы, по мѣрѣ приближенія къ святилищу, возвышалась все болѣе и болѣе: то самое святилище, высоко поднимавшееся надъ всѣми окружающими его дворами, видно было со всѣхъ концовъ города.

Самая гора была отдѣлана камнемъ, уступами, и укрѣплена контрфорсами. Внутри ея были подземные ходы и водопроводы. Послѣдніе, начинаясь въ четырехъ стадіяхъ отъ города, гдѣ былъ устроенъ подъ землею большой бассейнъ, доставляли въ изобиліи воду для безчисленныхъ жертвъ, закалавшихся въ храмѣ, и уносили кровь и нечистоты, постоянно скоплявшіяся въ его стѣнахъ.

Алтари и другіе священные предметы были расположены въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ храмѣ Соломоновомъ. Въ самомъ внутреннемъ дворѣ, между восточными воротами и храмомъ, стоялъ алтарь жертвоприношеній, построенный изъ неотдѣланныхъ камней. Къ юго-востоку отъ него была мѣдная чаша для омовеній. Къ сѣверу стояли мраморные столы, на которыхъ раскладывались части жертвенныхъ животныхъ. Все это было огорожено балюстрадаю, предъ которою лежавшее отдѣленіе внутренняго двора называлось *дворомъ Израиля*. Въ святое изъ притвора вели двери, имѣвшія въ высоту пятьдесятъ пять лактей, а въ широту шестнадцать; онѣ были покрыты позолотою. У дверей висѣла завѣса изъ вавилонской ткани съ разноцвѣтнымъ шитьемъ; а надъ дверьми выставялась колоссальная виноградная вѣтвь изъ золота. Въ святомъ, какъ и въ прежнихъ храмахъ, къ сѣверу стояла трапеза предложенія, къ

югу—свѣтильникъ, а между ними—алтарь кадилный, все—изъ золота. Святое святыхъ отдѣлялось отъ святаго одною завѣсою. Тамъ, какъ и въ храмъ Зоровавеля, на прежнемъ мѣстѣ ковчега лежалъ простой камень, на который первосвященникъ ставилъ кадилыицу въ день очищенія...

Иосифъ Флавій и раввины чрезвычайно хвалятъ великолѣпіе Иродова храма. Но дни историческаго бытія народа еврейскаго были уже сочтены. Храмъ этотъ, не просуществовавъ и столѣтія, былъ разрушенъ до основанія, какъ скоро религія, которой служилъ онъ выраженіемъ, потеряла свое значеніе, бывшее временнымъ.

д) Религіозная монументальность въ христіанскомъ мірѣ.

Первоначально мѣстомъ собраній христіанскихъ были дома частныхъ лицъ. Въ книгѣ Дѣяній говорится о христіанахъ, обращенныхъ ап. Петромъ тотчасъ по сошествіи Св. Духа: *все въровавшии бяху вкутъ... по вся дни терпяще единодушно въ церкви, и ломяще по домоу хлѣбъ, примаху пицу въ радости и простотѣ сердца, хваляще Бога* (Дѣян. 2, 44. 46). Ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ также упоминаетъ не разъ о подобныхъ собраніяхъ, бывавшихъ въ частныхъ домахъ. Такъ въ первомъ посланіи Коринѣянамъ онъ говоритъ: *цѣлуютъ вы о Господѣ Акила и Прискилла, съ домашнею ихъ церковію*, т. е. съ церковію, собраніемъ, бывавшимъ въ ихъ домѣ (16, 19); въ посланіи Колоссямъ—*цѣлуйте братію, сущую въ Лаодикии и Нимфана и домашнюю его церковь* (4, 15); въ посланіи Филимону онъ же подаетъ благодать и миръ какъ ему, такъ и *домашней его церкви* (ст. 1). Съ размноженіемъ христіанъ явилась необходимость и возможность имѣть на-

рочитыя мѣста для собраній. Такимъ мѣстами были обыкновенные же дома, но пожертвованные или построенные исключительно для этой цѣли усердіемъ вѣрующихъ. О подобныхъ мѣстахъ, исключительно посвященныхъ богослуженію, упоминаютъ во второмъ и началѣ третьяго вѣка св. Іустинъ, Тертуллианъ. Но гоненія на христіанъ, съ теченіемъ времени усиливавшіяся все болѣе и болѣе, дѣлали собранія въ такихъ мѣстахъ крайне опасными. Христіане устраивали свои собранія въ мѣстахъ загородныхъ, криптахъ, на гробахъ мучениковъ, въ подземельяхъ, и т. п.

Комната, служившая для собранія христіанскаго въ частномъ домѣ, иногда называется—*горница*. Такое названіе даетъ понять, что комната эта отличалась отъ другихъ комнатъ того же дома; можетъ быть она, какъ та *горница*, въ которой совершена была тайная вечеря, бывала *велія, постлана* (Мар. 14, 5; см. Дѣян. 1, 13; 2, 8). Мѣстомъ совершенія св. евхаристіи былъ, конечно, обыкновенный столъ. Если вѣрить преданію, сохраняющемуся въ западной церкви,—въ Римѣ, въ базиликѣ латеранской, хранится столъ, на которомъ будто бы установлена Инсусомъ Христомъ тайная вечеря: это - обыкновенный столъ безъ всякихъ украшеній. Тамъ же, внутри престола, на которомъ служить папа, хранится престолъ, на которомъ будто бы совершалъ литургію въ Римѣ св. апостолъ Петръ: это—простой столъ изъ обыкновенныхъ сосновыхъ досокъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что и самыя простые предметы, съ которыми соединялись для христіанъ того времени какія либо священныя воспоминанія, получали своего рода монументальный характеръ въ томъ благоговѣйномъ уваженіи, съ которымъ хранились. Такъ, по свидѣтельству Евсевія, іерусалимскіе христіане, до его времени, преемственно хранили кафедру Іакова, брата Господня, изъ благоговѣнія къ памяти св. мужа.

Дома, назначавшіеся исключительно для собраній христіанскихъ, носили у христіанъ различныя названія. Такъ назывались они: *christiān* или *dominicum*, т. е. домъ Господень; такое названіе встрѣчается въ постановленіяхъ соборовъ анкирскаго, неокессарійскаго, лаодикійскаго, — въ твореніяхъ св. Кипріяна. Тертуллианъ называетъ ихъ — *domus columbae*. Назывались они также *домами божественными, домами молитвы*, и проч.; но никогда — храмами ¹⁾. Со внѣшней стороны они ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ домовъ. Даже для кающихся не было въ нихъ особыхъ отдѣленій: по словамъ Тертуліана, они стояли на дворѣ. Но разные предметы, употреблявшіеся при богослуженіи въ это время, уже начинаютъ получать болѣе и болѣе монументальный характеръ. Чаши, свѣтильники, епископскія кафедры, и т. п., отличаются прочностью и драгоцѣнностью матеріала и изяществомъ отдѣлки. Уже Тертуліанъ упоминаетъ о чашѣ, съ изображеніемъ на ней Иисуса Христа въ видѣ пастыря. Въ третьемъ вѣкѣ общественное мнѣніе вѣрующихъ часто возстаетъ противъ робкихъ пастырей, выдававшихъ гонителямъ драгоцѣнные сосуды и разную утварь церковную.

Общественные дома христіанскихъ собраній не пользовались покровительствомъ законовъ, и были разрушаемы всякій разъ, какъ только усиливались гоненія на церковь. Но были и для христіанъ мѣста, признаваемыя римскими законами *неприкосновенными*, какъ мѣста божественныя (*divini juris*). Это были *усыпальницы* ²⁾. Погребеніе мертваго въ пзвѣстномъ мѣстѣ, по римскимъ законамъ, дѣлало это мѣсто также святымъ

1) Только св. Игнатій Богоносць, въ посланіи къ Магнезіанамъ, называетъ *храмомъ* самое собраніе вѣрныхъ.

2) *Κοιμητήρια, coemiteria.*

для народа и правительства римскаго, какъ храмы и другія общественныя сооружеія, строго охраняемыя законами римскими. Ни вѣра, ни званіе и состояніе умершаго не дѣлали на этотъ разъ никакого различія: даже рабъ въ этомъ отношеніи былъ равенъ съ гражданиномъ римскимъ. Въ подобныхъ мѣстахъ, огражденныхъ законами, на гробахъ своихъ мучениковъ и собирались христіане въ тяжкіе для церкви годы. Общественныя кладбища у грековъ и римлянъ устроялись или при большихъ дорогахъ, или въ особо отведенныхъ для этой цѣли загородныхъ мѣстахъ. Но въ большихъ городахъ для нихъ служили иногда подземелья, образовавшіяся вслѣдствіе извлеченія изъ земли строительнаго матеріала и тянувшіяся часто на огромныя пространства какъ подъ самыми городами, такъ и въ предмѣстьяхъ ихъ ¹⁾ Въ этихъ-то подземельяхъ, служившихъ мѣстомъ погребенія преимущественно для людей бѣдныхъ, рабовъ и преступниковъ, погребали своихъ мучениковъ христіане, и тамъ, подъ кровомъ мрака и покровительствомъ гробовъ, искали защиты, въ которой отказывали церкви свѣтъ и живые люди.

Подъ мѣстомъ погребенія, неприкосновеннымъ по римскимъ законамъ, разумѣлся и самый могильный монументъ, пока въ немъ находились кости человѣческія. Это дало христіанамъ возможность придавать подземнымъ мѣстамъ своихъ собраний возможно-монументальный характеръ, безъ опасенія, что все, сдѣланное ими въ этомъ разѣ, будетъ уничтожено враждебною рукою язычника. Изъ подземелій, служившихъ убѣжищемъ для христіанъ во время гоненій, наиболѣе извѣстны катакомбы Рима. Подземелья эти издавна служатъ предметомъ изслѣдова-

1) Такія подземелья существовали въ Римѣ, Неаполѣ, Палермѣ, Агригевтѣ, Сиракузахъ, Александріи, и проч.

ній для западныхъ архелоговъ, и для сколько нибудь яснаго представленія объ нихъ есть наиболѣе данныхъ. Они состоятъ изъ сѣти подземныхъ корридоровъ, развѣтвляющихся и взаимно пересѣкающихся между собою на огромномъ пространствѣ. Тамъ и здѣсь корридоры эти приводятъ въ болѣе или менѣе обширныя, подземныя же залы, изсѣченныя, какъ и корридоры, въ вулканической почвѣ Рима. Корридоры, по большей части, низки и узки, заключаютъ по обѣимъ сторонамъ въ нишахъ останки погребенныхъ тамъ въ разныя времена умершихъ, и не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ ни скульптуры, ни другихъ украшеній. Но залы, служившія преимущественно для погребенія христіанскихъ мучениковъ и для собраній вѣрующихъ, часто истинно-монументальны. Отдѣлка и украшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ и болѣе позднимъ временамъ. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ христіане продолжали посѣщать эти подземелья и погребать иногда тамъ своихъ умершихъ; при этомъ многія изъ нихъ и украшались, какъ по благоговѣйному уваженію къ памяти погребенныхъ въ нихъ мучениковъ, такъ и въ видахъ — приготовить въ нихъ достойныя помѣщенія для вновь погребаемыхъ останковъ христіанъ. Но нельзя не признать, что отдѣлка и украшеніе многихъ изъ нихъ восходитъ и ко временамъ гоненій. Залы, болѣе или менѣе обширныя, болѣе или менѣе правильной формы, по большей части совершенно лишеныя свѣта, освѣщались лампами, привѣшенными къ сводамъ или вставленнымъ въ небольшія ниши, нарочито сдѣланныя для этого въ стѣнахъ; кромѣ того, для освѣщенія же, употреблялись свѣчи. Въ глубинѣ залы, на нѣкоторомъ возвышеніи, къ противоположной входу стѣнѣ, стоялъ гробъ мученика изъ мрамора или камня, служившій главнымъ алтаремъ при совершеніи таинства. Иногда онъ бывалъ отгороженъ рѣпоткою и окруженъ сѣдалищами для епископа и пресвитеровъ. По стѣнамъ, въ углубленіяхъ, стояли

часто подобные же гробы другихъ мучениковъ, служившіе также алтарями, особенно—въ дни празднованія памяти этихъ мучениковъ. Стѣны, ниши, саркофаги покрыты живописью и скульптурою. Содержаніе картинъ преимущественно историческое и символическое. Предметы ихъ выбраны какъ изъ ветхаго, такъ и новаго завѣта и выбраны примѣнительно къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Во время тяжкихъ гоненій на церковь христіане искали въ собраніяхъ своихъ подкрѣпленія своему мужеству, часто невольно колебавшемуся при видѣ страданія собратій. Довольно было, что объ этихъ страданіяхъ напоминали самые гробы мучениковъ. Содержаніе же скульптуры, украшавшей гробы, и картинъ, покрывавшихъ стѣны, питало только мужество въ страданіяхъ, надежду на спасающаго Бога, чаяніе воскресенія, и т. п. Ной въ ковчегѣ, Иона, извергаемый китомъ, три отрока въ печи, Даніилъ во рву львиномъ, добрый пастырь, несущій на раменахъ заблудшую овцу, воскресеніе Лазаря, и т. п.,—вотъ главные предметы этихъ картинъ.

Основной типъ христіанскихъ церквей. Собранія христіанъ въ *усыпальницахъ*, вошедшія въ обычай во времена гоненій, продолжавшихся десятки и даже—сотни лѣтъ, не могли не оказать вліянія на обстановку этихъ собраній вообще. Изъ усыпальницъ вѣрующіе вынесли гробы своихъ мучениковъ, которые съ тѣхъ поръ стали замѣнять престолы даже въ открытыхъ зданіяхъ, назначавшихся для богослуженія. Вся вообще церковь приняла за правило полагать, по крайней мѣрѣ, частицы св. мощей въ престолахъ и антиминсахъ, при освященіи тѣхъ и другихъ. Въ западной церкви самая продолговатая форма престола и положеніе его, по большей части, у стѣны и въ нишѣ, заняты отъ формы и положенія мученическихъ гробовъ въ катакомбахъ. Изъ усыпальницъ вынесли христіане употребленіе живописи и скульптуры для украшенія стѣнъ и другихъ частей зданій, служившихъ для ихъ собраній. Оттуда же,

по мнѣнію нѣкоторыхъ, вынесли они употребленіе даже при дневномъ богослуженіи лампы и свѣчей, и т. д. Но нельзя сказать, чтобы изъ усыпальницъ вынесли они основной типъ своихъ церквей. Погребальныя подземелья были слишкомъ тѣсны, лишены свѣта и воздуха, такъ мало могли быть приспособлены къ потребностямъ болѣе или менѣе многочисленныхъ собраній христіанскихъ, что—если и были избраны христіанами во время крайней нужды—не представляли въ общемъ своемъ типѣ ничего, что заслуживало бы подражанія при сооруженіи открытыхъ монументальныхъ зданій, когда обстоятельства времени измѣнились въ пользу христіанства.

Не могли быть типомъ для христіанскихъ церквей и древніе храмы. Послѣдніе, какъ назначавшіеся исключительно для божества, были чрезвычайно малы, и едва могли вмѣщать лицъ, непосредственно служившихъ при нихъ. Взятые въ цѣломъ, съ окружающими ихъ постройками, портиками, дворами и галлереями, они могли вмѣщать огромное стеченіе народа; но въ такой совокупности различныхъ своихъ частей древніе храмы соответствовали древнему культу, но не представляли необходимыхъ удобствъ для новыхъ религіозныхъ собраній. Для жертвоприношеній, составлявшихъ существенное содержаніе древняго богослуженія, необходимы были жертвенники подъ открытымъ небомъ. Богослуженіе это и совершалось, потому, не въ храмѣ, закрытомъ зданіи, а предъ храмомъ, въ открытыхъ дворахъ. Христіанство отвергло кровавыя жертвы, замѣнивъ ихъ установленною Иисусомъ Христомъ св. вечерю. Собранія христіанъ для этой вечери сопровождалось чтеніемъ, пѣніемъ священныхъ пѣсней, собесѣдованіемъ или ученіемъ. Все это требовало помѣщенія заключеннаго со всѣхъ сторонъ, довольно обширнаго, чтобы вмѣщать постоянно возрастающее количество членовъ церкви, но такъ, однакоже, ограниченнаго, чтобы ученіе, чтеніе, пѣніе и проч., составлявшія существенную часть бого-

служенія, могли быть внятно слышны каждымъ изъ присутствующихъ. Съ паденіемъ язычества значительное число древнихъ храмовъ было обращено въ христіанскія церкви. Но для такого употребленія назначались самыя храмы (самыя святилища, а не окружавшія ихъ пристройки), если они были сколько нибудь вмѣстительны, а предполагавшееся въ нихъ собраніе не было многочисленно. Самое же обращеніе ихъ въ церкви зависѣло не отъ удобства ихъ для христіанскихъ собраній, а отъ желанія императоровъ сохранить такимъ образомъ изящнѣйшіе образцы древняго зодчества.

Кромѣ храмовъ для церковныхъ собраній были предоставляемы иногда первыми христіанскими императорами особеннаго рода общественныя зданія, извѣстныя у грековъ и римлянъ подъ именемъ *базиллкъ* ¹⁾. Базилики частію входили въ составъ дворцовъ царскихъ и даже—фамильныхъ у знаменитыхъ патриціанскихъ родовъ римскихъ, но главнымъ образомъ воздвигались въ видѣ отдѣльныхъ зданій подлѣ общественныхъ площадей (форумовъ). Въ Римѣ въ послѣднихъ давался публичный судъ трибунами и центумвирами, — давались отвѣты юрисконсультами на предлагаемыя рѣшенію ихъ недоумѣнія, возникавшія по дѣламъ тяжбымъ и уголовнымъ. Въ извѣстномъ отдѣленіи ихъ производились въ тоже время торговыя сдѣлки между купцами; и тамъ же, въ особенныхъ залахъ, молодые ораторы пытали себя въ декламации. Чтобы въ одно и тоже время удовлетворять столькимъ назначеніямъ, базилики должны были имѣть значительную вмѣстимость. Дѣйствительно, изъ всѣхъ общественныхъ зданій Греціи и Рима, взятыхъ отдѣльно (какъ зданіе—въ одномъ корпусѣ), базилики были едвали не самыя огромныя. Планъ ихъ имѣлъ продолговатую форму: широта базилики обыкновенно была не менѣ трети и не болѣе поло-

Отъ греческаго *βασιλευς*— царь и *οικος*—домъ.

вины всей длины. Внутри она состояла изъ трехъ продольныхъ залъ, отдѣленныхъ между собою колоннами. Средняя зала была самая большая: широта ея была втрое больше широты каждой изъ боковыхъ залъ. Высота колоннъ, отдѣлявшихъ ее отъ боковыхъ залъ, обыкновенно равнялась широтѣ послѣднихъ. Надъ первымъ рядомъ колоннъ возвышался другой рядъ колоннъ сравнительно — меньшаго размѣра, образывавшій галлерей, тянувшіяся поверхъ боковыхъ залъ на все ихъ протяженіе и окруженныя балюстрадаю. На этотъ верхній рядъ колоннъ опирался плафонъ галлерей и кровля средней залы. Средняя зала, самая обширная и высокая, заканчивалась полукругомъ, со сводомъ — въ видѣ хлѣбной печи. Въ этомъ полукругѣ — со сводомъ, имѣвшемъ полъ болѣе возвышенный, чѣмъ полъ остальнаго пространства зданія, называемомъ обыкновенно *абсидомъ*, засѣдали судьи; свободное пространство между абсидомъ и залами, называемое *транзептомъ*, назначалось для ораторовъ, защищавшихъ подсудимыхъ; боковыя залы предоставлялись для торговыхъ сдѣлокъ; галлерей или хоры — для публики. Особенное удобство подобныхъ зданій для собраний христіанскихъ было признано церковію съ самыхъ первыхъ же цоръ ея гражданскаго полноправія. Христіане не только съ охотою принимали базилики, жертвуемыя императорами, но и почти всѣ вновь воздвигаемыя церкви стали строить по образцу ихъ и называли также — *базиликами*.

Различныя части базиликъ, при переходѣ этихъ зданій въ христіанскія церкви, принаровлялись легко къ потребностямъ христіанскихъ собраний. Въ *абсидѣ* ставился престолъ или гробъ мученика, служившій престоломъ. За престоломъ, у стѣны, полукругомъ располагались сѣдалища для епископа и сослужившихъ ему пресвитеровъ. Эта запрестольная часть называлась вообще *пресвитеріемъ*. Весь абсидъ, отдѣленный рѣшоткою, составлялъ алтарь. Въ *транзептѣ* и передней части

средней залы уставлялись амвоны для чтенія евангелія и писаній, и для поученій народу. У входа, въ этой же залѣ, становились извѣстные разряды оглашенныхъ и кающихся. Боковыя залы и галереи назначены были для вѣрныхъ: въ залахъ стояли мужчины, на галереяхъ—женщины ¹⁾). Но, кромѣ того, базилики легко принимали монументальный характеръ, наиболее соответствовавшій тѣмъ новымъ требованіямъ отъ монументальныхъ зданій, какія задавались зодчеству особеннымъ характеромъ христіанскихъ богослужебныхъ собраній.

Религіозныя собранія древнихъ бывали не въ самомъ храмѣ, а передъ храмами, въ окружавшихъ святилище дворахъ. Древнее зодчество обращало поэтому преимущественное вниманіе не на внутренность храма, а на внѣшность его и на зданія, его окружавшія. Внѣшности храма и окружавшимъ его дворамъ, портикамъ и галереямъ старалось оно придавать такія монументальныя формы, которыя невольно внушали бы массамъ народнымъ извѣстнаго рода чувства. Религіозныя собранія христіанъ, напротивъ того, могли бывать только въ зданіяхъ, заключенныхъ со всѣхъ сторонъ. Во внутренности этихъ зданій и должно было соединить новое зодчество все, что древнимъ храмамъ древнее зодчество придавало совнѣ. Базилики, уже въ самомъ первоначальномъ своемъ видѣ, отвѣчали въ значительной мѣрѣ этому условію. Обширная и высокая зала, съ двумя одинъ надъ другимъ встающими рядами колоннъ, съ двумя же рядами оконъ и галереями по сторонамъ, съ разставленными иногда по извѣстнымъ мѣстамъ статуями, сама по себѣ представляла величественный видъ и совмѣщала множество архитектурныхъ украшеній. При сооруженіи новыхъ церквей по плану базиликъ не много нужно было придать къ обыкновен-

1) Иногда, впрочемъ, средняя зала назначалась для вѣрныхъ, а боковыя для оглашенныхъ и кающихся.

нымъ внутреннимъ формамъ и украшеніямъ этихъ зданій, чтобы впечатлѣніе, производимое такими церквами, было поразительно. Такъ описываетъ Евсевій церковь, построенную императоромъ Константиномъ подлѣ пещеры воскресенія Господня въ Иерусалимѣ. «Рядомъ съ пещерою, на восточной сторонѣ ея, стоитъ базилика — зданіе чрезвычайное, высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одѣта разноцвѣтными мраморами, а наружный видъ стѣнъ, блистающій полированными и одинъ съ другимъ сплоченными камнями, представляется дѣломъ чрезвычайно красивымъ и нисколько не уступаетъ мрамору. Что же касается до крыши, то внѣшняя сторона ея, надъ сводомъ, для защиты отъ зимнихъ дождей покрыта свинцомъ, а внутренняя, украшенная глубокою рѣзбою, распростираясь, подобно великому морю, надъ всею базиликою взаимно связанными дугами и вездѣ блистая золотомъ, озаряетъ весь храмъ будто лучами свѣта. По обѣимъ сторонамъ базилики, во всю ея длину, тянутся двѣ линіи двойныхъ —верхняго и нижняго—портиковъ, которыхъ своды также испещрены золотомъ. Эти своды съ лицевой стороны базилики поддерживаются величественными колоннами, а съ внутренней —лежатъ на отводахъ, покрытыхъ снаружи многочисленными украшениями. Трое воротъ, обращенныхъ къ солнечному восходу, весьма хорошо устроены для принятія поклонниковъ во внутренность храма. Противъ этихъ воротъ стоитъ главный предметъ всего полукруга (алтарь), восходящій до самой высоты базилики. Онъ, по числу двѣнадцати апостоловъ Спасителя, увѣнчанъ двѣнадцатью колоннами, которыхъ вершины украшены великими, вылитыми изъ серебра, вазами—прекраснымъ приношеніемъ Богу отъ самого царя. Отсюда, идя ко входамъ, находящимся предъ храмомъ, вступаешь въ паперть. Здѣсь видишь первый дворъ и по обѣимъ сторонамъ портики, а послѣ всего ворота; за воротами же, на самой срединѣ торговой

площади, превосходно устроено предвратіе, которое мимоходящимъ представляетъ поразительный видъ внутренности храма...»

Изъ этого описанія видно, между прочимъ, что базилики, при переходѣ въ христіанскія церкви, уже въ самомъ началѣ стали принимать нѣкоторыя дополненія въ своемъ планѣ, сравнительно съ обыкновеннымъ ихъ устройствомъ. Предъ базиликою іерусалимскою является дворъ, съ портиками по сторонамъ, а предъ дворомъ — ворота и предвратіе. При описаніи великолѣпной базилики въ Тирѣ, тотъ же историкъ упоминаетъ объ оградѣ вокругъ базилики, величественныхъ и высокихъ воротахъ, ведшихъ въ нее, и говоритъ, что между воротами ограды и самою базиликою довольно большое мѣсто было обнесено со всѣхъ сторонъ четырьмя полукруглыми портиками такъ, что давало видъ четверугольника, поддерживаемаго колоннами. Между колоннами тянулись рѣшотки, а пространство между портиками вверху было открытымъ, чтобы видно было небо и доходилъ туда свѣжій воздухъ. Здѣсь, противъ храма, были устроены водоемы. Эти портики назначались для низшихъ степеней кающихся и оглашенныхъ, а водоемы — какъ для омовеній, такъ и для крещенія ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ базилики получили и другія дополненія къ своему первоначальному плану. По обѣ стороны абсида продолженныя стѣны базиликъ образовали два, сообщавшіяся съ алтаремъ посредствомъ внутреннихъ дверей, отдѣленія, назначавшіяся собственно для потребностей богослуженія. Одно изъ этихъ отдѣленій, и именно — лѣвое (если смотрѣть обратившись лицомъ къ алтарю), называлось *протезис*, *praeparatorium*, и служило для приготовленія къ таинству св. хлѣба и вина, для принятія приношеній и храненія ихъ; другое, и именно — правое, называлось *схисофоріахтон*, *diaconicum*, и служило для храненія священныхъ книгъ,

¹⁾ Впрочемъ, для крещенія устраивались иногда отдѣльныя зданія подлѣ базиликъ, называвшіяся *крещальнями*.

сосудовъ и т. п. Въ алтарѣ, надъ престоломъ, какъ бы надъ гробные монументы надъ останками мученическими, появляются *стны* (въ родѣ *монопера*, небольшого древняго храма круглой формы, безъ ствнъ, куполь котораго опирался на колонны).

Но всѣ эти внѣшнія дополненія къ обыкновенному плану базиликъ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ внутреннимъ развитіемъ, которое получила базилика въ послѣдствіи, не теряя однакоже своего существеннаго типа. Каждый вѣкъ придавалъ ей свой характеръ, каждая страна, въ которую она переходила вмѣстѣ съ христіанствомъ, вводила въ нее измѣненія, соотвѣтственно своимъ мѣстнымъ и историческимъ условіямъ.

Общее развитіе первоначальнаго плана базиликъ состояло въ расширеніи *транзепта*, который перешелъ въ поперечную залу, пересѣкавшую среднюю подъ прямымъ угломъ. Эти двѣ залы дали такимъ образомъ въ основаніи базилики букву Т, а вмѣстѣ съ абсидомъ, отодвинутымъ поперечною залою, но не измѣнившимъ своего отношенія къ средней (имъ заканчивалась средняя зала), образовали крестъ, дорогой для христіанскаго сердца символъ спасенія.

Двоякаго рода необходимость вызывала такое преобразование: съ одной стороны возростающая многочисленность христіанскихъ собраній, особенно—въ главныхъ церквахъ многочисленныхъ городовъ и столицъ, требовала расширенія внутренней вмѣстности базиликъ. Этой нуждѣ удовлетворяли какъ удвоеніемъ боковыхъ залъ и галлерей, такъ и добавленіемъ новой, поперечной залы. Съ другой стороны, древняя базилика назначалась не для одного, а для нѣсколькихъ собраній въ одно и тоже время. Различныя части ея располагались между прочимъ такъ, чтобы занятія каждаго изъ отдѣльныхъ собраній не мѣшали занятіямъ другихъ (чтобы собранія торговцевъ не мѣшали занятіямъ судей и юрисконсультовъ, чтобы публика не мѣшала тѣмъ и другимъ, и проч.). Подобное (изолированное, до из-

вѣстной степени) расположеніе ихъ, выгодное для гражданскихъ базиликъ, было не выгодно для церковныхъ, гдѣ собраніе, какъ бы оно ни было многочисленнымъ, должно было составлять одно цѣлое—имѣть одну душу, одно сердце. Расширеніе транзепта въ поперечную залу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда бывало на счетъ продольныхъ залъ, измѣняло взаимное отношеніе различныхъ частей базилики и вводило единство въ ихъ совокупность. Но вызванное нуждою, это преобразование дало христіанскому зодчеству новую задачу, которая положила начало развитію новаго строительнаго искусства, отличающагося въ значительной мѣрѣ отъ древняго.

Архитектура христіанская не выработала никакого новаго *ордена*, въ родѣ классическихъ. Не смотря на то, въ разные вѣка и въ разныхъ странахъ она носитъ на себѣ особенныя ей только свойственныя характеристическія отличія, обыкновенно называемыя *архитектурными стилями*. Стилей, какъ совокупности характеристическихъ признаковъ въ планѣ, конструкціи и украшеніяхъ, отличающихъ ряды христіанскихъ монументовъ извѣстнаго народа, извѣстной исторической эпохи, чрезвычайно множество. Можно сказать даже, что каждый самостоятельный художникъ—зодчій налагаетъ на свои произведенія особенный, ему только принадлежащій отпечатокъ, и вводитъ въ область архитектуры новый стиль. Не вдаваясь въ подробности, въ которыя повело бы насъ разсмотрѣніе частныхъ отличій, какія принимали религіозные монументы христіанскіе въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, остановимся на болѣе общихъ направленіяхъ, какія принимало христіанское зодчество съ первыхъ временъ своего развитія до XIX вѣка включительно.

Стиль византійскій. Перенесеніе Константиномъ великимъ столицы изъ Рима въ Византію отодвинуло на востокъ и центръ греко-римскаго искусства. Лучшіе художники и даже —

многія лучшія произведенія древняго искусства сосредоточились въ Константинополѣ для украшенія новой столицы, которая, по намѣренію императора, должна была затемнить своимъ блескомъ древнюю. Стѣны, башни, дворцы, церкви, ристалища и колоннады, съ статуями и картинами, вывезенными изъ Рима и другихъ городовъ запада и востока, быстро измѣнили до того времени—скромную Византію, и сдѣлали ее новою колыбелью искусства, мало по малу угасшаго въ стѣнахъ древняго Рима, скоро затѣмъ павшаго подъ тяжестью своей отжившей цивилизаціи и подъ ударами варварскихъ народовъ.

На новой почвѣ искусство встрѣтилось и съ новымъ вліяніями. Византія была центромъ не только гражданскаго, но и духовнаго соединенія востока съ западомъ, Египта и Азіи съ Европой. Двѣ различныя цивилизаціи, развившіяся на противоположныхъ концахъ извѣстнаго тогда міра, соединились здѣсь подъ вліяніемъ всепримиряющаго духа христіанства, и дали особенный отпечатокъ всему строю общественной и духовно-нравственной жизни восточной имперіи, отразившійся и на искусствахъ этой страны. Какъ вся византійская жизнь, такъ и религіозная архитектура восточной имперіи совмѣстила въ себѣ формы восточныя съ западными и дала начало направленію, въ которомъ искусство еще далеко не успѣло исчерпать всего.

Императоръ Константинъ, украшая церквами свою новую столицу, воздвигъ между прочимъ церковь во имя св. Софіи, премудрости Божіей. Но церковь эта существовала очень недолго: была ли она слишкомъ мала, или ее разрушило землетрясеніе, только сынъ Константина, Констанцій, долженъ былъ построить ее вновь. Но и эта, новая, испытала странную судьбу: часть ея была разрушена и восстановлена при императорѣ Аркадіѣ; при Гоноріѣ она была созжена,—при Феодосіѣ младшемъ возобновлена еще разъ; наконецъ, во время возмущенія въ Константинополѣ при Юстиніанѣ, она была соз-

жена и разрушена до основанія. Юстиніанъ собралъ тогда все, что могли представить въ его распоряженіе матеріальныя средства имперіи и опыты строительнаго искусства, чтобы воздвигнуть храмъ, который могъ бы противостоятъ и землетрясеніямъ, часто случавшимся въ Константинополѣ, и пожарамъ, нерѣдко опустошавшимъ столицу, и въ тоже время—быть достойнымъ монументомъ и религіи, и его царствованія.

Сто архитекторовъ и десять тысячъ рабочихъ, подъ главнымъ руководствомъ Антемія Траллескаго и Исидора Милетскаго, впродолженіи семи лѣтъ трудились надъ сооруженіемъ храма. Все, что можно было сыскать драгоцѣннѣйшаго, было употреблено для постройки и украшенія его. Когда храмъ былъ оконченъ, Юстиніанъ, говорятъ, воскликнулъ: «я побѣдилъ тебя, Соломонъ!»

Въ области зодчества, какъ въ области поэзіи, живописи, и проч., отъ времени до времени появляются такія произведенія, которыя, обозначивъ собою новое направленіе въ развитіи искусства, дѣлаются надолго типическими, повторяясь въ существенныхъ чертахъ во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ того же рода. Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ имѣлъ именно такое значеніе по отношенію къ строительному искусству византійскому. Въ его планѣ, сооруженіи, украшеніяхъ проявились тѣ существенныя черты, которыя повторялись въ послѣдующихъ монументахъ восточной имперіи и отличаютъ стиль византійскій отъ всѣхъ другихъ.

Планъ церкви былъ планъ базилики, но значительно преобразованный. Транзептъ не только расширенъ, но и удлинненъ до размѣровъ средней залы, съ которою пересѣкался на половинѣ ея протяженія. Это дало въ основаніи храма крестъ равноконечный, обыкновенно называемый *греческимъ* или *византійскимъ*. Центръ креста вслѣдствіе этого явился центромъ зданія; вокругъ него сосредоточились всѣ части храма, и на

него потому были обращены все вниманіе и изобрѣтательность строителей.

Средину зданія, по словамъ Прокопія, образовали четыре толстыхъ столба, два съ сѣвера и два съ юга, расположенные симметрически и на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Столбы были сооружены изъ отборныхъ огромныхъ камней, съ лицевой стороны полированныхъ и такъ тонко соединенныхъ между собою, что столбы казались высѣченными изъ одного камня. Ихъ объемъ и высота до того были значительны, что казалось—то были утесы, оторванные отъ горы. Эти столбы были соединены между собою арками такъ, что на каждомъ опирались концы двухъ арокъ; верхъ арокъ поднимался до высоты изумительной. Средина подъ двумя арками, къ востоку и западу, оставалась пустою; середина же двухъ другихъ занята была колоннадою, надъ которою оставалось кругообразное, очень высокое отверстіе, куда проходилъ снаружи свѣтъ. Между четырьмя арками было четыре части свода, въ видѣ триугольниковъ, нижній конецъ которыхъ, образовавшій острый уголъ лежалъ между двумя большими арками, въ точкѣ упора ихъ въ одинъ изъ столбовъ. Другіе два угла cadaго изъ триугольниковъ оканчивались тамъ, гдѣ лежала нижняя часть купола. Этотъ куполь наброшенъ былъ съ такою смѣлостью, которая заставляла сомнѣваться въ его надежности. Казалось, онъ не на столбахъ опирался, а привѣшенъ былъ золотою цѣпью къ небу. Всѣ эти части, соединенныя съ величайшимъ искусствомъ, образовали такое чудесное цѣлое, что смотрѣть на него нельзя было безъ пріятнаго изумленія.

Куполь этотъ имѣетъ въ поперечникѣ около тринадцати саженой, и держится на высотѣ тридцати саженой. Громадность всего зданія соразмѣрна громадности купола: церковь имѣетъ въ длину сорокъ саженой, а въ широту тридцать шесть.

Къ востоку и западу, къ главному куполу придано два полукупола, изъ которыхъ восточный, къ основанію, подраздѣляется на три, а западный на два меньшіе полукупола. Полукуполы эти опираются на четыре большихъ и двѣнадцать меньшихъ столбовъ, расположенныхъ съ востока и запада полукругами. Вокругъ всего этого пространства, имѣвшаго видъ эллипсиса, въ два этажа тянулись галлерей, опиравшіяся на колонны и огороженныя перилами.

Внѣшнія стѣны зданія были кладены изъ кирпича. Какъ онѣ были ни высоки,—не закрывали собою внутреннихъ столбовъ, высоко на своихъ аркахъ вознесившихъ куполъ надъ внѣшнею громадою зданія. Къ этимъ столбамъ съ наружной стороны, для укрѣпленія купола, скоро были приставлены огромные быки, служившіе упоромъ для столбовъ и, посредствомъ расположенныхъ внутри ихъ отлогихъ лѣстницъ, вводившіе въ женскія отдѣленія галлерей. Упоры такіе портили фасадъ зданія: но строители мало и заботились о томъ, чтобы придать своему сооруженію красоту внѣшнюю. Главное вниманіе ихъ было обращено на внутренность церкви.

Внутреннія галлерей были утверждены на множествѣ цѣльныхъ и огромныхъ мраморныхъ колоннъ. Между ними восемь изъ порфира, шестнадцать изъ серпентина, четыре бѣлаго мрамора; верхній ярусъ меньшихъ колоннъ былъ изъ того же мрамора. Капители колоннъ изъ краснаго мрамора, серпентина и бронзы, покрытой позолотою. Полы и перила галлерей были также изъ мрамора. Стѣны, въ свою очередь, обложены были мраморомъ, агатомъ и перловыми раковинами. Но главное украшеніе сводовъ, купола, арокъ и стѣнъ алтаря составляла мозаика. По золотому полю разноцвѣтными кусками стекла были изображены, между прочимъ: въ алтарѣ—Божія матеръ въ исполинскомъ видѣ, сидящая на престолѣ, съ благословляющимъ младенцемъ Спасителемъ; по сторонамъ ея апостолы

Петръ и Павелъ; надъ нею нерукотворенная икона Спасителя, съ двумя ангелами по сторонамъ. Въ сводѣ купола изображенъ былъ Спаситель, сидящій на радугѣ, а подъ куполомъ, на тригольникахъ между арками, четыре херувима. Надъ большими входными дверми съ запада, внутри церкви, также было изображеніе Спасителя, сидящаго и благословляющаго припавшаго къ ногамъ Его императора, и проч. Кромѣ мозанки, употреблялась и живопись енкавстическая ¹⁾).

Алтарь отдѣлялся двѣнадцатю серебряными колоннами съ золотыми капителями, разставленными попарно. На колоннахъ размѣщены были иконы Спасителя, Богоматери, апостоловъ. Надъ престоломъ, составленнымъ изъ золотыхъ досокъ (изъ коихъ верхняя, опиравшаяся на золотые столбы, слита была съ примѣсью другихъ металловъ и разноцвѣтныхъ, источенныхъ, драгоценныхъ камней), возвышалась въ видѣ пирамиды сѣнь, утвержденная на четырехъ серебряныхъ столбахъ и аркахъ. Амвоны, рѣшотки, вся утварь церковная, по своей драгоценности и блеску,—все соответствовало желанію императора въ созданіи этой церкви превзойти, если можно, Соломона.

Византійское искусство не покончило созданіемъ этого, замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ, монумента. Но равнокопечный, византійскій крестъ въ основаніи квадратнаго плана церкви, куполь, высоко поднятый на столбахъ и аркахъ, мозаика по золотому полю въ украшеніи внутренности церкви, стали съ этихъ поръ обыкновенными принадлежностями византійскаго стиля.

Здѣсь же, въ сооруженіи храма св. Софіи, сказалось и то отношеніе, въ какое становилось новое искусство къ древ-

1) *Encaustic*—особенный родъ живописи, извѣстный древнимъ, но потерянный для новѣйшихъ. Писали красками смѣшанными съ воскомъ, и валисанное прижигали...

нему. Если куполь самъ по себѣ былъ любимую формою римскаго зодчества: то въ поднятіи его къ небу на громадныя столбы и арки выразилось стремленіе изумить смѣлымъ вызовомъ, брошеннымъ законамъ природы, — стремленіе, характеризующее восточное искусство ¹⁾. Колоннада, образовавшая ряды галлерей, окружающихъ въ два этажа центральное пространство церкви, могла бы еще напоминать классическое искусство, если бы изысканная форма капителей и отступленіе отъ принятыхъ въ орденахъ пропорцій не говорили довольно ясно о восточномъ влияніи. Но тяжелая массивность стѣнъ и столбовъ, какъ поддерживающихъ куполы, такъ и служащихъ для этихъ самихъ упорами, особенно же — отсутствіе наружныхъ классическихъ архитектурныхъ формъ въ зданіи, напоминающихъ плотничную работу, все это — отличительныя черты восточнаго искусства. Самая мозаика, украшеніе плафондовъ и стѣнъ чисто — классическое, приложенная къ золотому полю и дающая изображенія въ колоссальныхъ размѣрахъ, выразила соединеніе съ западнымъ восточнаго вкуса. Въ этомъ объединеніи формъ восточныхъ съ западными византійское зодчество черпало внутреннюю силу, которая поддерживала и развивала его въ вѣка повсемѣстнаго упадка искусствъ.

Главнымъ пунктомъ, на который были обращены всѣ усилія византійскаго строительнаго искусства, какъ и въ храмѣ св. Софіи, былъ куполь, вокругъ котораго сосредоточивались всѣ части зданія. Взнести его надъ массою зданія и въ тоже время дать ему возможно большую устойчивость, даже при относительной бѣдности строительнаго матеріала, было всегдашнею задачею византійскихъ зодчихъ. Это вызвало разнообразіе

1) Замѣчательнѣйшій изъ куполовъ римскихъ, куполь пантеона, имѣетъ значительно большіе размѣры, чѣмъ софіискій; но онъ лежитъ непосредственно на стѣнахъ зданія, имѣющихъ круглую форму.

въ формахъ куполовъ, употреблявшихся этими зодчими. Дуга, дававшая образованіе куполу, бывшая въ храмѣ св. Софіи значительно меньшею полукруга, увеличиваясь постепенно, переходила часто размѣры полукруга, принимая видъ полуэллипсиса; такая форма купола была самою надежною при постройкахъ изъ мелкаго матеріала, особенно — изъ кирпича. Между куполомъ и арками, на которыхъ лежалъ онъ въ софійскомъ константинопольскомъ храмѣ непосредственно, появились стѣны квадратной, осмигранной и круглой формы, съ окнами по сторонамъ, служившія основаніемъ для купола. Упоры, сообщавшіе большую устойчивость куполу, пристроенные къ софійскому храму уже по возведеніи купола, стали входить въ систему кладки внѣшнихъ стѣнъ, и сообщаясь арками съ столбами главнаго купола, раздѣляли обыкновенно внутренность зданія на девять частей. Зачатки куполовъ (полукуполы) по сторонамъ главнаго софійскаго купола переходили часто въ отдѣльные куполы, окружавшіе главный. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ развалинами древнихъ классическихъ сооружений, для внутреннихъ и внѣшнихъ украшеній византійскіе зодчіе пользовались часто готовыми колоннами, ставя ихъ впрочемъ почти всегда безъ пьедесталовъ. Но тамъ, гдѣ такихъ развалинъ не было, употреблялись колонны своеобразныхъ размѣровъ и формъ. Капители этихъ колоннъ имѣли, впрочемъ, довольно часто кубическую форму, а сверху — толстый абакъ, и украшались разнаго рода рѣзными переплетами и листьями. Къ мозаикѣ во внутреннемъ украшеніи церквей присоединялась живопись по сырой штукатуркѣ, или такъ называемая — *фрески*.

Впрочемъ это дальнѣйшее развитіе византійскаго искусства отразилось главнымъ образомъ уже на тѣхъ религіозныхъ монументахъ, которые сооружали греческіе художники въ иностранныхъ земляхъ. Послѣ богатаго общественными постройками царствованія Юстиніана греческіе зодчіе мало имѣли

работы въ своемъ отечествѣ, терзаемомъ внутренними беспорядками, истощаемомъ внѣшними войнами и терявшемъ одну за другою свои лучшія области. Почти одновременно съ константинопольскою софійскою церковію, построена была греками церковь св. Виталія въ Равеннѣ, гдѣ имѣли тогда мѣсто-пробываніе греческіе экзархи. Эта церковь, одинъ изъ лучшихъ образцовъ первоначальнаго визатійскаго искусства, познакомила съ этимъ искусствомъ Италію, скоро потомъ подпавшую подъ власть лонгобардовъ, и надолго упрочила тамъ византійское художественное вліяніе, проникшее въ Германію, южную Францію и Сицилію, и отразившееся, до извѣстной степени, даже — на такъ называемомъ — стилѣ возрожденія. Въ седьмомъ вѣкѣ византійскіе зодчіе знакомятъ съ своимъ искусствомъ арабовъ, которые проносятъ его отъ Сиріи, по берегамъ Африки, до Испаніи, и отъ Сиріи же, черезъ Персію, до Индіи. Съ десятаго вѣка вмѣстѣ съ христіанствомъ это искусство переходитъ и въ Россію.

Архитектурные стили на западѣ. Въ то время, какъ на востокъ христіанское зодчество имѣло достаточно внутренней силы, чтобы дать древней базиликѣ развитіе, соответствующее потребностямъ новаго, христіанскаго храма, — на западѣ, ограничившись простымъ расширеніемъ плана базилики, оно долгое время силилось держаться рабски прежней ея конструкціи, забывая мало по малу даже тѣ правила искусства, какія примѣняли къ этого рода зданіямъ древніе. Монастырскія правила (а остатки искусствъ и сохранялись тамъ только въ монастыряхъ) не только не поощряли изобрѣтательности зодчихъ, но старались внушить имъ смиреніе, безпредѣльное повиновеніе и духъ униженія. Подобныя правила оправдывались вполне невѣжествомъ въ строительномъ искусствѣ западныхъ зодчихъ, при которомъ мнимая изобрѣтательность могла бы сопровождаться крайне печальными послѣдствіями.

Расширеніе плана базилики состояло въ удвоеніи боковыхъ залъ (по большей части—на счетъ средней) и въ добавленіи поперечной (чрезъ расширеніе трансепта), безъ измѣненія взаимнаго отношенія частей. Это дало въ основаніи западной базилики крестъ съ короткимъ верхнимъ и удлиненнымъ нижнимъ концемъ, называемый *латинскимъ*, въ отличіе отъ византійскаго, равноконечнаго.

Не смотря на это измѣненіе въ планѣ, способъ сооруженія базиликъ оставался прежній, на сколько позволяла это сравнительно крайняя бѣдность строительнаго матеріала, и забвеніе, постепенно увеличивавшееся, древнихъ приемовъ постройки. Колонны, по сторонамъ средней залы, перестаютъ мало по малу соединяться между собою прямыми перемычками, какъ это было въ древнихъ базиликахъ, а соединяются арками. Боковыя залы и абсидъ завершаются сводами; но средняя и поперечная залы остаются по большей части съ деревянными кровлями безъ потолковъ.

Внутреннія украшенія базиликъ по большей части самыя бѣдныя. Колонны, добытыя изъ развалинъ древне-римскихъ сооружений, могли бы придать внушающій видъ внутренности зданія, если бы употреблялись съ знаніемъ дѣла, и если бы изяществу ихъ соотвѣтствовала прочая обстановка. Но и такія колонны не могли быть употребляемы въ большинствѣ случаевъ. По большей части это были грубо сложенные столбы круглой формы, заканчивавшіеся кубическими капителями, въ видѣ опрокинутаго конуса или трапеціи, украшенными грубою же скульптурою, представляющею людей, животныхъ, и т. п. Живопись, какъ украшеніе стѣнъ, встрѣчается рѣдко; за то часто употреблялись разнаго рода надписи, надъ составленіемъ которыхъ трудились тогдашніе поэты,

Съ седьмаго вѣка для призыва къ болослуженію сталъ употребляться колокольный звонъ. Сперва, какъ и на востокѣ,

для колоколовъ устраивались отдѣльныя башни незначительныхъ размѣровъ. Но послѣ, особенно около десятаго вѣка, колокольня стала одною изъ составныхъ частей западныхъ базиликъ. Она помѣщалась обыкновенно въ видѣ небольшой пирамиды съ черепичною кровлею или посрединѣ транзепта, или надъ входомъ въ церковь, или по сторонамъ этого входа. Башня эта увѣнчивалась по большей части сидѣвшимъ на ея шпигѣ пѣтухомъ.

Этотъ первоначальный стиль западныхъ церквей, обыкновенно называемый *латинскимъ*, принялъ въ послѣдствіи нѣкоторыя, не существенныя впрочемъ, измѣненія подъ вліяніемъ искусства византійскаго. Византійскіе зодчіе знакомили западъ съ своими приѣмами сооруженія, и если не успѣли ввести въ общее употребленіе купола—научили западныхъ зодчихъ лучшему устройству сводовъ, которые и стали покрывать среднюю залу и транзептъ базиликъ. Византійскіе живописцы, искавшіе убѣжища въ Италіи во времена иконоборства, распространили на западъ употребленіе живописи и мозаики, что, въ свою очередь, содѣйствовало развитію тамъ лучшаго вкуса. Оттѣнокъ, принятый западною религіозною архитектурою подъ этимъ, византійскимъ вліяніемъ, и отразившійся преимущественно на монументахъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка, называется, обыкновенно, *романскимъ* или *романо-византійскимъ* стилемъ въ отличіе отъ древняго латинскаго ¹⁾.

1) Значительное развитіе въ этотъ періодъ получаютъ, между прочимъ, фасады церквей. Надъ дверьми, напримѣръ, поднимается галерея, въ видѣ арокъ, опирающихся на колонки; надъ нею возвышается о с u l u s — большое круглое окно, съ разнообразными наружными украшеніями; весь передній фасадъ завершается угломъ, болѣе или менѣе острымъ, смотря по крутизнѣ кровли. Колокольни обращаются въ громадныя башни въ нѣсколько этажей, и украшаются, какъ и фасады церквей. Въ то же время онѣ увеличиваются въ числѣ, такъ что на нѣкоторыхъ церквахъ бывало ихъ по четыре, и больше. Подъ церквами устраиваются крипты или подземныя капеллы, въ которыхъ ставятся гробы мучени-

Но въ этомъ направленіи западное искусство развивалось недолго. Распространеніе византійскаго вкуса было остановлено въ тринадцатомъ вѣкѣ появленіемъ на западѣ особеннаго, своеобразнаго стиля. Крестовые походы, воспламенившіе народное воображеніе и приведшіе западъ въ столкновеніе съ арабскимъ востокомъ съ одной стороны, съ другой—частыя сношенія съ мавританскою Испаніей распространили между западными народами вкусъ къ чрезвычайному, фантастическому, который и отразился по-своему на такъ называемомъ—стиль *готическомъ*.

Арабы, занявшіе строительное искусство у грековъ, довольно долго оставались вѣрными правиламъ византійскаго искусства. Много мечетей, построенныхъ отъ седьмаго до десятаго вѣка, по своему плану и способу сооруженія напоминаютъ стиль византійскій въ его лучшихъ образцахъ. Но пламенное до необузданности воображеніе южно-азіатскаго племени, питаемое религіознымъ энтузіазмомъ, не могло удовлетвориться до извѣстной мѣры—строгими, подчиненными разумнымъ соображеніямъ, византійскими формами. Куполь, существенная принадлежность византійской архитектуры, остался такою же принадлежностью и арабской; но дуга, дававшая ему образованіе, равно какъ дуга сводовъ, дверей, оконъ и арокъ, получила самую изысканную формы, которая разнообразятся, если не въ каждомъ памятникѣ, по крайней мѣрѣ въ каждой странѣ, подпадавшей подъ владычество этого народа. Въ мавританско-испанской архитектурѣ эта дуга имѣетъ форму подковы или круга, отъ котораго отсѣчена четвертая часть, такъ что сводъ, образуемый ею, къ основанію своему суживается; иногда

ковъ. Но въ этотъ же періодъ церкви на западѣ принимали часто характеръ не только религіозныхъ монументовъ, но и военныхъ укрѣпленій. Зубчатныя стѣны, башни, рвы, подземные переходы обращали ихъ въ крѣпости, пока соборъ авиньонскій (1209 г.) не запретилъ такой профанаціи святыхъ.

она слагается изъ нѣсколькихъ равныхъ дугъ съ различными центрами, или имѣеть видъ волнистый; изрѣдка же она состоитъ изъ двухъ взаимно пересѣкающихся дугъ, одинаковаго радиуса. Последняго рода дуга отличаетъ арабско-египетскую архитектуру, гдѣ она встрѣчается несравнѣнно чаще. Въ арабско-индійской и персидской архитектурѣ эта же составная дуга нерѣдко съживается внизу и заостряется вверху такъ, что куполь, образованный ею, имѣеть видъ митры. Къ этой изысканности куполовъ, сводовъ и арокъ, присоединилась изысканность и архитектурныхъ украшеній. Коранъ строго воспретилъ своимъ послѣдователямъ всякія изображенія людей и животныхъ. Это вызвало въ арабскомъ зодствѣ какъ пестроту мелкихъ архитектурныхъ формъ, такъ и употребленіе множества надписей изъ корана и особеннаго рода скульптурныхъ и живописныхъ украшеній, называемыхъ *арабесками*. Стѣны, арки, своды, потолки у дверей и проч., покрыты этими прихотливыми переплетами линий, цвѣтовъ, вѣтвей и листьевъ растеній, существовавшихъ по большей части только въ воображеніи художника. Все это, въ совокупности съ фантастическими формами арокъ, сводовъ, куполовъ, съ высоко поднимавшимися надъ общеою пестрою массою мечетей минаретами, необыкновенно легкой и разнообразной формы,—все это не могло не поражать въ извѣстномъ смыслѣ—дѣтскаго воображенія западныхъ народовъ, и не побуждать ихъ къ попыткамъ—воспроизвестъ въ сооруженіяхъ своей страны эту увлекательную сторону архитектуры арабской.

Въ періодъ крестовыхъ походовъ, вмѣстѣ съ разными религіозно-мистическими обществами на западѣ, появилось и особеннаго рода братство зодчихъ, называвшихъ себя *свободными каменщиками (франк-масонами)*. Братство раздѣлялось на множество общинъ, имѣвшихъ каждая своего начальника и подчинявшихся одной главной общинѣ и ея начальнику. Оно

имѣло свой уставъ, хранившійся въ глубокой тайнѣ, и особеннаго рода символическій языкъ, по которому члены его узнавали другъ друга и сносились между собою, не будучи узнаваемы и понимаемы никѣмъ изъ непосвященныхъ. Цѣлью этого общества, на сколько она была ясна для всѣхъ, было сооруженіе церквей. Въ данное время изъ разныхъ странъ собирались они на мѣсто постройки, и, сохраняя удивительный порядокъ, производили работы безъ особеннаго стука, шума и безъ помощи вьючныхъ животныхъ, какъ бы совершая религиозный подвигъ. По окончаніи работъ братья—каменьщики расходились также незамѣтно, какъ и сходились, чтобы появиться снова въ другой странѣ, и часто—на противоположномъ концѣ Европы. Этой-то таинственной общинѣ обязанъ западъ своими сооружениями готическаго стиля, правила котораго она старалась хранить въ глубокой тайнѣ, который развивался и покончился вмѣстѣ съ нею.

Разные слухи ходили о происхожденіи этого таинственнаго общества. Большою частію начала его искали въ Индіи, Персіи, Египтѣ и Египтѣ. Говорили, будто братство владѣетъ истиною, которую впервые открыли на берегахъ Ганга индійскіе гимнософисты. Эта истина была тамъ изуродована баснями и суевѣрными обрядами, и, перешедши въ такомъ видѣ въ Персію, была достояніемъ маговъ. Потомъ, очищенная Зороастромъ, она перенесена браминами въ Египцію, а оттуда въ Египетъ—Озирисомъ, который и скрылъ ее подъ разнаго рода эмблемами. Невѣжественная толпа понимала эмблемы буквально; но посвященные читали подъ ними истину на храмахъ Саяса, Фивъ, Геліополиса и Мемфиса. Изъ Египта переходила она и въ другія страны, которыхъ законодатели путешествовали по Египту и въ мистеріяхъ египетскихъ искали мудрости. Такъ она перешла чрезъ Ороея въ Грецію, и скрыта была въ таинствахъ элевзинскихъ, и т. д.... Всѣ эти сказки имѣютъ одна-

коже то значеніе, что проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на начала и стремленія братства свободныхъ каменьщиковъ. Если не на востокѣ организовалось общество ихъ, то востокъ съ своими вѣковѣчными монументами, поражавшими своимъ величіемъ, родилъ тѣ стремленія, которымъ посвятило себя братство. Если оно и не разгадало мнимой истины, скрытой будто бы подъ монументальными эмблемами Индіи, Персіи, Египта и Египта,— оно поняло ту силу, съ какою подобный языкъ дѣйствовалъ на воображеніе и чувства массъ. Если, наконецъ, братство и не вело своего происхожденія отъ гимнософистовъ Индіи, строителей храмовъ Мемѳиса, Геліополиса, или общества рабочихъ храма Соломонова,—оно хотѣло создать для христіанства такой же монументальный языкъ, какимъ выражались вѣрованія древнихъ религій.

Но средства, какими располагало братство, были далеко ниже тѣхъ средствъ, какія примѣняли къ сооруженію своихъ монументовъ древняя Индія, Персія, Египетъ и рабочіе храма Соломонова. Приемы его въ постройкѣ церквей сами по себѣ очень просты, и далеко не имѣютъ того ученаго характера, какой хотятъ придавать имъ поклонники готическаго искусства. Вместимость церквей увеличена расширеніемъ средней продольной залы; но за то возвышена дуга сводовъ и со внѣшней стороны къ нимъ приданы громадныя упоры (контрфорсы), тянувшіеся по бокамъ церкви на все ея протяженіе. Изъ всѣхъ архитектурныхъ формъ, когда либо принятыхъ искусствомъ, приняты самыя легкія для выполненія, и притомъ—не изъ древняго индійскаго, персидскаго или египетскаго зодчества, а изъ позднѣйшаго арабскаго, изученіе котораго не представляло особенной трудности. Оттуда же былъ занятъ, насколько было это доступно, и общій вкусъ въ распредѣленіи и соединеніи этихъ формъ, равно какъ и въ мелочныхъ архитектурныхъ украшеніяхъ.

Наиболѣе употребительною въ арабской архитектурѣ была дуга состоящая изъ двухъ взаимно пересѣкающихся дугъ. Эта дуга, называемая *огивою*, сдѣлалась отличительною принадлежностью готическаго стиля. Она употреблялась въ сводахъ: потому что такіе своды обнаруживали наименьшее давленіе на стѣны,—употреблялась въ окнахъ, аркахъ, дверяхъ и нишахъ. Подлѣ этой, господствующей, дуги видное мѣсто занимаетъ другая, также взятая изъ арабской архитектуры,—это дуга сложная изъ нѣсколькихъ дугъ. Она отличаетъ переплеты готическихъ оконъ. Кромѣ этихъ двухъ дугъ можно указать развѣ на острый уголь, какъ господствующую форму кровельную. Три эти формы, повторяясь въ различныхъ сочетаніяхъ, въ соединеніи съ общою пирамидальною формою готическихъ зданій, отличающихся громадною высотой, и придаютъ этимъ сооруженіямъ необыкновенную легкость и своеобразный характеръ, поражающій воображеніе наблюдателя. Но какъ скоро глазъ привыкаетъ къ этому однообразному разнообразію, очарованіе ослабляется, и на первый планъ выступаетъ отсутствіе всякой разумной системы въ раздробленіи большихъ массъ на мелкія и пестромъ наборѣ формъ. Трудно дать, напр., какой либо отчетъ въ украшеніяхъ лицевой стороны готическихъ церквей: все здѣсь могло быть и не быть, занимать и то, и другое мѣсто; въ наборѣ и распредѣленіи всѣхъ этихъ украшеній былъ не какой либо опредѣленный методъ, а простой произволъ художника.

Арабески имѣли самое обширное употребленіе въ архитектурѣ арабской. Они не были первоначальнымъ изобрѣтеніемъ арабовъ, хотя и носятъ ихъ имя. Римляне уже знали употребленіе ихъ; но и у нихъ этотъ родъ украшеній былъ заимствованнымъ съ востока. Въ глубокой древности арабески были своего рода надписями, имѣвшими смыслъ для наблюдателя. Имѣли смыслъ они и у арабовъ, которые развили этотъ родъ укра-

шеній до возможнаго совершенства. Изъ арабской архитектуры перешли они и въ готическую. Но братья—свободные каменщики, претендовавшіе на обладаніе истиною, скрывавшеюся подъ эмблемами востока, не сьумѣли воспользоваться этимъ языкомъ, краснорѣчивымъ подъ рѣзцомъ и кистью истиннаго художника. Въ арабескахъ готическихъ поражаетъ наблюдателя смѣсь предметовъ языческихъ съ христіанскими и грубое исполненіе всѣхъ вообще сочетаній, не имѣющихъ ни смысла, ни отчетливости.

Колонны готическаго стиля не имѣютъ опредѣленныхъ пропорцій. Отличительная особенность ихъ въ томъ, что каждая почти изъ нихъ составляется изъ нѣсколькихъ колоннъ, связанныхъ въ одинъ пукъ кольцами. Украшенія капителей ихъ, какъ и арабески, представляютъ также странную смѣсь символовъ христіанскихъ съ языческими.

Статуи составляли необходимую принадлежность готическихъ церквей. Ими особенно наполнялись ниши какъ по лицевому фасаду зданія, такъ и по наружнымъ бокамъ его. Такъ какъ ниши были узки и въ то же время очень высоки,—статуи готическія отличались особенною высотой и крайнею тщедушностью.

Отсутствіе строгой системы въ архитектурныхъ формахъ и вкуса въ украшеніяхъ, равно какъ и крайнее несовершенство въ приѣмахъ сооруженія было причиною, что готическая архитектура недолго господствовала въ западной Европѣ. Удаленіе на западъ ученыхъ грековъ, по взятіи Константинополя турками, и знакомство западныхъ народовъ съ классическою древностью произвело тамъ рѣшительный переворотъ какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствахъ, отразившійся и на архитектурѣ. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ возникаетъ въ Италіи новый стиль, называемый *стилемъ возрожденія*, который въ началѣ слѣдующаго вѣка уже почти повсемѣстно вытѣсняетъ готическій.

Только въ Англіи держался послѣдній до семнадцатаго вѣка, пока постройка церкви ап. Павла въ Лондонѣ не нанесла ему рѣшительнаго удара.

Вліяніе византійскаго искусства, отстраненное на время появленіемъ готическаго стила, пустило все же глубокіе корни въ Италіи, гдѣ Венеція, Равенна, Пиза владѣли далеко не послѣдними по своему достоинству монументами византійскаго зодчества. Въ концѣ тринадцатаго вѣка начатъ былъ соборъ во Флоренціи. Арнольфъ ди-Лапо, проэктировавшій планъ этого собора, хотѣлъ завершить его куполомъ по образцу церкви св. Виталія въ Равеннѣ. Но онъ скоро умеръ, и церковь оставалась неоконченною до пятнадцатаго вѣка. Итальянскіе зодчіе слишкомъ плохо усвоили себѣ правила византійскаго купольнаго устройства; и только съ 1420 года флорентіецъ Брунелески, подготовившійся серьезнымъ изученіемъ древнихъ классическихъ сооружений, приступилъ къ продолженію работъ и успѣлъ закончить зданіе. Куполь, построенный имъ, въ свое время считался чудомъ строительнаго искусства, открытіемъ котораго міръ обязанъ былъ флорентійскому уроженцу, хотя подобныя чудеса уже давно совершались византійскаго зодчими. Какъ бы то ни было, но сооруженіе флорентійскими собора имѣло рѣшительное вліяніе на западное зодчество, которое съ этихъ поръ обратилось къ изученію классическаго искусства и примѣненію началъ его къ системѣ сооружений византійскаго стила.

Планъ церквей, построенныхъ въ стилѣ возрожденія очень разнообразенъ. Въ первыя времена появленія этого стила въ основаніи плана церквей по большей части лежалъ крестъ латинскій. Но впослѣдствіи, въ видахъ большаго объединенія частей зданія, стали принимать крестъ византійскій (1).

1) Послѣдній, по проэку Микель-Анджело, былъ въ основаніи церковна-

Иногда общій планъ имѣлъ видъ круга, параллелограмма, и т. п. Куполь сталъ почти общою принадлежностью церквей; только изрѣдка встрѣчаются попытки возвратиться къ древнимъ, классическимъ, формамъ базиликъ. Формы куполовъ разнообразятся; иногда имѣютъ они видъ полусферическій, иногда овальный, часто многоугольный и т. д. Арки имѣютъ форму пинтра; если встрѣчается огива, то — въ самыхъ первоначальныхъ памятникахъ этого стиля. Упоры (контрфорсы) для сводовъ и куполовъ, если и встрѣчаются, скрываются за фронтонами, пилястрами, и т. д.

Изученіе классическихъ образцовъ древняго искусства, условливавшее отличіе стиля возрожденія отъ стиля византійскаго, отразилось главнымъ образомъ на примѣненіи древнихъ ордеровъ какъ ко внутреннимъ, такъ и ко внѣшнимъ архитектурнымъ подробностямъ зданій, и на украшеніи ихъ. Колонны — дорійская, іонійская, тосканская, коринтская и смѣшанная, съ своими пьедесталами, архитравомъ, фризомъ и карнизомъ, пилястры, фронтоны, часто съ статуями по сторонамъ, и т. д., — все это, занятое изъ древняго классическаго искусства, украшаетъ преимущественно фасады церквей, которыя напоминали бы собою древніе греко-римскіе храмы, если бы громадность размѣровъ ихъ и куполы, возвышающіеся надъ общою ихъ массою въ видѣ особенныхъ, поставленныхъ на нихъ храмовъ, не говорили объ особенномъ назначеніи этихъ монументовъ.

Это же вліяніе классическаго искусства особеннымъ образомъ отразилось и на скульптурныхъ и живописныхъ украшеніяхъ церквей этого стиля. Въ первое время въ довольно значительномъ употребленіи была мозаика и фрески. Впослѣдствіи ихъ стала замѣнять живопись и скульптура болѣе или

чальнаго плана собора ап. Петра въ Римѣ. Послѣ одна изъ сторонъ креста была удлинена.

менѣе въ пластическомъ вкусѣ. Маски, обнаженные дѣти, крылатые геніи, въ соединеніи съ арабесками, цвѣтами, плодами, листьями, въ разныхъ сочетаніяхъ покрывали своды и другія части зданія.

Не смотря на несообразность подобной системы украшеній съ духомъ христіанства, стиль возрожденія нашель горячихъ приверженцевъ себѣ въ орденѣ іезуитовъ. Этому ордену и обязанъ онъ вѣроятно своимъ относительно—раннимъ появленіемъ въ юго-западной Россіи. Въ сѣверо-восточной Россіи онъ замѣчается въ первый разъ не прежде царствованія Петра великаго.

Архитектурные стили въ Россіи. Христіанство является въ Россіи довольно поздно. Самые первые и притомъ—частные случаи принятія его встрѣчаются не прежде второй половины девятаго вѣка. Не смотря на то, оно не застало здѣсь ни определенной системы вѣрованій, ни монументальнаго выраженія ихъ. Славяне, обитавшіе по лѣсамъ и рѣкамъ нынѣшней Россіи, вели жизнь племенную, близкую къ патріархальной, и какъ сама вѣрованія ихъ, такъ и богослуженіе носили на себѣ патріархальный характеръ, соответствовавшій мѣстной обстановкѣ. Они не только не имѣли храмовъ, даже не предпринимали такъ называемыхъ—кельтскихъ сооружений, можетъ быть потому, что мѣстная почва не представляла необходимыхъ для этого камней. Единственными искусственными памятниками религіознаго характера были у нихъ земляныя насыпи на гробахъ умершихъ, встрѣчающіяся во многихъ мѣстностяхъ нынѣшней Россіи. Но и обычай могильныхъ насыпей не былъ повсемѣстнымъ. О древлянахъ, радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ преподобный Несторъ замѣчаетъ, что они жили вообще «звѣрскимъ образомъ», и между прочимъ—«аще кто умраше, творяху тризну надъ»

нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и возложить на кладу мертвеца, и сожигашу; и посемъ собравше кости, влагаху въ сосудъ малъ, и поставляху на столпѣ при путехъ». Религіозныя чувства здѣшнихъ язычниковъ возбуждались и поддерживались самою окружающею ихъ природою, таинственнымъ шумомъ дѣвственныхъ лѣсовъ, непроницаемою глубиною рѣкъ и озеръ. Они молились у вѣковыхъ дубовъ, на берегахъ рѣкъ, при колодцахъ, — молились «подъ овиномъ, или въ ржи, или подъ рощеньемъ, или у воды». Въ Кіевѣ, а потомъ въ Новгородѣ упоминаются кумиры и требища; но это были кумиры и требища, поставленные князьями — варягами, думавшими, конечно, обосновать новую, государственную организацію славянскихъ племенъ на новыхъ общественно-религіозныхъ установленіяхъ. Народъ принималъ эти нововведенія холодно, если не — враждебно. Христіанство не встрѣтило поэтому упорной борьбы со стороны русскаго язычества, которое не имѣло ни исторіи, ни дорогихъ для народнаго сердца памятниковъ. За то просвѣтители славянъ — греки должны были не только знакомить ихъ съ новою религіею, но и сами строить для нихъ храмы, чтобы упрочить на Руси христіанскія понятія. Византійская базилика перешла такимъ образомъ въ Россію въ своемъ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси мѣстныхъ, національныхъ элементовъ.

Въ первый разъ о существованіи церкви въ Кіевѣ упоминается въ договорѣ Игоря съ греками 945 года. Церковь эта названа соборною св. Или. Темное преданіе говоритъ о постройкѣ св. Ольгою церкви во имя св. Софіи и церкви св. Николая на аскольдовой могилѣ. Св. Владиміръ по принятіи христіанства, по замѣчанію лѣтописца, «повелѣ рубити церкви, и постави церковь св. Василія на холмѣ, идѣже стояше кумиръ

Перунъ». Но эти церкви, какъ показываетъ самое слово— *рубити*, были деревянные, и не отличались ни внутренними украшениями, ни долговѣчностью. *Рубили* ихъ конечно свои же русскіе мастера, отличавшіеся плотничнымъ ремесломъ. Первая церковь истинно монументальнаго характера была заложена св. Владиміромъ въ 989 году во имя пресвятой Богородицы, называвшаяся десятинною, Для сооруженія этой церкви, по словамъ лѣтописца, «пріидоша изъ грекъ въ Кіевъ ко Владиміру каменосѣщцы и созидатели палатъ каменныхъ». Мѣстомъ для нея былъ избранъ дворъ единственныхъ кіевскихъ мучениковъ, двухъ христіанскихъ варяговъ, убитыхъ идолопоклонниками за шесть лѣтъ передъ тѣмъ. Церковь строилась и украшалась въ продолженіи семи лѣтъ, и была освящена въ 996 году.

Трудно опредѣлить, по какому византійскому образцу построена была десятинная церковь. Такой образецъ могъ указать самъ св. Владиміръ, сохранившій воспоминаніе о корсунскихъ церквахъ; могла указать его и греческая царица Анна въ какой либо константинопольской церкви; но могли, соображаясь съ мѣстными условіями, имѣть вліяніе на выборъ строители—греки. Лѣтописи не оставили подробнаго описанія этой церкви. Говорится только, что св. Владиміръ украсилъ ее иконами, сосудами и крестами, вывезенными имъ изъ Корсуни. Извѣстно также, что она имѣла нѣсколько верховъ или главъ (до 13 или 15). Въ 1240 году, во время нашествія Батыя, она частію обрушилась подъ тяжестью народа, скрывавшагося на ея сводахъ, частію была разорена татарами. Изъ раскопокъ, произведенныхъ на мѣстѣ этой церкви въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, видно, что стѣны ея были сложены изъ кирпича ¹⁾, переложеннаго въ толстыхъ мѣстахъ камнемъ;

¹⁾ Кирпичъ употреблялся трехъ сортовъ: одинъ крупный, большій вышшаго шестивершковаго, другой меньшій и тоншій, третій семивершковый ква-

карнизы, базы и капители колоннъ, а можетъ быть — и самыя колонны во внутренности церкви были изъ мрамора, съ украшеніями визатійскаго стиля; полъ устланъ осміугольными плитами изъ темнокраснаго гранита, а въ алтарѣ—разноцвѣтными квадратами изъ мрамора, яшмы и стекла; внутри стѣны были украшены мозаикою и фресками, а снаружи—надписями.

Подобныя черты чисто византійскаго стиля отразились и на другихъ церквахъ, построенныхъ греками въ Россіи въ этотъ періодъ. Русскіе князья не только вызывали зодчихъ изъ Греціи, но и желали, чтобы самыя храмы, построенныя ими, напоминали знаменитыя византійскія храмы. Такъ, между церквами, построенными Юстиніаномъ въ Константинополѣ, извѣстны были, кромѣ софійскаго храма, церковь св. Ирины и церковь во имя Богоматери, которую построилъ императоръ у воротъ городскихъ, называвшихся золотыми, чтобы имѣть въ пресвятой Дѣвѣ, по словамъ Прокопія, покровительницу для городскихъ стѣнъ. Подражая ему, великій князь Ярославъ Владиміровичъ заложилъ въ 1037 году въ Кіевѣ церковь во имя св. Софіи, премудрости Божіей,—скоро за тѣмъ, неподалеку отъ этой церкви, построилъ храмъ св. Ирины, и окруживъ городъ стѣнами, надъ воротами, названными *золотыми*, поставилъ церковь во имя благовѣщенія пресв. Богородицы: «да всегда радость граду тому святымъ благовѣщеніемъ будетъ, молитвами пресвятыя Богородицы и святаго архангела Гавріила, радости благовѣстника». Изъ этихъ церквей сохранилась до нашего времени, хотя и далеко не въ первоначальномъ видѣ, только церковь св. Софіи. Планъ ея, если исключить позднѣйшія къ

дратній, въ толщину $1\frac{1}{4}$ дюйма. Цементомъ служила известь, смѣшанная съ толченымъ кирпичемъ.

ней пристройки, квадратный. Въ основаніи его равноконечный, византійскій крестъ, и центръ этого креста—центръ всего зданія. Надъ этимъ центромъ на четырехъ столбахъ и высокихъ, эллиптической формы, аркахъ возвышается куполь, лежащій, впрочемъ, не непосредственно на аркахъ, какъ куполь софійскаго константинопольскаго храма, а на круглой съ окнами стѣнѣ (тамбурѣ), отдѣляющей его отъ вершины арокъ. Такъ устроенный, куполь давалъ меньшій распоръ; но кромѣ того, столбы и арки, на которыхъ лежитъ онъ, тѣсно связаны съ цѣлою системою окружающихъ ихъ другихъ столбовъ и арокъ упирающимися въ каждый изъ нихъ съ двухъ сторонъ арками. Это и замѣняло тѣ внѣшніе упоры, которые приданы были константинопольскому софійскому куполу уже по возведеніи его и такъ портили фасадъ знаменитаго храма. Пролеты арокъ подъ кіевософійскимъ куполомъ свободны во всѣ стороны. Надъ четырьмя выходящими изъ-подъ нихъ концами креста возвышаются своды, изъ коихъ восточный оканчивается абсидомъ, гдѣ помѣщается главный (прежде—единственный) алтарь, а другіе—галлереями въ два этажа. По обѣ стороны восточнаго конца креста къ главному абсиду пристроено по два другихъ, меньшихъ. Квадратныя пространства по обѣ стороны западнаго конца креста заняты галлереями, расположенными здѣсь въ два ряда. Галлерей, равно какъ и своды надъ ними, лежатъ не на колоннахъ, а на такихъ же столбахъ и аркахъ, какъ и главный куполь. Надъ вторымъ этажемъ галлерей эти столбы и арки служатъ основаніемъ для меньшихъ куполовъ, которыхъ съ каждой стороны по четыре. Галлерей были окружены перилами изъ краснаго гранита, съ высѣченными на немъ орлами и другими изображеніями. Изъ такого же гранита были

карнизы. Помость была устлана красным же гранитом и мрамором. Внутреннія украшения софійской церкви такія же, какъ и десятиной,—это мозаика и фрески. По золотому полю мозаикою были покрыты алтарный абсидъ, арки подъ куполомъ и самый куполь (изъ мозаическихъ изображеній, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, особенно замѣчательно на алтарномъ абсидѣ изображеніе Божіей Матери въ исполинскомъ видѣ, называемое «нерушимую стѣною»). Все остальное пространство церкви по стѣнамъ, столбамъ и аркамъ покрыто фресками (которыхъ большая часть также уцѣлѣла до нашего времени). О первоначальномъ наружномъ видѣ этого древняго храма по его нынѣшнему виду судить трудно. Въ древнее время онъ окруженъ былъ съ сѣверной, западной и южной стороны ходовою папертью. Паперть эта возвышалась только до половины всей высоты стѣнъ храма. Впослѣдствіи съ западной стороны она была отчасти разрушена и перестроена, а съ сѣверной и южной—надстроена до высоты стѣнъ церкви, и застроена новыми придѣлами.

Бѣдствія, обрушившіяся надъ Россією въ періодъ татарскихъ нашествій, были причиною, что отъ всѣхъ греческихъ сооруженій въ нашемъ отечествѣ сохранились до нашего времени, по большей части, одни обломки. Судьба кіево-софійскаго храма была еще одною изъ лучшихъ. Другія древнія церкви кіевскія сохранились еще меньше; а отъ многихъ не осталось и слѣдовъ. Подобная участь постигла церкви и въ сѣверо-восточной Россіи, куда мало помалу отодвинулся центръ русской народной жизни. Но изъ послѣднихъ нѣкоторыя кромѣ древняго плана и внутренняго устройства въ значительной мѣрѣ сохранили слѣды и древняго византійскаго фасада. Планъ этихъ церквей всегда почти квадратный, оканчивающійся къ востоку тремя абсидами. Кладка ихъ отличается впрочемъ отъ

кладки древнихъ кіевскихъ церквей. Въ лучшихъ образцахъ она—изъ бѣлаго известковаго камня. Надъ центромъ зданія возвышается небольшой куполь; въ западной части помѣщаются хоры. Стѣны украшены фресками, которыя отчасти сохранились и до настоящаго времени. Но главное, что отличаетъ ихъ отъ древнихъ кіевскихъ церквей,—это уцѣлѣвшій отчасти фасадъ. При раскопкахъ въ площади кіевской десятинной церкви открыто было шесть продольныхъ и семь поперечныхъ стѣнъ, считая въ томъ числѣ и внѣшнія. Четыре внутреннихъ продольныхъ и пять поперечныхъ находились подъ помостомъ и служили основаніемъ для столбовъ и колоннъ, на которыхъ опирались арки куполовъ и сводовъ. Снаружи зданія противъ каждой изъ внутреннихъ стѣнъ были *выставки*—продолженные концы внутреннихъ стѣнъ. Въ зданіи онѣ конечно имѣли видъ пилястръ, приданныхъ къ наружной стѣнѣ зданія и служившихъ упорами для внутреннихъ сводовъ и куполовъ. Были ли подобныя пилястры на внѣшнихъ стѣнахъ, напримѣръ, кіево-софійскаго храма, и если были—какой имѣли видъ, составляетъ вопросъ. Но на древнихъ церквахъ сѣверо-восточной Россіи въ большинствѣ случаевъ онѣ сохранились. Обыкновенно эти пилястры дѣлятъ каждую лицевую сторону церкви на три части; иногда онѣ скрываются за приставленными къ нимъ по луколонками; но всегда—соединяются между собою вверху арками. Какъ эти пилястры обозначали совнѣ внутреннія линіи расположенія столбовъ и арокъ, поддерживавшихъ галлерои и своды: такъ пересѣкавшіе ихъ по срединѣ пояса, тянувшіеся вокругъ всего зданія, обозначали, совнѣ же, конецъ нижняго и начало верхняго этажа внутреннихъ галлерей. Пояса эти имѣли видъ уступа и украшались иногда переплетами линій и цвѣтовъ, высѣченными изъ камня. Внутреннее устройство церкви получало такимъ образомъ внѣшнюю выразительность,—условіе,

не всегда соблюдаемое другими архитектурными стилями. О внешних карнизных украшениях этих церквей, по отсутствию данных, судить трудно: едвали найдется между ними хоть одна, которая не страдала бы от огня и не была возобновляема нѣсколько разъ. Двери обыкновенно — съ архивольтомъ изъ нѣсколькихъ обломовъ, опирающихся на импосты, поддерживаемые колонками.

Монгольское иго остановило надолго постройку монументальныхъ храмовъ въ Россіи. Разоренные города не успѣвали поддерживать полуразрушенныя прежнія церкви, гдѣ такія остались. Греческихъ зодчихъ уже не вызывали; да и доступъ имъ въ Россію становился все труднѣе и труднѣе по мѣрѣ того, какъ турецкіе султаны овладѣвали европейскими сѣверо-восточными областями древней византійской имперіи, пока не взяли самый Константинополь. Если въ этотъ печальный для отечества нашего періодъ и построены нѣкоторыя каменные церкви, — построены русскими зодчими, старавшимися подражать грекамъ. Но церкви эти отличаются отъ древнихъ — какъ бѣдностью матеріала и украшеній, такъ и нѣкоторыми отступленіями отъ точныхъ правилъ византійскаго искусства, недостаточно выразумѣнныхъ русскими подражателями. Довольно указать, для примѣра, на употребленіе русскими зодчими пилястръ и поясовъ, отличающихъ фасады древнихъ церквей. У греческихъ зодчихъ тѣ и другіе имѣли значеніе въ общей системѣ сооруженія, и обозначали или линіи внутреннихъ столбовъ и арокъ, или раздѣленіе этажей въ галлереяхъ; — у русскихъ пилястры и пояса болѣе имѣли значеніе фасаднаго украшенія, и только первыя иногда совпадали съ внутреннею линіею столбовъ и арокъ, а послѣдніе уже не имѣли никакого отношенія къ системѣ внутренняго устройства церкви.

Съ возвышеніемъ Москвы начинаютъ появляться въ великокняжеской столицѣ зодчіе — итальянцы. Знакомые съ византій-

скими образцами на своей родинѣ, гдѣ кромѣ того съ половины пятнадцатаго вѣка начинается поворотъ въ пользу византійскаго искусства въ стилѣ возрожденія, итальянскіе зодчіе легко осваиваются съ русскимъ вкусомъ, всегда отдававшимъ предпочтеніе древнимъ, византійскимъ церквамъ. Новыя московскія церкви строили они по образцу прежнихъ русскихъ ¹⁾, отступая отъ древнихъ формъ въ незначительныхъ частностяхъ. Такъ въ планѣ церквей замѣчается иногда удлинненный нѣсколько западный конецъ креста; внутри церкви нѣтъ галлерей, и своды опираются часто или на пилястры съ базисами, или на высокія колонны; пилястры по фасаду церквей напоминаютъ колоннаду, близкую къ стилю возрожденія. Само собою разумѣется, что мозаика и фрески уже не входили болѣе въ украшеніе церквей, а стали замѣняться обыкновенною стѣнною живописью. Но зодчіе эти оказали русскому искусству неоцѣнимую услугу, познакомивъ русскихъ съ лучшимъ приготовленіемъ кирпичей и цемента и лучшими приемами сооруженія даже—при данныхъ образцахъ. Это дало возможность русскому зодчеству, не отступая отъ коренныхъ началъ византійскаго стиля, ввести въ церковную архитектуру и нѣкоторыя собственно—русскія формы, положить начало *русскому* или такъ называемому—*русско-византійскому* стилю.

До шестнадцатаго вѣка русскіе, не смотря на уроки, полученные отъ грековъ, никогда не бывали отличными каменщиками. Болѣе всѣхъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ извѣстны такимъ мастерствомъ псковичи, учившіеся ему у нѣмцевъ. Но и постройки ихъ рѣдко удавались. За то плотничнымъ ремесломъ славились въ то время многіе города, особенно—Новгородъ.

1) Такъ московскій успенскій соборъ былъ построенъ по образцу владимірскаго собора. Іоаннъ III нарочито отправлялъ во Владиміръ венеціанскаго зодчаго Фіоравента, чтобы онъ на мѣстѣ ознакомился съ этою древнею, знаменитою въ то время, церковію.

Обиліе лѣса, доставлявшаго въ избыткѣ всякаго рода матеріалъ для построекъ, предоставляло широкое поле искусству и изобрѣтательности русскаго человѣка. Рубка угловъ въ *обло*, въ *пристыкъ*, *скобою*, — вязка ихъ въ *лапу*, въ *замокъ*, — хоромы о двухъ жильяхъ съ *теремками* или *вышками*, — *краенныя* и *косячтыя* окна, — двери съ разнообразными наличниками и сандриками, — точеные столбы у высокихъ ступенчатыхъ крылецъ, — рѣзные карнизы, — *шатровые* и *бочковые* чешуйчатые верхи съ высокими гребнями, прапорами, флюгерами, и т. д., — все это, составляя отличительную черту русскаго плотничества, говорило о значительномъ развитіи этого рода зодчества, которое не довольствовалось удовлетвореніемъ нуждъ, но съ прочностію соединяло и затѣйливость, — придавало красоту зданію. Все это, примѣнявшееся къ домамъ бояръ и людей именитыхъ, къ теремамъ и дворцамъ княжескимъ и царскимъ, — примѣнялось въ извѣстной мѣрѣ и къ церквамъ какъ сельскимъ, такъ и городскимъ, и даже — московскимъ. Подлѣ каменныхъ церквей византійскаго стиля, строившихся фрязинами, самородные русскіе мастера ставили деревянные, отличавшіяся отъ первыхъ своею образностію формъ и украшеній, — формъ и украшеній въ народномъ вкусѣ, болѣе близкихъ народному сердцу, чѣмъ тѣ новыя формы и украшенія, какія пытались придавать каменнымъ церквамъ итальянскіе зодчіе. Естественно было, что освоившись съ лучшими приѣмами каменныхъ построекъ, русскіе зодчіе перенесутъ и на эти постройки тотъ же вкусъ, который отразился на деревянныхъ. Въ русскомъ плотничествѣ поэтому, а не въ готической, индійской или арабской архитектурѣ слѣдуетъ искать первообраза тѣхъ особенныхъ формъ, которыя отличаютъ русскіе монументы шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ.

Любимыми кровельными формами въ плотничномъ русскомъ зодчествѣ были *шатеръ* и *бочка*. *Крыто шатромъ*,

крыто бочкою—обыкновенныя выраженія старинныхъ памятниковъ при описаніи теремовъ и деревянныхъ церквей. Кровля *шатромъ* была—высокая, пирамидальной формы, заканчивавшаяся шаромъ съ флюгеромъ или крестомъ, и т. п., смотря по назначенію зданія. Кровля *бочкою* имѣла видъ бочки, наложенной на зданіе, но—такъ, что верхняя сторона ея, выгибаясь съ боковъ, заострялась и переходила въ гребень. Если зданіе имѣло квадратное основаніе,—кровль давали видъ двухъ такихъ бочекъ, положенныхъ на-крестъ. Обрѣзы (днища) бочекъ въ такихъ случаяхъ имѣли видъ фронтоновъ, возвышавшихся надъ каждою изъ сторонъ зданія. Но иногда эти обрѣзы не выступали въ видъ фронтоновъ, а стороны бочекъ сливались въ линіяхъ взаимнаго пресѣченія ихъ: тогда кровля на зданіи принимала видъ купола. Часто надъ двумя взаимно пересѣкавшимися бочками возвышался на круглой или многогранной башенкѣ шатрикъ или глава—если зданіе было церковью, и проч. ¹⁾. Эти двѣ формы, въ маломъ видѣ примѣнявшіяся къ устройству сѣней надъ царскими тронами, церковными жертвенниками и престолами,—къ устройству кіотовъ и т. п., съ шестнадцатаго вѣка переходятъ въ каменное зодчество. Шатромъ сводятся верхи колоколенъ и часовень. Шатеръ часто замѣняетъ куполь и на самыхъ церквахъ. Церковь въ такомъ случаѣ принимаетъ видъ высокой башни пирамидальной формы, окруженной иногда меньшими такого же вида башнями, если имѣла нѣсколько верховъ. Но къ церквамъ шатровая форма примѣнялась только до половины семнадцатаго вѣка. Патриархъ Никонъ находилъ ее недостаточно прилично этимъ зданіямъ, и съ его времени она отличала только верхи часовень

¹⁾ Чтобы имѣть представленіе объ этихъ кровельныхъ формахъ ихъ и различныхъ сочетаніяхъ, см. „Видъ коломенскаго дворца“ въ изданіи „Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества“, Мартинова, тетр. 14.

и колоколенъ. Болѣе широкое примѣненіе имѣла бочкообразная форма. Разрѣзъ бочки представлялъ дугу, которой кругоборотъ давалъ образованіе куполу, отличающемуся своеобразностію формы отъ всякихъ другихъ куполовъ¹⁾. Эта же дуга, въ видѣ арки, соединявшей прежде верхи фасадныхъ пилястръ, стала примѣняться и къ карнизнымъ украшеніямъ внѣшнихъ стѣнъ. Въ значительномъ употребленіи была бочка и въ своемъ непосредственномъ видѣ, какъ кровельная форма. Двѣ и болѣе взаимно пересѣкавшіяся бочки служили основаніемъ для фонарей церковныхъ главъ и даже—для шатровыхъ верховъ церквей и колоколенъ. Иногда цѣлые ряды такихъ бочекъ, возвышаясь одинъ надъ другимъ уступами, придавали церковной кровлѣ видъ волнообразной горы, надъ которою на круглыхъ башняхъ и куполахъ встаютъ высокіе кресты, и проч. Выпуски бочекъ (на подобіе фронтоновъ) не всегда впрочемъ имѣли выгнутый и заостренный верхъ, и въ такомъ разѣ назывались *закамарою*²⁾.

Планъ церквей остается древній—византійскій. Только съ половины шестнадцатаго вѣка ходовая паперть, окружавшая съ трехъ сторонъ древнія церкви, съ сѣвера и юга, расширяясь, часто принимаетъ видъ *притѣловъ*—меньшихъ церквей подлѣ главной, большой; а съ запада—видъ *трапезы*, которая, удлиняясь, соединяетъ съ церковію колокольню. Фасадъ церквей иногда остается древній; но чаще онъ разнообразится и принимаетъ болѣе или менѣе изысканныя украшенія. Древнія пилястры или замѣняются полуколонками, или оставаясь по угламъ зданія, по срединѣ исчезаютъ вовсе; но арки, соединявшія верхи ихъ, остаются, и концы этихъ арокъ то представ-

1) Такую форму придавали, впрочемъ, верхнему, внѣшнему куполу: для внутренняго она была неудобна.

2) Отъ греческаго *καμαρα*—сводъ.

ляются висящими, то упираются въ поднятые пояса и вмѣстѣ съ ними принимаютъ видъ карнизныхъ украшеній. Окна обрамляются наличниками и сандриками разнообразныхъ формъ, занятыхъ изъ плотничнаго водчества. Пояса, повторяясь, обозначаютъ этажи церквей, которыя часто бываютъ двухъ-ярусныя. Верховъ на церквахъ по большей части пять; количество ихъ увеличивается верхами церквей придѣльныхъ. Внутри украшеніе церквей составляютъ многоярусные иконостасы и стѣнная живопись. Снаружи архитектурныя линіи отгѣняются красками; надъ дверьми, подъ арками, появляются священныя изображенія; карнизы принимаютъ разнообразныя, часто-кружевные украшенія; кровля нерѣдко чешуйчатая.

Въ 1555 году въ Москвѣ была заложена царемъ Иваномъ Васильевичемъ церковь во имя Покрова пресвятыя Богородицы. Церковь строилась по обѣту *о казанскомъ взятъ*, и строилась *на казанскія деньги*. Издержекъ на нее царь не жалѣлъ, и когда церковь была окончена, необыкновенныя формы ея изумили современниковъ. Иностранцы, бывавшіе въ то время въ Россіи, находили ее *удивительною, прекраснѣйшею*. Въ народѣ ходили слухи, будто царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ строившему ее водчему выколоть глаза, чтобы онъ не могъ болѣе построить ничего подобнаго. Впослѣдствіи иностранцы стали измѣнять взглядъ на знаменитую церковь. «Этотъ храмъ, говоритъ одинъ французскій путешественникъ, представляетъ собою зданіе самое странное, какое только могла изобрѣсть пылкая независимостъ необузданнаго воображенія. Какъ и всѣ русскія церкви, онъ не отличается громадностію. Но я насчиталъ на кровлѣ Василія блаженнаго семнадцать куполовъ; всѣ они различаются между собою формою, цвѣтомъ, пропорціями: одинъ похожъ на шаръ, другой—на сосновую шишку, третій—на дыню, иной—на ананасъ; зеленый, голубой, желтый, красный, фіолетовый цвѣта сталкиваются на этихъ главахъ, похо-

жихъ на луковицу»... Но для русскаго народа храмъ этотъ былъ и останется навсегда памятникомъ отечественной славы и національнаго зодчества, не имѣющимъ въ исторіи другихъ народовъ ничего себѣ подобнаго. Пестрота формъ и цвѣтовъ, разнообразіе пропорцій и украшеній, поражающія непривычный взглядъ наблюдателя, объясняются тѣмъ, что на одномъ основаніи построено было здѣсь десять церквей¹⁾. За то въ этой купѣ церквей выразились все богатство изобрѣтенія и свобода художественной мысли, характеризующія русское зодчество. Покровскій соборъ можно сравнивать въ этомъ отношеніи развѣ съ древнимъ коломенскимъ дворцомъ, состоявшимъ изъ множества хоромъ, теремовъ и башенъ, также разнообразныхъ формъ и украшеній: тамъ соединилось все, что могло создать лучшаго русское плотничное зодчество,—здѣсь хотѣли соединить образцовыя формы русскаго же каменнаго зодчества. Тамъ и здѣсь—тотъ же русскій духъ, тоже самородное русское творчество.

Основанный царемъ Иваномъ Васильевичемъ *каменный приказъ*, завѣдывавшій городскими постройками, кирпичными мастерами и заводами, упрочилъ въ Россіи господство русско-византійскаго стиля, такъ широко выразившагося въ московскомъ покровскомъ соборѣ. Стилъ этотъ отразился въ извѣстной мѣрѣ даже на такихъ церквахъ, которыя строились по болѣе или менѣе древнимъ образцамъ. Шестнадцатый, а особенно—семнадцатый вѣка были вообще богаты разнаго рода монументальными сооруженіями, и значительная часть ихъ, при своей оригинальности, истинно изящны. Но знакомство съ западомъ и возникшее изъ односторонности этого знакомства—

¹⁾ Такъ гласила надпись, лежавшая вѣкогда подъ главнымъ карнизомъ вокругъ придѣловъ покровскаго собора: „лѣта 7062 начата созданиемъ сіа церковь Покрова пресвятныя Богородицы, да на томъ же основаніи девять церквей: 1) Входъ во Іерусалимъ“... и т. д.

пренебреженіе ко всему родному—русскому было причиною, что съ начала восемнадцатаго вѣка русско-византійскій стиль быстро смѣняется *стилемъ возрожденія*, также перенесеннымъ на русскую почву, какъ переносились и другія стихіи общественной жизни западныхъ народовъ.

Первыя церкви въ стилѣ возрожденія появляются въ Москвѣ и ея окрестностяхъ еще въ концѣ семнадцатаго вѣка. Строились онѣ приближенными Петра великаго во вкусѣ молодого государя, а вкусъ этотъ былъ—господствовавшій потомъ во Франціи во времена регенства и Помпадуръ. Онъ отличался легкостью, красотою и какъ бы—кокетливостію формъ и изысканною роскошью внѣшнихъ украшеній, не вполне приличными строгому и важному характеру христіанскихъ церквей. Построеніе Петербурга, привлекая въ Россію зодчихъ изъ разныхъ странъ Европы, особенно—изъ Голландіи и Италіи, произвело болѣе рѣшительный поворотъ въ пользу стиля возрожденія, получившаго съ тѣхъ поръ господство какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ зодчествѣ. Это господство поддержано было академією художествъ, основанною въ 1757 году, и новыми вызовами художниковъ изъ Франціи и Италіи ¹⁾. Первотипомъ для зодчихъ этого времени былъ, больше всего, соборъ св. Петра въ Римѣ. Его куполь и колоннада повторялись во всевозможныхъ (разумѣется, уменьшенныхъ) размѣрахъ какъ на церквахъ соборныхъ, такъ и приходскихъ. Вліяніе западное отразилось и на самомъ планѣ церквей, принимавшемъ разнообразныя формы, и на внутреннемъ расположеніи частей ихъ и украшеніяхъ. Только въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстностяхъ, особенно—въ селахъ, не принадлежавшихъ

1) Въ царствованіе Елисаветы особенно извѣстенъ между зодчими графъ Растрели, оставившій послѣ себя многихъ подражателей. Въ Кіевѣ принадлежитъ ему постройка церкви св. Андрея Первозваннаго.

вельможнымъ владѣльцамъ, строились церкви по старинному обычаю, хотя—не съ стариннымъ искусствомъ (этому искусству былъ нанесенъ преобразованиемъ рѣшительный ударъ: лучшія силы были отвлечены отъ него господствовавшимъ направлениемъ). Въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія дошла очередь и до такихъ мѣстностей. Частые случаи разрушенія вновь построенныхъ церквей, неправильность и дурной вкусъ въ ихъ архитектурѣ побудили правительство обратить серьезное вниманіе на эти главнѣйшія изъ общественныхъ зданія. Строительный комитетъ, учрежденный при департаментѣ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, составилъ и издалъ: *Собраніе плановъ, фасадовъ и профилей для строенія каменныхъ церквей, съ краткимъ наставленіемъ какъ о самомъ производствѣ строенія, такъ и о вычисленіи потребныхъ къ тому матеріаловъ*, и проч. Чертежи эти, названные *нормальными* и назначенные для руководства строителей и архитекторовъ, составлены были во вкусъ *возрожденія*, въ его очищенномъ видѣ, сближавшемся съ древнимъ классическимъ искусствомъ. Планы удерживаютъ иногда въ основаніи крестъ византійскій: но большая часть ихъ имѣютъ прототипъ въ римскомъ пантеонѣ и древней гражданской базиликѣ. Колоннада какъ внутри, такъ и снаружи церквей—классическая, и въ соединеніи съ другими архитектурными подробностями такого же характера, придаетъ часто русскимъ церквамъ видъ и характеръ древнихъ греко-римскихъ сооружений.

Въ 1825 году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы планы и фасады даже сельскихъ деревянныхъ церквей были разсматриваемы или составляемы въ департаментѣ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій. Св. Синодъ вошелъ по этому поводу съ представленіемъ, между прочимъ, чтобы планы эти составлялись «въ всѣхъ частяхъ» сообразно соборнымъ о построеніи церквей постановленіямъ, чтобы назначаемы были

на оныхъ мѣста для храненія ризницы, утвари, бібліотеки, и по близости алтаря—для жаровни, а въ паперти или трапезѣ и для женскаго пола, приходящаго въ церковь въ установленное время послѣ родовъ для очистительныхъ молитвъ; подѣ колокольнею же назначать мѣста для сторожей». Къ этому св. Синодъ присовокуплялъ: «поелику во многихъ мѣстахъ прихожане изъявляютъ желаніе строить церкви сообразно древнимъ оныхъ видамъ: то св. Синодъ находитъ необходимо нужнымъ, къ изданной отъ министерства внутреннихъ дѣлъ книгѣ, подѣ названіемъ: *собраніе плановъ, фасадовъ и пробилей для строенія каменныхъ церквей*, составить нѣсколько таковыхъ плановъ по примѣру древнихъ православныхъ церквей». На первое изъ этихъ представленій министерство отвѣчало постановленіемъ о предварительномъ разсмотрѣніи переходящихъ на его утвержденіе плановъ церквей епархіальными архіереями или св. Синодомъ, а на второе—немедленнымъ распоряженіемъ о составленіи строительнымъ комитетомъ плановъ и фасадовъ «по видамъ древнихъ церквей въ Россіи». Съ этого времени снова начинается поворотъ къ русско-византійскому стилю ¹⁾, который закономъ 25 марта 1841 года признанъ даже господствующимъ.

б). Религіозные монументы въ художественномъ отношеніи.

Цѣль религіознаго монумента—привлечь къ себѣ взоры чловѣка, вызвать его на извѣстныя размышленія, пробудить въ его сердцѣ такія или иныя чувства и стремленія. Для достиженія этой цѣли есть общія условія: особенность формъ рели-

1) Одинъ изъ перенхъ образцовъ, на которыхъ отразился этотъ поворотъ къ русско-византійскому стилю, представляетъ собою церковь построенная въ Кіевѣ на мѣстѣ древней десятичной.

гіоэнаго монумента, которыя должны сразу отличать его отъ всего окружающаго; ясность той мысли, для увѣковѣченія которой монументъ поставленъ; характеръ архитектурныхъ формъ и украшеній, соотвѣтствующій характеру выраженной въ монументѣ мысли. Но въ приложеніи къ дѣлу эти общія условія вызываютъ такое разнообразіе правилъ, какъ разнообразна мѣстная обстановка и историческія условія жизни различныхъ народовъ, какъ разнообразны идеи, лежащія въ основаніи монументовъ даже—однородныхъ между собою, какъ разнообразенъ, наконецъ, художественный вкусъ челоуѣка на разныхъ степеняхъ его общественнаго и нравственнаго развитія. Разсмотримъ, какъ достигали своей цѣли монументы древняго міра и какъ достигаютъ этой же цѣли монументы христіанскіе.

Иисусъ Навинъ, высказавъ свой послѣдній завѣтъ народу израильскому, *вписалъ его въ книгу закона Божіа; и взя камень велиій и поставилъ его предъ теревиноомъ, еже есть предъ Господемъ. И рече Иисусъ къ людемъ: се камень сей будетъ вамъ въ свидѣніе; яко сей слыша вся глаголанная отъ Господа... и сей будетъ вамъ въ свидѣніе въ послѣднія дни, егда соложите Господеву Богу вашему* (Нав. 24, 26. 27). Памятникъ этотъ былъ простой камень, останавливавшій на себѣ взоры челоуѣка только особенностію своего положенія. Но для народа еврейскаго, по крайней мѣрѣ въ первое время, онъ былъ также, если не болѣе—краснорѣчивъ, какъ если бы былъ чисто художественнымъ произведеніемъ. Краснорѣчивъ былъ онъ не самъ по себѣ, а тою мыслию, съ которою поставленъ, тѣми воспоминаніями, которыя содинены были съ нимъ. Таковы были и другіе однородные съ нимъ памятники, воздвигавшіеся патріархами. *Гробы Рахилыны* не забывались народомъ еврейскимъ: потому что одинъ видъ поставленнаго праотцомъ камня воспроизводилъ въ душѣ каждаго потомка прекрасный молодой образъ любимой патріархомъ жены, умиравшей въ мукахъ ро-

довъ съ надеждою ожить въ своихъ дѣтяхъ и внукахъ. Живое преданіе, соединенное съ памятникомъ, всегда напоминаемое имъ и въ свою очередь—всегда дополняющее его таинственный говоръ, придавало ему обаяніе, часто болѣе трогательное, чѣмъ искусственно-художественное впечатлѣніе другихъ монументовъ.

Но памятники этого рода также условны, какъ и слово человеческое. Слово имѣетъ смыслъ, пока соединено съ извѣстнымъ представленіемъ. Памятникъ имѣетъ значеніе, пока стоитъ въ связи съ нимъ въ памяти народной преданіе о немъ. Если эта связь порвана,—памятникъ теряетъ свое первоначальное значеніе. Послѣдующія поколѣнія поймутъ его особенность, но если объяснять для себя его смыслъ—объяснять по-своему.

Болѣе выразительны были жертвенники, сооружавшіеся патриархами для принесенія всесозженій. О назначеніи ихъ въ свое время говорила, конечно, самая ихъ форма, какъ говорятъ о немъ столы изъ камня, священныя ограды, могильные холмы, оставленные въ разныхъ странахъ свѣта первобытными народами. Но какому богу ставились послѣдніе жертвенники, съ какимъ чувствомъ хоронились мертвецы и надъ могилами ихъ воздвигались холмы у послѣднихъ, неизвѣстныхъ народовъ, памятники эти говорятъ также мало, какъ и простыя груды камней и обыкновенные слѣды могилы. Только положеніе ихъ по большей части на мѣстахъ открытыхъ, возвышенныхъ,—на мѣстахъ, съ которыхъ взоры человѣка обнимаютъ широкія пространства, полныя жизнью природы, и теряются въ безпредѣльной дали, ясно указываетъ, что народы, оставившіе эти памятники, искали религіознаго вдохновенія и утѣшенія въ голосѣ природы, что молились и плакали они предъ великимъ Богомъ природы, котораго *присносущная сила и*

божество давалъ имъ видѣть себя и въ тревогахъ жизни земной, и въ невозмутимомъ покоѣ небесъ.

У природы искали средствъ и патріархи народа еврейскаго, чтобы придать своимъ памятникамъ то, чего не могло придать имъ никакое искусство: роща, насажденная Авраамомъ у кладязя клятвеннаго, говорила сердцу его дѣтей и внуковъ языкомъ несравненно болѣе роднымъ, чѣмъ говорили въ свое время и своимъ поклонникамъ храмы Египта, Греціи и Рима.

Развитіе общественной жизни, обусловливаемое осѣдлостію и ведущее за собою размноженіе нуждъ и заботъ человѣка, отвлекаетъ его отъ природы и заглушаетъ для него ея голосъ. Чтобы напоминать ему о Богѣ, мало тѣхъ простыхъ символовъ, которыми довольствовались люди въ быту патріархальномъ. Простой камень, въ какомъ бы необыкновенномъ положеніи ни находился онъ, уже не всегда могъ остановить на себѣ взоръ, привыкшій видѣть на обыкновенныхъ жилищахъ, человѣческихъ болѣе искусственныя сочетанія камней. Какъ бы ни было свято и трогательно соединявшееся съ подобнымъ памятникомъ преданіе, оно легко могло заслоняться въ душѣ человѣка болѣе настойчивыми требованіями минуты, болѣе тревожными мыслями о настоящемъ и будущемъ самаго созерцателя.—Съ переходомъ къ жизни гражданской патріархальные памятники у древнихъ народовъ замѣнились *храмами*.

Самое представленіе о храмѣ, какъ видимомъ жилищѣ Бога, указывавшемъ на присутствіе Верховнаго Существа въ обыденной средѣ человѣческой жизни, носило въ себѣ лучшія условія къ тому, чтобы освоивать человѣка съ непрестанною мыслію о Богѣ, также призирающемъ на жизнь каждаго человѣка, какъ и на жизнь общества человѣческаго. Но чтобы подобное представленіе не потеряло внушающаго характера,

чтобы при видимой близости Бога къ человѣку съ понятіемъ о Немъ соединялось представленіе о Существовѣ неизмѣримо высшемъ человѣка, необходимо было, чтобы храмы облечены были въ глазахъ человѣка особеннымъ, священнымъ характеромъ, сообразнымъ съ ихъ назначеніемъ.

Скинія и храмъ народа еврейскаго не имѣли въ этомъ отношеніи ничего себѣ равнаго въ древнемъ мірѣ. Какъ истинные храмы истиннаго Бога, они не только строились изъ драгоценнѣйшихъ матеріаловъ,—строились съ соблюденіемъ правилъ благоговѣнія къ имѣвшему обитать въ нихъ Верховному Существо и по образцу, указанному самимъ Богомъ, съ примѣненіемъ къ выполненію плана наилучшихъ художественныхъ приѣмовъ, извѣстныхъ тогдашнему міру, но и освящались *елемъ помазанія*, осѣнялись божественною славою, и какъ истинныя жилища божественныя пребывали недоступными и неприкосновенными для смертныхъ. Скинія располагалась въ центрѣ еврейскаго стана, но стояла въ удаленіи отъ окружавшихъ ее палатокъ. Никто изъ нечистыхъ не смѣлъ приближаться къ ней; никто изъ народа не проникалъ далѣе ея двора. Только священники входили въ *святое*; только первосвященникъ разъ въ году вступалъ въ *святое святыхъ*, но объ его входѣ и выходѣ долженъ былъ какъ бы предувѣдомлять звонъ колокольчиковъ, украшавшихъ подолю его верхней одежды,—*да не умретъ*. Не только намѣренное, даже случайное прикосновеніе къ святынѣ скиніи руками неосвященными угрожало смертію (Числ. 4, 15; 1 Цар. 6, 19; 1 Пар. 13 9. 10). Не менѣе грозно было и величіе храма іерусалимскаго, также непроницаемаго и неприкосновеннаго, какъ и скинія, также удаленнаго отъ обыкновенныхъ жилищъ человѣческихъ, и съ горы Моріа, какъ съ подножія, высоко поднимавшаго свою вершину надъ лежавшимъ у ногъ его городомъ и окрестностями.

Храмы народовъ языческихъ не имѣли тѣхъ преимуществъ, какія сообщало храму еврейскому дѣйствительное присутствіе въ немъ Бога, проявлявшееся наглядно—чудеснымъ образомъ. Такое существенное лишеніе восполнялось въ нихъ по-своему поставленіемъ идоловъ и искусственно-художественными приѣмами въ сооруженіи и украшеніяхъ храмовъ.

Естественныя подземелья въ горахъ востока своимъ холоднымъ мракомъ и таинственною глубиною производили глубокое впечатлѣніе на народныя массы, привыкшія жить воображеніемъ и подчиняться голосу страсти. Обращенныя въ храмы, подземелья эти какъ нельзя лучше соотвѣтствовали цѣлямъ древнихъ религій востока—поражать необузданное воображеніе человѣка, потрясать силу страсти и подчинять его водительству религіи, также облеченной таинственностію, какъ непроницаемъ мракъ подземныхъ залъ и переходовъ. Размножившееся народонаселеніе Египта и Азіи отодвинулось мало по малу отъ горъ и сосредоточилось въ города на широкихъ равнинахъ, по берегамъ рѣкъ. Подземелья стали замѣняться открытыми храмами. Но въ сооруженіи ихъ искусство хотѣло только соревновать природѣ, созидая монументы также тяжело—массивные, какъ ея горы, также мрачные, какъ пещеры этихъ горъ. Въ украшеніяхъ этихъ храмовъ отразились такъ или иначе тѣже образы, какими населяла пламенная фантазія жителей востока недоступную глубину горъ, рѣкъ и морей. Но, оставляя въ сторонѣ эти мѣстныя, подсказанныя народнымъ характеромъ черты восточнаго искусства, въ монументахъ Египта и Азіи нельзя не найти и истинно-художественнаго такта, искавшаго подчинить грубую матерію, архитектурныя формы и украшенія опредѣленной идеѣ, и тѣмъ обезпечить за этою идеею вліяніе на народъ.

Никакія созданія человѣческаго искусства не говорятъ такъ внушительно о вѣчности, какъ пирамиды и храмы Египта,

какъ выдѣланныя изъ одной скалы пагоды Индіи. Надъ вершинами ихъ пронеслось и пронесется конечно много вѣковъ, не коснувшись ихъ своею разрушительною рукою, и эти громады, кажущіяся однолѣтками окружающей ихъ природы, готовятся повидимому раздѣлить и ея конецъ. У подножія ихъ смѣнилось и смѣнится много поколѣній и народовъ; но остались и останутся неизмѣнными они въ своемъ неподвижномъ величіи, какъ неизмѣнно солнце, освѣщающее съ ранняго восхода до поздняго заката ихъ вершины, какъ неизмѣнно-тверда та почва, на которую налегли эти гранитныя массы. Не менѣе поразителенъ и характеръ необыкновенной, почти сверхъ-естественной силы, отразившейся на этихъ гигантскихъ сооруженіяхъ. Впечатлѣніе, производимое на душу этою олицетворившеюся въ нихъ силою, до того неотразимо, что ему невольно подчиняется созерцатель, на какой бы степени развитія ни стоялъ онъ, каково бы ни было его внутреннее настроеніе. Присоединивъ къ этому особенную таинственность, которою дышатъ полумракъ храмовъ и ихъ стѣны, покрытыя іероглифами и эмблемами, легко понять, почему монументы давно отжившаго культа продолжаютъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ на умъ и чувства людей даже—другаго времени, новой религіи и чуждыхъ націй ¹⁾).

Если храмы востока дѣйствовали на душу своею вѣковѣчностью, силою и таинственностію,—храмы древней Греціи дѣйствовали *красотою*. Легкость архитектурныхъ формъ, въ соединеніи съ врожденнымъ ея населенію эстетическимъ вкусомъ, развитымъ наукою, съ одной стороны,—съ другой характеръ политеизма, предоставившаго свободу поэтическому вдохновенію художника, дали возможность классическому искусству довести до возможнаго совершенства изящную сторону

1) См. рассказы путешественниковъ.

своихъ религіозно-архитектурныхъ произведеній, и подчинить ее затѣмъ опредѣленнымъ правиламъ, перешедшимъ въ законы прекраснаго въ архитектурѣ, также обязательные для художника—зодчаго нашего времени, какъ были обязательны они для грека.

Въ греческихъ храмахъ можно различать красоту тринаго рода: метафизическую, моральную и физическую. Первая давалась соблюденіемъ общихъ, метафизическихъ законовъ изящнаго въ архитектурѣ, извѣстныхъ подъ именемъ *симметріи и евріоміи*. Симметрія, по опредѣленію древнихъ, состоитъ въ соразмѣрности частей, взятыхъ отдѣльно, между собою и въ отношеніи къ цѣлому зданію. Евріомія дается прелестью и гармонією впечатлѣнія, производимаго цѣлостностію зданія, котораго различныя частности и украшенія, равно какъ и размѣры, взаимно приспособленные, легко схватываются остановившимся на зданіи взглядомъ. Эти два закона примѣнялись одинаково ко всякаго рода сооруженіямъ: несоблюденіе ихъ равно оскорбляло вкусъ, каково бы ни было назначеніе зданія. Въ храмахъ къ этому присоединялась своего рода и красота моральная. Она состояла въ особенныхъ оттѣнкахъ, придаваемыхъ тому или другому храму соотвѣтственно характеру боговъ, которымъ они посвящались. Различные ордена преимущественно служили у грековъ и римлянъ для этой цѣли. Такъ храмы Юпитера и боговъ небесныхъ, къ сооруженію которыхъ прилагался орденъ дорійскій, поражали входившаго въ нихъ силою, могуществомъ, строгостію и величіемъ. Храмы Венеры, Флоры, Прозерпины и нимфъ источниковъ, обыкновенно принадлежавшіе къ ордену коринтскому, отличались роскошью, заманчивою прелестью, и какъ бы смѣющимся видомъ, и т. д. Это искусство—отражать на храмахъ характеристическія свойства боговъ, обитателей ихъ, называлось у грековъ—*εματιζμός*. Красота физическая условливалась драгоцѣнностію матеріала,

которымъ обыкновенно былъ лучшаго цвѣта и достоинства мраморъ, а если употреблялся кирпичъ, то—раскрашенный подъ мраморъ, и т. д.

Съ этихъ сторонъ разсматриваемая, красота греческихъ храмовъ поразительна. Но чтобы открыть ее необходимъ развитый и опытный вкусъ и долгое, внимательное изученіе памятника. На обыкновенную толпу эти сравнительно-миниатюрныя зданія, отличающіяся развѣ блескомъ матеріала, не производятъ сколько нибудь сильнаго впечатлѣнія. Образованный путешественникъ нашего времени съ изумленіемъ останавливается передъ ними, и архитекторъ изучаетъ по нимъ искусство идеализировать мертвую матерію; но толпа проходитъ мимо нихъ равнодушно, помогая развѣ времени развѣдать ихъ драгоценныя остатки.

Душѣ христіанина все должно говорить о Богѣ: «и Его творенія, и перевороты природы, и молнія, и громъ, и неизмѣримое пространство небесъ». Никакой памятникъ не произведетъ на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ пустынные горы и долины Палестины, на камняхъ и пескѣ которыхъ, кажется ему, остались еще слѣды ходившаго, молившагося и страдавшаго тамъ за спасеніе его Господа. Какъ ни бѣдны были гробы мучениковъ, умиравшихъ за вѣру во времена гоненій, для христіанскаго сердца они были дороже самыхъ роскошныхъ саркофаговъ. Самый простой домъ, служившій мѣстомъ собраній церковныхъ, былъ для него святѣе всякихъ храмовъ: потому что въ немъ дѣйствительно присутствовалъ Богъ,—присутствовалъ не грознымъ могуществомъ Своимъ, не ужасающею неприступностію величія Своего, а неизмѣримою любовію, объединявшею праведнаго и грѣшнаго, сильнаго и слабаго, счастливаго и страдальца въ одной семьѣ, въ одномъ таинственномъ общеніи съ Нимъ. Но и христіанинъ все же—

человѣкъ. Тревоги жизни общественной существуютъ и для него со всею назойливостью, со всею суетливо-развлекающею своею силою. Краснорѣчива для него природа: тѣмъ не менѣе онъ нуждается въ намекахъ—прислушиваться въ данное время и въ данномъ мѣстѣ къ ея голосу. Святы для него мѣста, соединенныя съ извѣстными историческими воспоминаніями: но часто и такія мѣста нуждаются для него въ краснорѣчивыхъ отмѣткахъ. Много дорогихъ для сердца мыслей и чувствъ соединено для христіанина съ церковію: тамъ онъ возродился въ св. крещеніи, тамъ слышалъ живое слово Бога, тамъ у брачнаго аналоя благословлялся его семейный союзъ, туда онъ приходилъ молиться и искать утѣшенія въ огорченіяхъ жизни, тамъ наконецъ могилы его отцовъ и прадѣдовъ... Но высоко надъ кровлями домовъ должна она поднимать свою увѣнчанную крестомъ главу, чтобы напоминать ему постоянно, что заботы о душѣ должны возвышаться надъ заботами земной, трудовой жизни.—У христіанскихъ народовъ ставятся памятники вездѣ, въ поляхъ и при дорогахъ, надъ могилами и на мѣстахъ дорогихъ для христіанскаго сердца событій; въ видѣ памятниковъ воздвигаются и самыя церкви.

Само чувство народное указываетъ обыкновенно, гдѣ, въ какой мѣстности, при какой обстановкѣ внятнѣе всего слышится голосъ природы, вѣщающій о Богѣ, вызывающій на размышленіе о Немъ, на молитву. Простой навѣсъ надъ колодецъ, увѣнчанный крестомъ, часовня съ помѣщеннымъ внутри ея святымъ образомъ,—совершенно достаточныя памятники для такихъ мѣстностей. Искусство, въ подобныхъ случаяхъ, должно какъ можно больше предоставлять говорить самой природѣ.

Часовни часто—вполнѣ достаточныя памятники и для мѣстностей, ознаменованныхъ какими либо дорогими для народа событіями. Воспоминанія объ этихъ событіяхъ обыкно-

венно говорить народному сердцу сами за себя. Но памятникъ долженъ навести на эти воспоминанія. Искусство украшаетъ его изображеніями, имѣющими отношеніе къ событію, и самой внѣшности зданія придаетъ характеръ, соотвѣтствующій грустному или торжественному характеру воспоминаній.

Но значительно болѣе художественнаго такта требуется при сооружеіи церквей. Высокое, священное назначеніе этихъ зданій должно отражаться какъ на внутреннемъ устройствѣ и украшеніяхъ ихъ, такъ и на самыхъ внѣшнихъ ихъ формахъ. Церковь и по своему наружному виду должна отличаться и отъ дворца, и отъ театра, и отъ всякаго другаго общественнаго и частнаго зданія, имѣющаго иное, чѣмъ церковь, назначеніе. Тѣмъ болѣе внутреннее ея расположеніе и украшенія не должны напоминать ничего, что возвращало бы мысли и чувства человѣка въ обыденный кругъ жизни. Съ другой стороны церковь, какъ памятникъ, должна одинаково говорить уму и сердцу какъ простолюдина, такъ и образованнаго, какъ человѣка съ простымъ смысломъ и непосредственнымъ чувствомъ, такъ и человѣка, котораго умъ и вкусъ развиты наукою. Искусство въ этомъ отношеніи должно сообразоваться съ духомъ христіанства, для котораго равны всѣ люди, къ какому бы общественному слою ни принадлежали, на какой бы степени умственнаго и нравственнаго развитія ни находились они. Само собою разумѣется, что нравственная внушительность искусства должна быть при этомъ совершенно въ духѣ тѣхъ обѣтовъ и воспоминаній, которые соединены съ представленіемъ о церкви для всякаго христіанина. Различные архитектурные стили представляютъ собою различные опыты удовлетворенія подобнымъ требованіямъ относительно художественной стороны монументовъ христіанскихъ.

Стиль византійскій, представляющій собою образецъ примѣненія базилики къ потребностямъ богослуженія христіанскаго и соединенія въ сооруженіи и украшеніяхъ церковей восточнаго вкуса съ классическимъ, приспособительно къ нравственному характеру христіанства, былъ первымъ и лучшимъ опытомъ этого рода. Массивная прочность, въ соединеніи съ громадною высотой, налагаетъ на сооруженія этого стиля печать вѣковѣчности, важности, силы и величія. Впечатлѣніе, производимое этою стороною византійскаго искусства, дѣйствуетъ на душу человѣка независимо отъ его умственнаго и нравственнаго развитія, и соотвѣтствуетъ вполне вѣковѣчному, важному и величественному характеру христіанства и строгости обѣтовъ, принимаемыхъ христіаниномъ у порога и алтаря церковнаго. Купольное устройство византійскихъ церковей, объединяющее всѣ части ихъ вокругъ опредѣленнаго центра, придаетъ имъ характеръ ученыхъ сооружений и красоту такого же рода, какою отличались сооруженія классическія. Только красота эта, отгѣненная смѣлыми и блестящими чертами восточнаго искусства, не нуждается для своего открытія въ глубокомъ изученіи, а чувствуется съ перваго же раза какъ образованнымъ, такъ и простолюдиномъ. До какой степени поразительна была въ свое время красота константинопольскаго софійскаго храма даже для непосредственнаго чувства полупатріархальныхъ народовъ, можно судить по тому впечатлѣнію, какое произвелъ онъ нѣкогда на нашихъ предковъ. Послы св. Владиміра, ходившіе по разнымъ странамъ для испытанія вѣръ, такъ говорили объ этомъ: «пріидохомъ въ греки, и ведоша ны, пдѣже служатъ Богу своему, и не вѣмы, на небѣ ли были есьмы; нѣсть бо на земли такого вида, ни красоты таковыя; и недоумѣваемъ сказати, токмо вѣмы, яко всюду Богъ со человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо

не можемъ забыть красоты тоя: всякъ человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не приѣмлетъ»... Ни одинъ изъ храмовъ другихъ христіанскихъ стилей не можетъ указать на подобное торжество святаго искусства надъ грубыми умами и чувствами варваровъ язычниковъ, — торжество, имѣвшее значительное вліяніе на обращеніе въ христіанство цѣлаго, многочисленнаго народа.

Изъ стилей западныхъ только стиль готическій заслуживаетъ серьезнаго вниманія по своеобразности производимаго имъ впечатлѣнія. Не смотря на давній упадокъ этого стиля, онъ находитъ особенно въ последнее время многихъ горячихъ защитниковъ, именно — благодаря этому впечатлѣнію, располагающему къ религіозному энтузіазму и самосозерпанію. Дѣйствительно, эти одна изъ другой возникающія, одна надъ другой возвышающіяся и, какъ стрѣлы, уходящія въ небо массы поражаютъ воображеніе и изумляютъ своею смѣлостью умъ. Братья — свободные каменьщики, облакавшіе таинственностію происхожденіе и существованіе своей общины, успѣли придать нѣкоторую таинственность и внутренности построенныхъ ими церквей, отличающейся стрѣльчатыми сводами и полумракомъ, сообщаемымъ цвѣтными стеклами въ узкихъ и высокихъ окнахъ. Но отразивъ во всемъ этомъ фантастическій характеръ восточнаго искусства, готическій стиль не усвоилъ его другихъ, положительныхъ достоинствъ; еще болѣе отрицательно отнесся онъ къ общепринятымъ законамъ архитектурнаго искусства. Готическія церкви много говорятъ воображенію, но мало — уму и чувству. Массивность безъ соблюденія законовъ прочности, отсутствіе системы въ пропорціяхъ, полный произволъ и своеправіе какъ въ изобрѣтеніи, такъ и въ употребленіи различныхъ украшеній, не выражающихъ никакой опредѣленной и ясно дающей сознать себя мысли, — все это, оскорбляя вкусъ,

не даетъ никакого опредѣленнаго направленія ни уму, ни чувству. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ готической стиль могъ поддерживать отчасти религіозную восторженность народа, жившаго преимущественно воображеніемъ; но съ перемѣною условій жизни односторонность производимаго имъ впечатлѣнія, сдѣлавшись слишкомъ опутительною, подготовила замѣну его на западѣ стилемъ возрожденія.

Стиль возрожденія, насколько приближается къ византійскому, производитъ и близкое къ послѣдному впечатлѣніе. Но обыкновенная расточительность фасадныхъ и другихъ архитектурныхъ украшеній, занятыхъ цѣликомъ отъ орденовъ классическихкихъ, не только развлекаетъ и утомляетъ глазъ наблюдателя, но часто сообщаетъ церквамъ видъ храмовъ роскоши и наслажденія, не соответствующій строгому и важному характеру соединенныхъ съ церковію представленій. Само собою разумѣется, что стиль этотъ еще менѣе удовлетворителенъ, когда обращаетъ христіанскія церкви въ древніе храмы, отличающіеся отъ языческихъ только увѣнчивающими ихъ крестами, или сближаетъ ихъ по формамъ съ обыкновенными общественными и частными зданіями, для которыхъ въ настоящее время принятъ повсемѣстно стиль классическій же.

По характеру впечатлѣнія стиль русскій приближается къ византійскому. Къ важнымъ и строгимъ общимъ византійскимъ формамъ, стиль этотъ присоединяетъ только подробности и украшенія архитектурныя чисто—въ народномъ вкусѣ. Русскія церкви получаютъ вслѣдствіе этого мѣстный, національный оттѣнокъ. Но въ архитектурѣ, какъ и во всякомъ искусствѣ, нужно отличать красоту безотносительную и относи-

тельную. Последняя обуславливается особенностями мѣста, времени и вкуса народнаго. Искусство не можетъ пренебрегать красотой этого рода если хочетъ имѣть жизненное вліяніе въ данной мѣстности, въ данное время и на извѣстный народъ. Само христіанство, чтобы быть понятнымъ, говорить каждому народу на родномъ его сердцу языкѣ.

II.

Что осталось отъ древней кievской церкви

Спаса на Берестовѣ? 1)

Четыре года назадъ въ Кіевѣ распространились слухи, что въ одной изъ старинныхъ мѣстныхъ церквей, именно— въ церкви Спасской, находящейся внутри землянаго вала, окружающаго Печерскую лавру, открыты фрески, относящiеся ко времени св. Владимiра или по крайней мѣрѣ —Ярослава. Слухи эти были подтверждены вышедшею въ то время брошюрою, подъ заглавiемъ: *Церковь Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ, бывшая придворною Св. великаго князя Владимiра, древнѣйшая въсѣхъ нынѣ существующихъ въ Россiи церквей* и повторены нѣкоторыми столичными газетами и журналами. Скоро затѣмъ начатыя работы по возстановленiю уцѣлѣвшей въ этой церкви подъ слоями новой живописи, живописи болѣе древней поддерживали первоначальные толки, и большинство почитателей древней святыни кievской до сихъ поръ остается въ увѣренности, что скоро увидитъ церковь Спаса на Берестовѣ въ томъ же самомъ благолѣшии, въ какомъ будтобы существовала она при св. Владимiрѣ или по крайней мѣрѣ Ярославѣ.

Главныя работы по возобновленiю этой церкви дѣйстви- тельно приближаются къ концу. Все, что трудолюбивые воз-

1) Было напечатано въ журн. „Труды Кіевской д. академiи“ 1867 г. м. июль.

становители старины успѣли вывести на свѣтъ изъ-подъ слоевъ пыли, копоти и красокъ, наложенныхъ на стѣны церкви временемъ или рукою человѣка, уже можетъ подлежать изученію любителей древности. Наступаетъ поэтому время для болѣе основательнаго опредѣленія, какое мѣсто между памятниками древней святыни кievской должна занять церковь Спаса на Берестовѣ въ ея возстановленномъ видѣ.

Историческія данныя, которыми можно бы воспользоваться для этой цѣли, довольно скудны. Подъ 1072 годомъ лѣтопись въ первый разъ упоминаетъ объ игуменѣ святаго Спаса. *принесоша святая страстотерпица Бориса и Глѣба. Совекупившеся Ярославичи.... Митрополитъ Георгій, епископъ]Петръ... Феодосій игуменъ печерскій, Соброній святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса.* Можно полагать, что этотъ Германъ былъ и основателемъ монастыря св. Спаса, и что послѣдній упоминается подъ 1096 годомъ подъ именемъ *Германеча*, занятымъ, очевидно, отъ имени основателя ¹⁾). Въ 1096 году монастырь этотъ, еще деревянной постройки, былъ выжженъ половцами. Въ XII вѣкѣ монастырь св. Спаса на Берестовѣ упоминается уже чаще, и дѣлается особенно извѣстнымъ по случаю погребенія въ немъ членовъ семейства Владиміра Мономаха. Такъ въ немъ погребены дочери Мономаха Евфимія и Софія, сынъ Юрій Владиміровичъ и внукъ Глѣбъ Юрьевичъ. Изъ игуменовъ этого монастыря въ XII вѣкѣ упоминается Лука, въ XIII в. Петръ Акеровичъ. Какія бѣдствія обрушились на этотъ монастырь во время татарскаго разгрома, мы не имѣемъ никакихъ сказаній; но что судьба его была одинакова со всѣми другими кievскими монастырями, видно изъ того,

1) Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что здѣсь же рядомъ съ нимъ стоитъ въ лѣтописи и монастырь *Стефанеча*, названный такъ по имени строителя его Стефана Кловскаго.

что на его мѣстѣ въ 1638 году оставались однѣ развалины великой церкви Преображенія Господня. Описывая положеніе различныхъ церквей и монастырей кievскихъ по отношенію къ печерской лаврѣ, Кальнофойскій въ своей Тератургимѣ говорить, между прочимъ: *между западомъ и сѣверомъ (отъ Лавры) проходитъ дорога чрезъ уголъ спасскій, то есть мимо великой церкви Преображенія Господня, которую св. Владиміръ каменную создалъ, но едва стѣны оной нынѣ остались, а развалины землю покрыты. Окрестность ея принадлежитъ къ тойже церкви.* Въ 1640 годахъ эта церковь была возобновлена митрополитомъ кievскимъ Петромъ Могилою, какъ это видно изъ его духовнаго завѣщанія. Затѣмъ по церковнымъ документамъ извѣстно, что въ 1831 году къ Спасской церкви, имѣвшей уже настоящей видъ, пристроена съ западной стороны колокольня.

Но недостаточность историческихъ данныхъ въ подобныхъ случаяхъ всегда болѣе или менѣе восполняется данными археологическими, и изученію памятника съ археологической его стороны долженъ принадлежать, по нашему мнѣнію, окончательный приговоръ о немъ. Разматриваемая съ этой стороны, Спасская церковь сама представляетъ въ себѣ живое воплощеніе своей исторіи, которую нужно только умѣть прочесть. Отечественная археологія наша едва начинаетъ разрабатываться. Время серьезнаго научнаго изученія русскихъ древностей еще въ будущемъ. Мы ограничимся только такими выводами касательно Спасской церкви, которые даются самымъ бѣглымъ обзоромъ ея, для оправданія которыхъ достаточно самыхъ простыхъ соображеній.

Въ настоящее время церковь имѣетъ видъ креста, котораго восточный и западный концы—многогранные, сѣверный и южный—прямоугольные. Къ западному концу пристроена колокольня. Надъ срединою церкви надстроенъ деревянный кровельный куполь;

кровля надъ каждымъ концомъ креста также имѣетъ видъ купола, такъ что вся церковь вмѣстѣ съ колокольнею имѣетъ шесть верховъ. При самомъ бѣгломъ обзорѣ наружности перкви нельзя не замѣтить, что сооруженіе различныхъ частей всей совокупности зданія относится, по крайней мѣрѣ, къ четыремъ различнымъ эпохамъ. Колокольня построена въ стилѣ возрожденія, и если бы не существовало положительныхъ документовъ о времени постройки ея, ни въ какомъ случаѣ не могла бы быть отнесена ко времени раншему текущаго столѣтія. Западный конецъ креста носитъ черты болѣе древняго сооруженія; но также, судя по формѣ оконъ, сооруженіе его не можетъ быть отнесено далѣе прошлаго вѣка. Восточный конецъ креста, вмѣщающій главный алтарь, равно какъ и небольшія одинаковой съ нимъ формы пристройки къ нему по сторонамъ, въ видѣ меньшихъ алтарей, своими узкими и относительно высокими, завершающимися огивою (дугою, составленною изъ двухъ взаимно пересѣкающихся дугъ) окнами, напоминаютъ семнадцатый вѣкъ—время, когда въ Кіевѣ особенно сильно почувствовалось вліяніе католическаго запада и появилась первая постройка въ готическомъ вкусѣ, принадлежавшая ордену доминиканцевъ—церковь Петропавловская на Подолѣ (построена около 1640 года). Сѣверный и южный конецъ креста отличаются отъ остальныхъ частей зданія еще болѣе рѣзкими особенностями. Широкія и соразмѣрной высоты замурованныя окна ихъ, завершающіяся цинтромъ (дугою, равною полукругу), своею формою напоминаютъ окна алтарной стѣны Софійскаго собора, отличаясь отъ послѣднихъ только большими размѣрами. Угловыя выставки стѣнъ ихъ украшены въ рельефѣ крестами, между которыми кресты равноконечной формы видимо относятся къ глубокой древности. Вся конструкція ихъ, почти до карниза (который ясно—позднѣйшаго происхожденія), указы-

ваетъ на работу византійскихъ зодчихъ, которымъ Кіевъ обязанъ своими древнѣйшими памятниками.

Обозрѣніе внутренности церкви приводитъ къ такимъ же заключеніямъ. Не говоримъ уже о западномъ концѣ креста, который служитъ въ настоящее время церковнымъ притворомъ: для доказательства позднѣйшей пристройки его достаточно указать на глубокія просвѣчивающія трещины въ мѣстахъ соединенія стѣнъ его съ стѣнами средняго отдѣленія церкви и на окна, выходящія сюда изъ этого средняго отдѣленія, указывающія ясно, что въ первоначальномъ планѣ постройки этого притвора не предполагалось. Низкіе, тяжелые, стрѣльчатые своды главнаго алтаря, вполне отвѣчающіе формѣ оконъ, могли бы быть отнесены къ XIII или XIV вѣку на западѣ Европы, гдѣ подобная постройка была въ то время почти повсемѣстною, но не въ Кіевѣ, гдѣ могла она появиться только какъ позднѣйшее подражаніе. Неправильность размѣровъ и грубая постройка меньшихъ алтарей, современныхъ однакоже главному, подтверждаетъ тоже самое. Но относительно—глубокая древность середины церкви, равно какъ и теперешнихъ сѣвернаго и южнаго придѣловъ ея (исключая алтарь) столько же даетъ замѣтить себя изнутри, какъ и снаружи. Средину церкви составляетъ продолговатая отъ сѣвера къ югу, небольшая, но высокая зала съ коробовымъ сводомъ, сообщающаяся пролетами аркъ къ востоку—съ алтаремъ, къ сѣверу и югу—съ придѣлами. Древность этой залы, кромѣ строгой соразмѣрности въ ея конструкціи, доказывается ясно остатками древняго карниза въ сѣверной стѣнѣ ея, - карниза изъ такого же краснаго шифера, какъ и карнизы Софійскаго собора. Такой же карнизъ уцѣлѣлъ по мѣстамъ и въ сѣверномъ придѣлѣ, имѣющемъ квадратную форму, соответствующую широтѣ (измѣренію отъ востока къ западу) средней залы. Южный придѣлъ, имѣющій снаружи квадратное основаніе, внутри имѣетъ видъ круглой башни, под-

нимающейся выше свода средней залы и завершенной въ позднѣйшее время, именно—современно постройкѣ главнаго алтаря: потому что стрѣлки, приложенныя къ коническому своду ея—ясное подражаніе своду этого алтаря. Но одновременность постройки стѣнъ этого придѣла съ серединою церкви не подлежитъ сомнѣнію: потому что постройка обѣихъ частей, очевидно, сплошная.

Кладка различныхъ частей церкви также различна, какъ и архитектурныя ихъ формы. Глубже всего лежитъ фундаментъ средней части церкви съ придѣлами; нѣсколько выше фундаментъ алтаря, и еще выше фундаментъ притвора и колокольни. Притворъ, какъ и колокольня, сложенъ изъ обыкновенныхъ кирпичей съ обыкновенною известью. Алтарь изъ большихъ почти квадратной формы толстыхъ кирпичей, но также съ обыкновенною известью. Въ постройку средней части и придѣловъ употребленъ такой же кирпичъ, какъ и въ постройку алтаря ¹⁾; но кирпичъ этотъ переложень значительной величины камнями и скрѣплялся цементомъ изъ раковистой извести съ толченымъ кирпичемъ, получившимъ отъ времени твердость камня. Употребленіе кирпича, отличнаго отъ кирпича, входившаго въ постройку софійскаго собора и древней церкви св. Ирины, заставляеть относить постройку означенныхъ частей Спасской церкви къ болѣе позднему времени, чѣмъ постройка Софійскаго собора и церкви св. Ирины,—все же, судя по греческому цементу, она не можетъ быть позднѣе XII вѣка, когда греческіе зодчіе еще могли имѣть доступъ въ Кіевъ.

Отдѣливъ на основаніи этихъ данныхъ древнѣйшую постройку отъ пристроекъ позднѣйшихъ, легко опредѣлить, какую часть древней церкви Спаса на Берестовѣ составляла средина

1) Кирпичъ имѣетъ въ длину 8 вершковъ, въ ширину $6\frac{1}{2}$ и толщину $1\frac{1}{4}$ вершка

теперешней Спасской церкви съ боковыми ея придѣлами. Для этой цѣли достаточно самаго общаго знакомства съ планами древнихъ византійскихъ церквей даже по тѣмъ ихъ образцамъ, какіе сохранились въ Кіевѣ. Планъ этихъ церквей всегда квадратный, или приближающійся къ квадрату. Продольными линиями отъ востока къ западу и поперечными отъ сѣвера къ югу онъ дѣлится обыкновенно на девять частей, по три въ ряду, имѣющихъ каждая въ системѣ сооруженія свое назначеніе. Въ восточномъ ряду средину занимаетъ главный алтарь, боковыя отдѣленія—жертвенникъ и діаконикъ. Всѣ эти три части имѣютъ видъ абсидовъ (полукруглое основаніе со сводомъ въ видѣ хлѣбной печи). Средній рядъ составляетъ собственно церковь. Внутреннее отдѣленіе, завершавшееся обыкновенно куполомъ, составляло средину церкви, съ амвонами для чтенія и пѣнія. Боковыя отдѣленія этого ряда, съ устроившимися надъ ними хорами, назначались для народа. Западный рядъ служилъ притворомъ, чрезъ который входили въ церковь и откуда были ходы на хоры.—Эта западная часть, состоящая изъ трехъ отдѣленій, и уцѣлѣла отъ древней Спасской церкви.

Западные стѣны теперешнихъ придѣловъ и средней части церкви тянутся по одной прямой линіи, и очевидно представляютъ одну сплошную стѣну. Кромѣ оконъ древняго византійскаго стиля, выходящихъ изъ средины церкви въ теперешній притворъ ея, оконъ уже замѣченныхъ нами, деревянный сводъ этого притвора закрываетъ еще цѣлый рядъ византійскихъ же оконъ, тянувшихся на одной высотѣ съ верхними окнами придѣловъ и украшавшихъ ясно, западную лицевую сторону древней церкви. Затѣмъ самыя измѣренія этихъ трехъ отдѣленій такого рода, что могли соответствовать только передней части древней церкви. Средняя зала отъ востока къ западу всего

шесть аршинъ, между тѣмъ какъ отъ сѣвера къ югу одиннадцатъ. Сѣверное отдѣленіе квадратное въ шесть же аршинъ; южное около семи аршинъ въ поперечникѣ. Подобныхъ размѣровъ византійскіе зодчіе не давали другимъ частямъ церкви, кромѣ притвора. Наконецъ нѣкоторыя особенности въ конструкціи этой части церкви въ связи съ слѣдами другихъ, разрушенныхъ частей ея, даютъ видѣть, что она именно составляла только незначительное отдѣленіе древней огромной церкви, охватывавшей къ востоку несравненно большую площадь, чѣмъ какую занимаютъ теперешніе алтари.

Немного нужно соображенія, чтобы понять древнее назначеніе теперешняго южнаго придѣла. При снятіи пола въ центрѣ этой круглой башни открыто основаніе столба, поднимавшагося, очевидно, къ древнимъ сводамъ ея и поддерживавшаго вившуюся вокругъ него лѣстницу. Но и независимо отъ этого открытія, небольшія полукруглыя ниши, постепенно возвышающіяся по внутренней стѣнѣ до самаго верха башни, даютъ ясно замѣтить, что онѣ слѣдовали за извиѣтями помѣщавшейся здѣсь нѣкогда лѣстницы. Этотъ рядъ постепенно возвышающихся нишей оканчивается подъ теперешнимъ сводомъ у восточной стороны башни. Лѣстница, безъ всякаго сомнѣнія, вела на хоры древней церкви, коворые тянулись къ востоку надъ теперешнимъ придѣльнымъ южнымъ алтаремъ. Надъ этимъ алтаремъ былъ, конечно, и ходъ на хоры, впоследствии заложенный. Слѣды этого хода, дѣйствительно, можно замѣтить и теперь, если смотрѣть на южный придѣлъ съ его наружной восточной стороны. Надъ пристроеннымъ къ этому придѣлу алтаремъ, вверху, можно ясно различить значительное углубленіе въ стѣнѣ, по размѣрамъ и формѣ своей именно соответствующее предполагаемой входной двери на хоры, завершавшейся аркою въ видѣ цинтра. При наружномъ же обзорѣ обонхъ придѣловъ

съ восточной стороны можно замѣтить и слѣды древнихъ стѣнъ, продолжавшихся отъ этихъ придѣловъ къ востоку. Поверхность придѣльныхъ стѣнъ, гладкая съ запада, сѣвера и юга, съ восточной стороны на извѣстномъ разстояніи отъ угловъ (около трехъ аршинъ) представляется крайне шероховатой, такъ однакоже, что шероховатость начинается по перпендикулярной—сверху внизъ—линіи. Такая шероховатость только и можетъ быть объяснена недостаточною отчисткою древнихъ стѣнъ церкви, соединявшихся здѣсь съ стѣнами притвора. Такъ какъ прямая линія, по которой тянулись эти стѣны къ востоку, совпадаетъ съ линіею внѣшнихъ стѣнъ придѣльныхъ алтарей, то послѣднія, по всей вѣроятности, представляютъ собою остатки первыхъ. Мы не имѣли возможности провѣрить свое предположеніе изслѣдованіемъ самой кладки этихъ алтарей; но не могли не замѣтить, что часть древняго карниза въ сѣверномъ придѣлѣ уцѣлѣла, между прочимъ, на этой стѣнѣ изнутри, а самыя стѣны не одинаковой толщины на всемъ ихъ протяженіи. Сѣуженіе стѣнъ начинается не постепенно, а сразу, оставляя значительную впадину въ нихъ, которая идетъ вверхъ не перпендикулярно, но уступами; что легко объясняется, если строители алтарей дѣлали пристройку къ готовой древней стѣнѣ

Подобныя предположенія вполне подтверждаются и видомъ полуразрушенныхъ древнихъ стѣнъ этой церкви, приложеннымъ къ описанію Кіева Кольнофойскимъ. На планѣ Кальнофойскаго великая Преображенская церковь именно занимаетъ квадратное пространство и очевидно—обширное. Чтобы привести ее до размѣровъ нынѣшней Спасской церкви, нужно было разобрать много остатковъ ея древнихъ полуразрушившихся стѣнъ.

Сопоставивъ всѣ эти данныя съ данными историческими, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) древняя цер-

ковь Спаса на Берестовѣ, принадлежавшая монастырю, основанному во второй половинѣ XI столѣтія, построена была византійскими зодчими въ первой половинѣ XII вѣка, и можетъ быть, именно—усердіемъ Владиміра Мономаха, желавшаго имѣть въ ней усыпальницу для своего семейства; б) церковь эта имѣла очень значительные размѣры, по направленію отъ середины теперешней Спасской церкви къ востоку; в) во время татарскаго нашествія своды, а можетъ быть и куполы середины церкви и своды алтарей были разрушены, и церковь оставалась въ развалинахъ около двухъ столѣтій; г) Петръ Могила засталъ сравнительно болѣе уцѣлѣвшимъ только притворъ древней церкви, и, разобравъ остальные части ея, исправилъ этотъ притворъ и пристроилъ къ нему алтари изъ древняго кирпича; д) наконецъ, въ прошломъ столѣтіи къ этой возобновленной церкви пристроенъ новый притворъ, а въ 1813 году колокольня.

Не мы первые приходимъ къ заключенію, что отъ древней церкви Спаса на Берестовѣ осталась только середина теперешней, во всю широту ея съ придѣлами, а алтари послѣдней складены Петромъ Могилою изъ кирпичей, взятыхъ изъ развалинъ древней. Подобное мнѣніе высказано еще Самойловымъ (въ книжкѣ подъ заглавіемъ: *Кіевъ въ началѣ своего существованія, блескъ, слава, величіи* и проч. Москва 1834), и въ обзорѣнн Кіева, изданномъ Фундуклеемъ. Мнѣніе это имѣло за собою такія наглядныя основанія, что развитая въ вышеприведенной, вышедшей четыре года назадъ, брошюрѣ мысль, будто древняя церковь Спаса на Берестовѣ уцѣлѣла до нашего времени вполнѣ, была крайне неожиданною, и оправдывалась для многихъ только слухами объ открытіи въ нынѣшней Спасской церкви фресковъ времени св. Владиміра или Ярослава, покрывающихъ даже стѣны и своды алтаря. Но слухи эти, очевидно, возникли вслѣдствіе какого либо недоразумѣнія.

Если въ теперешней Спасской церкви и могли уцѣлѣть древніе фрески, то не иначе, какъ въ средней ея части и въ сѣверномъ придѣлѣ, притворѣ древней церкви. Но въ сѣверномъ придѣлѣ до сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ древней живописи. Въ средней части найдена старая живопись, но живопись эта такъ разнообразна, съ такою роскошью покрываетъ ея стѣны, сводъ и арки, что совершенно неумѣстна была въ древнемъ притворѣ, и могла появиться только въ то время, когда притворъ былъ обращенъ въ самую церковь. По содержанію своему она служитъ продолженіемъ живописи покрывающей своды и стѣны алтаря, и ясно принадлежитъ съ послѣднею одной и той же кисти, одному и тому же времени. Кисть эта, дѣйствительно—искусная и твердая, слишкомъ однакоже цвѣтиста для фресковъ, очень замысловата по сюжетамъ для древняго византійскаго художника, вноситъ въ положенія лицъ слишкомъ много движенія, и въ картинахъ даже— историческаго содержанія пользуется такою свободою изобрѣтенія, какой не могъ дозволить себѣ древній живописецъ-грекъ. Вліяніе на нее западнаго искусства отражается на всемъ такъ наглядно, что не замѣтить его невозможно при первомъ взглядѣ на любую картину. Въ изображеніи благовѣщенія, на примѣръ, находящемся въ верхней части восточной стѣны алтаря, между Богоматерію и ангеломъ видѣнъ посрединѣ столикъ съ кувшинчикомъ живыхъ цвѣтовъ, отличающихся особенною яркостью. Направо оттуда, на картинѣ рождества Христова, видна между прочимъ и повивальная бабка въ платьѣ съ короткими рукавами, пробующая рукою, достаточно ли тепла вода въ купели, въ которой хочетъ она купать дитя, сидящее на ея колѣнахъ. Тамже видны и пастыри, удостоившіеся первыми услышать отъ ангела благовѣстіе о рожденіи Спасителя: чтобы дать вѣрнѣе распознать ихъ, живописецъ

не ограничился помѣщеніемъ при нихъ стада, но и далъ имъ самимъ круглыя пастушьи шляпы.— Не говоримъ уже о картинѣ преображенія Господня, гдѣ живописецъ заставляеть пришедшихъ въ ужасъ апостоловъ, свидѣтелей чуда, падать съ горы въ такихъ неловкихъ положеніяхъ, какихъ не дозволила бы себѣ придать имъ кисть древняго византійскаго художника, соблюдающая въ подобныхъ случаяхъ благородную простоту и важность, и которыя прямо противорѣчатъ извѣстному отзыву самихъ же апостоловъ: *добро намъ здѣ быти...* Время, къ которому относится вся эта живопись, ясно опредѣляется картиною, находящеюся въ средней части церкви надъ аркою, ведущею въ алтарь. Изображеніе представляетъ Спасителя въ первосвященническомъ облаченіи сидящимъ на тронѣ, а передъ Нимъ преклоненнаго Петра Могила, подносящаго Христу возобновленную имъ церковь. Картина эта принадлежитъ одной кисти и одному времени со всѣми другими.

Впрочемъ, если почитатели древней святыни кіевской и обманутся, какъ и слѣдовало ожидать, въ своихъ надеждахъ видѣть древнюю церковь Спаса на Берестовѣ въ ея первоначальномъ благолѣпін: тѣмъ не менѣе они благодарны будутъ возобновителямъ этой церкви за возможность найти ее такою, какою оставилъ незабвенный возстановитель и сохранитель кіевской старины — Петръ Могила. Старинная могилянская, возобновленная нынѣ живопись ея, дѣйствительно, прекрасна во многихъ отношеніяхъ. Любители священнаго искусства во всякомъ случаѣ отдадутъ должное этому рѣдкому памятнику первой половины XVII вѣка.

III.

По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ? ¹⁾

Для возможно-всесторонняго обсужденія вопроса: какъ образовался типичный планъ церквей Суздальской области XII вѣка,—выработался-ли онъ самостоятельно, или заимствованъ съ греческаго образца, или обязанъ, наконецъ, происхожденіемъ своимъ вліянію на руское строительное искусство романскихъ зодчихъ, проникавшихъ въ рускія области чрезъ Новгородъ и Псковъ,—полагаемъ, имѣютъ важность даже и незначительныя черты подобнаго архитектурнаго типа на древнихъ церквахъ кіевскихъ. Первые монументальныя зданія въ Русской землѣ были христіанскія церкви въ Кіевѣ, и первыми строителями этихъ церквей были несомнѣнно зодчіе—Греки. Изъ Кіева уже строительное искусство распространялось первоначально по другимъ областямъ земли Русской. Судить о русской архитектурѣ XII вѣка, насколько она извѣстна по памятникамъ Суздальской области, не принимая въ соображеніе хотя нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ кіевскими памятниками того-же времени, значило-бы, по нашему мнѣнію, рисковать произнести приговоръ болѣе или менѣе односторон-

1) Мнѣніе, высказанное въ засѣданіи II отдѣленія 1-го Археологическаго сѣзда 17-го марта 1869 г. Напечатано въ „Трудахъ перваго Археологическаго сѣзда въ Москвѣ“.—Москва. 1871 г. т. I. стр. 267—271.

ній. Считаемоъ поэтому нравственною обязанностію своею по отношенію къ наукѣ изложить предъ вами, М. Г., то, что кievскія церкви представляютъ по нашимъ наблюденіямъ для уясненія даннаго вопроса.

Между кievскими церквами мы встрѣчаемоъ одну, близко подходящую къ типичному плану церковей Суздальской области XII вѣка. Это—Троицкая церковь на св. вратахъ Лавры. Планъ этой церкви имѣетъ видъ прямоугольника, приближающагося къ квадрату. Удлиненныя стороны прямоугольника идутъ по направленію отъ востока къ западу. Въ центрѣ его установлены четыре столба, соединяющіеся взаимно арками. Арки эти, съ восполняющими промежутки ихъ парусами, служатъ основаніемъ фонаря, завершающагося довольно плоскимъ куполомъ. Другими арками, идущими отъ центральныхъ-же столбовъ, столбы эти соединяются съ выступающими изъ стѣнъ внутрь церкви пилястрами, расположенными симметрически. Къ востоку церковь заканчивается тремя абсидами, изъ коихъ въ среднемъ, имѣющемъ относительно большій размѣръ, помѣщается алтарь. Сравнительно съ другими древними кievскими церквами, эта церковь не имѣетъ притвора и хоровъ, устройства которыхъ, очевидно, не допускала самая миниатюрность зданія. Наибольшая длина церкви внутри (отъ востока къ западу) около 14-ти, а широта (отъ сѣвера къ югу) около $12\frac{1}{2}$ аршинъ.

Фасадъ этой церкви съ сѣверной стороны закрытъ совершенно позднѣйшею пристройкой, съ восточной-же и западной значительно замаскированъ лѣпными украшеніями, приданными церкви, очевидно, въ недавнія времена; но съ южной стороны онъ можетъ быть наблюдаемоъ и въ настоящее время въ неподдѣльномъ первоначальномъ своемъ видѣ. Этотъ фасадъ раздѣляется пилястрами на три части и завершается

Часть южного фасада св. воротъ Киево-печерской лавры. Къ стр. 119.

тремя полукружіями, которыя образуются дугами, соединяющими верхи пилястръ. Фотографическій снимокъ съ верхней части этого фасада (такъ какъ близость построекъ не дозволяла снять полнаго фасада) мы и представляемъ благосклонному вниманію.

Всѣ вообще описанія кievскихъ древностей, упоминая о св. вратахъ лаврскихъ съ устроенною на нихъ церковью, замѣчаютъ, что врата и церковь на этомъ мѣстѣ построены въ 1106 году черниговскимъ княземъ Николю Святошею; но о тождествѣ существующаго нынѣ зданія съ построеннымъ въ началѣ XII вѣка почти всѣ выражаются двусмысленно. Въ описаніи Кіево-печерской лавры митр. Евгенія говорится: „Св. врата лаврскія отъ великой церкви въ 65 саженьяхъ къ западу, каменные; о двухъ ярусахъ. Въ верхнемъ устроена церковь во имя Св. Троицы обѣ одной главѣ, которая позлащена чрезъ огонь, а куполь ея—листовымъ золотомъ. Церковь и врата подъ нею внутри и внѣ росписаны разными священными изображеніями, поправленными въ 1825 году.

Первоначально на семь мѣстѣ Троицкая церковь построена еще съ 1106 года черниговскимъ княземъ Николю Святошею, въ печерскомъ монастырѣ постригшимся и должность привратника исправлявшимъ“. Г. Максимовичъ въ Паломникѣ Кіевскомъ отзывается о св. вратахъ такъ-же: «Св. врата. Онѣ находятся въ 65 саженьяхъ къ западу отъ соборной церкви. **Первоначально на семь мѣстѣ** устроена была въ 1106 году потомкомъ князей черниговскихъ, шнокомъ и вратаремъ лавры, Николаемъ Святошею церковь во имя Св. Троицы. При ней онъ основалъ больницу и имѣлъ врача; **въ верхнемъ ярусѣ сихъ вратъ** существуетъ и теперь церковь во имя Св. Троицы».

Въ послѣднее время первоначальнымъ неопредѣленнымъ выраженіямъ объ этой церкви стали давать характеръ болѣе

опредѣленный. Составитель книги: «Кіевъ и его святыня» говорить на примѣръ: «Первыя Св. врата лавры, съ тѣмъ-же храмомъ (т. е. Св. Троицы), устроены были еще въ 1106 году блаженнымъ вратаремъ ихъ, правнукомъ великаго Ярослава, княземъ черниговскимъ Николю, прозваннымъ Святошею за свое благочестіе».

Изъ взаимнаго слѣченія всѣхъ вообще отзывовъ о церкви нельзя не замѣтить, что разъ высказанное митр. Евгеніемъ мнѣніе только повторяется съ разными варьяціями у послѣдующихъ описателей кіевскихъ древностей. Отзывъ-же митр. Евгенія, очевидно, основанъ на слѣдующемъ мѣстѣ Синописа, приводимомъ имъ въ описаніи Кіево—печерской Лавры по изданію 1823 года: «Самый монастырь окрестъ каменными стѣнами обведенъ бысть на два стрѣльбища; въ толстоту же или въ широту каменна стѣна бѣше на сажень, и врата каменныя-же, идѣже нынѣ церковь Троицы Пресвятыя, бяху двои: едними входяху царіе, князіе и чинъ духовный, а вторыми народъ общій, и мертвыхъ къ погребенію ношаху.» Кромѣ того, основаніемъ для такого приговора митр. Евгенію могла служить и копія съ плана Кальнофойскаго, по которой онъ вѣроятно самъ ознакомился съ видомъ этой церкви у Кальнофойскаго и которую приложилъ онъ къ описанію Лавры. На этой копіи видъ св. воротъ съ церковью, дѣйствительно, не имѣетъ ничего общаго съ зданіемъ нынѣ существующимъ, кромѣ мѣстоположенія относительно къ великой церкви и другимъ строеніямъ Лавры. Но приводимое митр. Евгеніемъ мѣсто изъ Синописа 1823 года, въ Синописѣ 1678 года (стр. 83.) читается такъ: «Самый монастырь окрестъ каменными стѣнами обведенъ бысть на два стрѣльбища; въ толстоту-же или въ широту каменна стѣна бѣше на сажень и врата каменныя-же, идѣже нынѣ Троицы Пресвятыя,

бяху двоим: единими вхождаху царіе, князіе и чинъ духовный, а вторыми народъ общій, и мертвыхъ къ погребенію ношаху.» Выраженіе **идѣже нынѣ**, дѣйствительно, отличаетъ существующее на лицо отъ бывшаго на томъ-же мѣстѣ прежде; но оно касается не церкви, о которой въ приведенныхъ нами словахъ нѣтъ и помину, а относится прямо къ вратамъ, какъ входу, при чемъ, существовавшимъ во время Гизеля однимъ вратамъ (Троицкимъ называемымъ) противопоставляются двое вратъ въ древнее время. Равнымъ образомъ и копія съ плана Кальнофойскаго, приложенная къ описанію Киевопеч. Лавры, отличается во многомъ такимъ несходствомъ съ оригиналомъ, что, сруководясь ею, можно впадать въ невинныя, но довольно грубыя ошибки. Такъ напр. церкви Спаса на Берестовѣ копія даетъ видъ зданія, вполне сохранившагося. съ огромнымъ куполомъ, завершающимъ все зданіе, и съ аттиками по сторонамъ этого купола; между тѣмъ на подлинномъ планѣ Кальнофойскаго купола вовсе невидно, а аттики скорѣе походятъ на обломы стѣнъ зданія, болѣе и болѣе разрушавшагося, какимъ и описываетъ великую Спасскую церковь Кальнофойскій. Точно также и св. вратамъ лаврскимъ копія даетъ такой фасадъ, котораго онѣ не имѣютъ вовсе на планѣ оригинальномъ. Пользуясь такою копіею и сличая обрисованное на ней зданіе съ существующимъ нынѣ, митр. Евгеній не могъ признать тождества между св. вратами, существовавшими въ его время, и тѣми, о которыхъ въ первой половинѣ XVII вѣка писалъ Кальнофойскій.

Между тѣмъ, какъ подлинный планъ Кальнофойскаго, такъ и приложенное къ нему описаніе, даютъ прямое указаніе на тождество существующихъ нынѣ св. вратъ и церкви на нихъ съ построенными на этомъ мѣстѣ первоначально. Планъ Кальнофойскаго составленъ вообще такъ неискусно,

какъ могъ составить его человѣкъ, въ первый разъ принявшійся за черченіе безъ всякаго знакомства съ дѣломъ; но въ св. вратахъ, какъ онѣ у него обозначены, все-же можно узнать зданіе существующее доселѣ, хотя въ послѣдствіи нѣсколько измѣнившее свою первоначальную форму отъ приданныхъ ему аттиковъ. Въ описаніи-же, приложенномъ къ плану подъ нумерами 19 и 20, колокольни при этой церкви и самой церкви Кальнофойскій замѣчаетъ: «Колокольня больничная при церкви каменной деревянная и въ ней лѣстница, которою восходятъ и въ самую церковь, устроенную такимъ-же фасадомъ, какъ была церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы на вратахъ Киевскихъ Златыхъ. Самая церковь св. Троицы чьимъ иждивеніемъ была построена—ниже сказано будетъ.» Ниже (подъ № 36) Кальнофойскій и говоритъ именно, что «врата и на нихъ церковь св. Троицы заложилъ князь Николай Давидовичъ Святоша и при ней основалъ больницу для больныхъ и немощныхъ монаховъ».

Кромѣ этого положительнаго свидѣтельства первой половины XVII вѣка, въ пользу дѣйствительной древности нынѣ существующаго зданія говоритъ самая кладка его, насколько она могла быть нами наблюдаема, и нѣкоторыя частности его фасада.

Кладку св. вратъ мы могли наблюдать только по обнажившейся отъ штукатурки стѣнѣ внутри келліи, устроенной на сѣверной сторонѣ вратъ подъ церковью. Кладка эта—изъ древнихъ кирпичей—плитъ на цементѣ изъ извести съ толченымъ кирпичемъ, переложенныхъ большими камнями. Такая кладка встрѣчается только въ древнихъ киевскихъ церквахъ. Кладку самой церкви провѣрить мы не имѣли возможности; но что она таковая—же, можно заключать съ полною вѣроятностію изъ того, что въ окнахъ, освѣщающихъ нынѣ цер-

ковъ, по мѣстамъ значительно выступаютъ изъ стѣнъ камни, очевидно и здѣсь употребленные вмѣстѣ съ кирпичами. Окна эти, какъ можно думать, прорубливались когда—то послѣ постройки церкви (на планѣ Кальнофойскаго онѣ уже видны), и поелику встрѣченныхъ при этомъ въ стѣнѣ камней отчистить было невозможно съ такою легкостію, съ какою отчищался кирпичъ, то концы этихъ камней и оставлены выдающимися.

Въ подробностяхъ фасада нельзя не обратить вниманія на замурованныя окна въ южной стѣнѣ церкви. Окна такого вида и формы такъ характеристичны въ церквахъ кіевскихъ, что по нимъ однимъ почти всегда безошибочно можно отличить древнѣйшую постройку отъ позднѣйшей. Такія окна можно видѣть на всѣхъ сохранившихся болѣе или менѣе кіевскихъ церквахъ XI и XII вѣка. Самое различіе размѣровъ и формы крайнихъ оконъ въ верхнемъ ряду ихъ, на южномъ фасадѣ Троицкой церкви, говоритъ въ пользу ихъ древности; разнообразіе размѣровъ и формъ въ окнахъ можно видѣть и на другихъ древнихъ церквахъ кіевскихъ.

На основаніи этихъ данныхъ мы полагаемъ, что въ Троицкой церкви на св. вратахъ Лавры Кіевъ имѣетъ церковь, по постройкѣ своей принадлежащую началу XII вѣка и удерживающую до извѣстной степени и въ настоящее время тѣ типическія архитектурныя черты, которыя отличаютъ древнія церкви Суздальской области. Для болѣе полнаго сходства съ послѣдними въ ней недостаетъ алтарныхъ выступовъ съ восточной стороны, которые соотвѣтствовали-бы внутреннимъ абсидамъ, и такой кровли, которая загибалась—бы по числу полукружій, завершающихъ трехчастный фасадъ зданія. Но отсутствіе внѣшнихъ алтарныхъ выступовъ объясняется постройкою этой церкви на вратахъ, какъ на фундаментѣ, имѣ-

ющемъ свою опредѣленную форму, отступить отъ которой въ данномъ случаѣ не позволяло самое направленіе входа отъ запада къ востоку. Что-же касается загибовъ кровли, то нѣчто подобное имъ можно видѣть еще на фасадѣ этой церкви у Кальнофойскаго. На планѣ Кальнофойскаго фасада ея завершается тремя углами, соответствующими тремъ правильнымъ загибамъ суздальскихъ церквей.

Были-ли въ Кіевѣ другія церкви такого-же именно плана и фасада, утверждать рѣшительно мы воздерживаемся, хотя считаемъ нужнымъ напомнить свидѣтельство Кальнофойскаго, что такой-же фасадъ имѣла церковь Благовѣщенія на Златыхъ воротахъ, построенныхъ Ярославомъ. Другія сохранившіяся церкви XI и XII-го вѣка отличаются планомъ болѣе сложнымъ; но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что фасады ихъ вообще также раздѣлялись на части пилястрами, которыя соединялись взаимно вверху дугами. Древнія пилястры сохранились по сѣверному, южному и западному фасаду Кирилловской церкви; видны онѣ вполнѣ на западныхъ фасадахъ Златоверхо—Михайловской и Выдубицко—Михайловской церквей. Западные фасады всѣхъ этихъ церквей дѣлятся пилястрами на три части, сѣверный и южный фасады Кирилловской—на четыре. Дуги-же, соединявшія верхи этихъ пилястръ, не могли сохраниться уже по тому самому, что не сохранились своды означенныхъ церквей, внутреннія линіи которыхъ совнѣ обозначались фасадными дугами. При всемъ томъ, на западномъ фасадѣ Златоверхо—Михайловской церкви можно еще замѣтить нижніе концы дуги, соединявшей нѣкогда между собою среднія пилястры. Уцѣлѣла одна и полная дуга на древнемъ остаткѣ южнаго фасада Выдубицко—Михайловской церкви.

IV.

Кіевская архитектура X—XII вѣка.

Рефератъ, читанный на третьемъ археологическомъ съѣздѣ по вопросамъ:

Что именно осталось отъ первоначальнаго зданія древнихъ кіевскихъ церквей: Васильевской, Софійской, Золотоверхо-Михайловской, Великой Лаврской, Выдубицко-Михайловской, Спасо-Берестовской, Троицко-Кирilloвской? Сохранилась ли и насколько сохранилась церковь св. Іоанна Предтечи, упоминаемая въ Патерику печерскомъ? Древней ли постройки, и если древней, насколько уцѣлѣли церкви—Троицкая на св. воротахъ лаврскихъ и Успенская на Подолѣ? Какія (судя по остаткамъ древнихъ кіевскихъ церквей) отличительныя черты кіевского архитектурнаго стиля X—XII вѣка? По какому плану строились кіевскія церкви того времени, какая ихъ кладка, фасадъ, формы кровельныя, орнаментация? ¹⁾).

Какъ въ археологiи вообще, такъ особенно въ монументальной исторiи нашего отечества довольно ощутительный пробѣлъ дѣлаетъ то, что доселѣ остаются неясненными отли-

¹⁾ Напечатанъ въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ“, т. I. стр. 263—282.

чительныя черты архитектурнаго стиля кіевскихъ церквей X—XII вѣка. По сказанію лѣтописей, строителями этихъ церквей были по преимуществу, если не исключительно, зодчіе—греки. Стиль, въ какомъ могли строить они, былъ конечно, ихъ отечественный, т. е. византійскій. Для исторіи этого стиля, при рѣдкости памятниковъ его изъ означеннаго періода, далеко не безразличны тѣ архитектурныя формы, какіе оставилъ онъ на церквахъ кіевскихъ. Съ другой стороны, церкви, строеныя греками въ Кіевѣ, были первыми сооруженіями этого рода въ землѣ русской. Византійская базилика, формы которой они перенесли этимъ путемъ въ наше отечество, стала прототипомъ церквей, строившихся затѣмъ по другимъ городамъ и областямъ Руси православной. Начинать съ послѣднихъ монументальную исторію нашего отечества значитъ отбрасывать отъ этой исторіи ея первую страницу, безъ которой будутъ не вполне понятны остальные.

Подобный пробѣлъ какъ въ общей, такъ и въ русской археологіи былъ бы вполне естественъ, если бы Кіевъ X—XII вѣка не оставилъ послѣ себя никакихъ памятниковъ этого рода, или оставилъ только массу развалинъ безъ опредѣленныхъ очертаній. Въ любомъ описаніи Кіева можно найти указанія на существованіе въ немъ до настоящаго времени по крайней мѣрѣ семи церквей, построенныхъ въ древній періодъ его исторіи; въ дѣйствительности же число такихъ церквей доходитъ до десяти. Правда, изъ этихъ же описаній видно, что ни одна изъ подобныхъ церквей не сохранилась до нашего времени въ своемъ первоначальномъ видѣ. Тяжелая историческая судьба Кіева, подвергшагося сперва

разгрому татарскому, а затѣмъ гнету польскому, отразилась самымъ нагляднымъ образомъ на его памятникахъ. Разоренный, лишенный населенія и политическаго значенія нашествіемъ Батыя, Кіевъ цѣлыя столѣтія представлялъ собою своего рода грамадное, но забытое кладбище, на которомъ храмы, какъ памятники прошлаго величія, ни кѣмъ не охраняемые, никѣмъ не поддерживаемые, лишенные кровель, дверей и оконъ, размывались дождемъ, разносились и заносились вѣтромъ, портились руками проходимцевъ, теряли купола и своды, обращались въ холмы щебня и развалинъ. Если разрушеніе нѣкоторыхъ, благодаря привязанности русскаго народа къ родной святынѣ и родному пепелищу, было приостановлено сравнительно болѣе или менѣе скоро; за то другіе продолжали лежать въ развалинахъ еще въ половинѣ семнадцатаго вѣка; а многіе такъ и исчезли безслѣдно. Да и самая поддержка и возстановленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, производившіяся въ виду религіозныхъ потребностей уже далеко меньшаго, чѣмъ прежде, населенія, сравнительно очень скудными средствами и во время господства въ Кіевѣ латино-польскаго вліянія, не столько служили къ сохраненію, сколько къ искаженію первоначальнаго вида древнихъ зданій. Заботились не о томъ, чтобы та или иная церковь продолжала существовать въ тѣхъ именно формахъ, съ какими создана первоначально какъ извѣстное художественное произведеніе, а о томъ лишь, чтобы была какая нибудь церковь. Только блаженной памяти Петръ Могила, заботясь о поддержаніи и возстановленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, руководился и преданіями историческими, обращавшими ихъ въ общую святыню народа русскаго. Но и у него недоставало ни матеріальныхъ, ни художественныхъ средствъ для этой цѣли. Онъ ограничивался возстановленіемъ и сохраненіемъ хоть чего-нибудь,—

угла отъ одной церкви, стѣны—отъ другой; какъ могъ, прикрывалъ ихъ, приспособлялъ къ богослуженію, лишь бы было по чему воспоминать народу вѣру отцевъ своихъ. Слѣдствіемъ всего этого было, что ни въ одной изъ древнихъ кievскихъ церквей не обошлось безъ поправокъ, надстроекъ или пристроекъ болѣе или менѣе значительныхъ, смотря потому, въ какомъ состояніи разрушенія застали ихъ первоначальныя исправленія; причемъ эти поправки, надстройки или пристройки давали имъ видъ уже вовсе не такой, какой онѣ должны бы имѣть, судя по своему первоначальному плану, конструкціи и фасаду, а какой пришлось по матеріальнымъ средствамъ и вкусамъ времени. Отъ того древнія церкви Кіева,—если и не обратились вообще въ массу развалинъ безъ опредѣленныхъ очертаній,—представляютъ собою такую смѣшанную массу архитектурныхъ формъ, изъ которыхъ выдѣлить формы дѣйствительно древнія, первоначальныя, возможно только при внимательномъ изслѣдованіи зданій.

Впрочемъ, изслѣдованіе это значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что матеріаль, изъ котораго строили древнія кievскія церкви зодчіе—греки, рѣзко отличается отъ того матеріала, какой употребляли позднѣйшіе мѣстные строители для своихъ поправокъ, надстроекъ и пристроекъ. Образчикъ матеріала построекъ греческихъ открытъ для всѣхъ въ остаткахъ знаменитыхъ «Золотыхъ воротъ» Ярослава. Всѣ раскопки, когда-либо производившіяся на мѣстахъ древнихъ кievскихъ церквей, оставшихся не возстановленными послѣ своего разрушенія въ періодъ татарскаго владычества, доказываютъ, что какъ въ постройку Золотыхъ воротъ, такъ и въ постройку означенныхъ церквей, одинаково былъ употребляемъ: а) кирпичъ, имѣвшій форму плитъ, по размѣрамъ приближавшихся къ квадрату; б) камень желѣзнякъ или красный шиферный,

частію въ видѣ необдѣланномъ, какъ внутри стѣнъ, частію въ обдѣланномъ, плитами, для карнизныхъ и другихъ украшеній, — равно и мраморъ; и наконецъ в) цементъ, въ видѣ кирпичнаго и другаго щебня, смѣшаннаго съ растворомъ извести, который, отвердѣвая, обращалъ слои этого цемента въ массу болѣе прочную, чѣмъ самый кирпичъ. Присутствіе такого матеріала легко открывается во всѣхъ кіевскихъ церквахъ, относящихся по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду, и притомъ въ такихъ фундаментальныхъ частяхъ этихъ церквей, сооруженіе которыхъ во всякомъ случаѣ должно было предшествовать сооруженію другихъ, въ которыхъ замѣчается матеріалъ иного свойства. Задача изслѣдованія древнихъ кіевскихъ церквей, съ цѣлю выдѣленія въ нихъ первоначальнаго отъ позднѣйшаго, можетъ поэтому ограничиваться опредѣленіемъ того, гдѣ въ данной церкви есть эта древняя кладка и гдѣ она оканчивается. Очеркъ этой кладки и будетъ, безспорно, очеркомъ сохранившагося первоначальнаго зданія ея. Только уже при окончательныхъ выводахъ изъ добытаго такимъ образомъ матеріала изслѣдователь долженъ, конечно, не упускать изъ виду, что данный остатокъ древняго зданія въ той или иной церкви могъ частію потерять нѣкоторыя изъ первоначальныхъ своихъ особенностей, частію получить отъ рукъ позднѣйшихъ исправителей новыя, хотя эта потеря вообще не можетъ простирается далѣе пилястръ, арокъ, колоннъ, полуколонокъ и разнаго рода другихъ принадлежностей внутренней и внѣшней орнаментаціи зданій, а измѣненія—далѣе формъ кровельныхъ, дверныхъ и оконныхъ. Такого рода потери и измѣненія тѣмъ болѣе естественны, чѣмъ долѣе извѣстная церковь оставалась въ развалинахъ, и могутъ легко быть уясняемы при взаимномъ сопоставленіи добытыхъ наблюдениемъ данныхъ.

Принимая указанную выше кладку за несомнѣнный признакъ древности, я старался, на сколько позволяло то настоящее состояніе зданій, изслѣдовать ее во всѣхъ почти церквахъ кіевскихъ, производя это изслѣдованіе: а) по горизонтальному протяженію каждой изъ нихъ, обращая при томъ особое вниманіе на такія ихъ части, которыя видимо нарушали единство плана или отличались особенностями архитектурнаго свойства; б) въ направленіи зданій вертикальномъ, наблюдая кладку стѣнъ преимущественно подъ кровлями зданій, гдѣ она всегда болѣе или менѣе обнажена отъ штукатурки; и в) въ сводахъ и въ фонаряхъ куполовъ, какъ такихъ частяхъ, которыя скорѣе всего могли терпѣть поврежденія и цѣлость которыхъ наиболѣе можетъ быть сомнительна. Результаты этого изслѣдованія, которые я осмѣливаюсь предложить вашему вниманію, заключаются въ слѣдующемъ.

1) *Въ церкви Васильевской* (нынѣ Трехсвятительская) я имѣлъ случай наблюдать древнюю кладку а) въ алтарныхъ абсидахъ снаружи, по случаю обвала штукатурки, до высоты приблизительно двухъ саженой, и извнутри въ части фундаментальной; б) по южной стѣнѣ этой церкви изъ-подъ кровли теперешняго придѣла ея съ означенной стороны. Въ западной стѣнѣ, на сколько часть ея можетъ быть видна изъ-подъ кровли тогоже придѣла, я замѣтилъ значительныя позднѣйшія исправленія. Сводовъ церкви я осмотрѣть не могъ, такъ какъ ходъ на эти своды въ настоящее время заложенъ; но по свидѣтельству причта, въ компетентности котораго въ данномъ случаѣ я не имѣю повода сомнѣваться, кладка въ нихъ новая. Такая же новая кладка отличаетъ стѣны и своды теперешняго южнаго придѣла церкви и пристройки къ ней съ западной стороны (въ видѣ полуосмигранника). На

основаніи этихъ данныхъ я полагаю, что отъ первоначальнаго зданія древней Васильевской въ нынѣшней Трехсвятительской церкви сохранились: а) алтарные абсиды, и в) стѣны теперешней срединной части церкви. Алтарные абсиды, по нѣкоторымъ признакамъ, сохранились до сводовъ включительно. Форма ихъ въ общемъ соотвѣтствуетъ вполнѣ несомнѣнно древнимъ абсидамъ другихъ кievскихъ церквей. Кроме того, на внутреннихъ стѣнахъ, на которыя опираются своды этихъ абсидовъ и которыхъ края въ видѣ двухъ пилястръ выступаютъ въ средину теперешней церкви, совершенно ясно замѣчаются красные шиферные карнизы, доказывающіе несомнѣнно, что до высоты этихъ стѣнъ или пилястръ мы имѣемъ часть зданія именно древней кладки. Стѣны теперешней средней части церкви, по всей вѣроятности, сохранились отъ древняго зданія до охватывающаго ихъ вверху карниза. Но все это сохранилось не безъ нѣкоторыхъ измѣненій. Измѣненія эти не въ томъ состоятъ, какъ утверждалъ между прочимъ покойный Н. В. Закревскій, будто къ стѣнамъ церкви при возобновленіи ихъ приданы совнѣ пилястры съ полуколонками (древняя кладка этихъ пилястръ и полуколонокъ можетъ быть совершенно ясно усматриваема изъ-подъ кровли теперешняго южнаго придѣла церкви), а въ добавленіи къ наружнымъ стѣнамъ цоколя, въ измѣненіи первоначальной формы и въ закладкѣ нѣкоторыхъ оконъ, и въ уничтоженіи пилястръ внутри церкви. Нынѣшній цоколь зданія такъ высоко опоясываетъ стѣны зданія, которыя, судя по толстому, окружающему ихъ въ видѣ холма слою щебня, значительною своею частію находятся еще въ землѣ, что могъ бы принять быть за поясъ его (подобный тѣмъ, какія замѣчаются на древнихъ церквахъ сѣверо-восточной Россіи), если бы въ немъ совершенно ясно

не обнаруживалась новая кладка. Раздѣлка и измѣненіе формы оконъ также не подлежитъ сомнѣнію. Въ сѣверо-восточномъ отдѣленіи алтаря сохранилось до настоящаго времени окно щелеобразной формы, завершающееся круглою перемычкою. Подъ кровлю теперешняго придѣла выходитъ точно такое же окно древней владки, заложённое извнутри церкви (въ щели) новымъ кирпичемъ. По всей вѣроятности и другія древнія окна, дававшіе просвѣтъ, имѣли ту же форму; а если они отличаются въ настоящее время отъ этихъ оконъ, то новую форму могли получить вслѣдствіе позднѣйшей раздѣлки или исправленія. Изъ—подъ той же кровли можно видѣть, что возстановители церкви не стѣснялись и закладкою древнихъ оконъ. Самое упомянутое окно древней формы, выходящее подъ кровлю, не только заложено извнутри, но и совершенно сравнено съ стѣною новою закладкою по крайней мѣрѣ до половины своей прежней высоты. Кромѣ его, тамъ же замѣчаются совершенно ясныя слѣды и другихъ древнихъ оконъ, также заложённыхъ новымъ кирпичемъ. Объ уничтоженіи пилястръ, бывшихъ нѣкогда внутри церкви, я заключаю на томъ основаніи, что подобными пилястрами выступаютъ внутрь церкви упомянутыя мною стѣны алтарныхъ абсидовъ, на которыхъ лежатъ своды послѣднихъ. Эти оставшіяся пилястры, заканчивающіяся въ настоящее время простымъ выступомъ на алтарной (надъ иконостасомъ) стѣнѣ, не имѣютъ смысла, если не допустить, что въ извѣстномъ разстояніи отъ нихъ въ срединѣ церкви существовали два столба, верхи которыхъ соединялись съ ними концами арокъ, служившихъ въ свою очередь опорой для древняго купола и сводовъ. Изъ древней орнаментаціи этого остатка древняго зданія Васильевской церкви сохранился отчасти только крестъ на срединѣ нѣкогда наружной, но теперь выходящей подъ

кровлю южнаго придѣла, стѣны. Крестъ этотъ шестиконечный, и образованъ краями кирпичей, выступающихъ изъ плоскости стѣны; надъ нимъ изъ тѣхъ же и также выступающихъ краями кирпичей сдѣлано нѣчто въ родѣ навѣса, въ формѣ трехугольника безъ основанія.

2) *О соборійскомъ соборѣ* былъ уже предложенъ весьма подробный и обстоятельный рефератъ глубоко уважаемымъ членомъ съѣзда, о. протоіереемъ собора П. Г. Лебединцевымъ. Съ своей стороны, я ограничусь напоминаніемъ, что древняя кладка въ этой церкви обнаруживается, кромѣ пяти среднихъ алтарныхъ полукружій, по всей восточной стѣнѣ, идущей отъ этихъ полукружій въ обѣ стороны, за исключеніемъ приданныхъ къ этой стѣнѣ остальныхъ, по два съ каждой стороны, небольшихъ алтарей. Затѣмъ, кладка эта видна по аркадѣ съ южной стороны собора до юго-западнаго угла его, включительно съ стѣнами башни, въ которой помѣщается лѣстница, ведущая въ южное отдѣленіе хора, и соединеннымъ съ нею остаткомъ аркады, тянувшейся по западной сторонѣ церкви. Видна она по той же аркадѣ и съ сѣверной стороны, гдѣ также охватывая сѣверозападный уголъ, продолжается до другой башни, ведущей въ сѣверное отдѣленіе хора. Во второмъ этажѣ собора древняя кладка совершенно ясно замѣчается только въ стѣнахъ, отдѣляющихъ хоры отъ боковыхъ къ нимъ пристроекъ; въ означенныхъ пристройкахъ, если она и существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то лишь до нѣкоторой, довольно незначительной высоты ихъ стѣнъ (по нѣкоторымъ признакамъ можно съ вѣроятностію предполагать, что до нѣкоторой высоты она существуетъ, напр. въ продольной стѣнѣ, отдѣляющей придѣлъ Іоанна Богослова отъ придѣла Богоявленія). Въ той же части западной стѣны, которая вдается какъ бы внутрь церкви и въ который находится за-

падный входъ въ нее, замѣтить такихъ частей, гдѣ бы оставалась древняя кладка, мнѣ не удалось. Разсматривая подкровельныя части собора, нельзя не замѣтить древней кладки въ фонарѣ главнаго купола и коробовыхъ сводахъ, идущихъ отъ него къ сѣверу и югу, до указанныхъ выше стѣнъ, отдѣляющихъ хоры отъ придѣловъ; въ томъ же сводѣ, который идетъ отъ этого фонаря къ западу, древняя кладка замѣчается не болѣе, какъ на треть всего протяженія свода, а затѣмъ начинается кладка уже новая до самаго фронтона на западной стѣнѣ, который тоже—новой кладки. Древняя же кладка ясно видна какъ въ четырехъ большихъ куполахъ, окружающихъ главный, такъ и въ семи меньшихъ, помѣщенныхъ надъ хорами и совершенно скрытыхъ въ настоящее время подъ кровлею. ¹⁾

3) Въ церкви *Золотоверхо-Михайловской* древняя кладка обнаруживается а) въ стѣнахъ, отдѣляющихъ средину нынѣшней церкви отъ боковыхъ (съ сѣвера и юга) придѣловъ къ ней; б) въ трехъ алтарныхъ полукружіяхъ, заканчивающихъ эту часть церкви къ востоку; и в) въ соответствующей этимъ полукружіямъ западной стѣнѣ. Кладка алтарныхъ полукружій можетъ быть наблюдаема по случайнымъ обваламъ штукатурки и по выступамъ изъ откосовъ нѣкоторыхъ оконъ камней. Кладка западной стѣны замѣчается изъ теперешняго входа на хоры, расположеннаго въ позднѣйшей къ ней пристройкѣ. Кладка сѣверной и южной стѣны видна съ полною ясностію со сводовъ (подъ кровлею) сѣвернаго и южнаго придѣла. При осмотрѣ внутреннихъ стѣнъ и столбовъ, на которыхъ лежатъ хоры, сводовъ и купола церкви, древняя кладка обнаруживается замѣчаемыми во многихъ мѣстахъ

¹ См. „Поправки и дополненія“, въ концѣ книги.

красными шиферными карнизами. Но самая верхняя часть внѣшнихъ стѣнъ, съ ихъ карнизомъ и фронтономъ съ запада,— кладки новой. По сѣверной и южной стѣнѣ эта новая кладка начинается отъ верха ихъ на разстояніи около аршина. Съ полною ясностію обнаруживается древняя кладка и въ фонарѣ главнаго купола, имѣющаго въ своемъ основаніи, между прочимъ, и красный шиферный карнизъ, значительно выступающій внутрь его. Но кладка другихъ четырехъ (меньшихъ) куполовъ, вопреки предположеніямъ Закревскаго, несомнѣнно новая. Они сложены изъ кирпича обыкновенной формы и на обыкновенной известковой подмазкѣ. Также точно не замѣтно древней кладки и въ сводахъ покрывающихъ хоры и средину церкви. Только изъ свода, идущаго отъ главнаго купола къ югу (прикрывающаго южный конецъ архитектурнаго креста этой церкви), замѣтны два, выступающіе ребромъ, кирпича древней формы. Весьма возможно, что эти кирпичи обозначаютъ остатокъ древнихъ сводовъ въ данномъ мѣстѣ. На основаніи этого я полагаю, что отъ первоначальнаго зданія Золотоверхо-Михайловской церкви сохранились до настоящаго времени алтарные абсиды, стѣны до извѣстной высоты и главный куполь; но не сохранились другіе купола, о которыхъ упоминаетъ историческое преданіе; не сохранились и верхніе своды, за исключеніемъ развѣ нѣкоторой части ихъ надъ южнымъ концемъ архитектурнаго креста. Кромѣ раздѣлки и задѣлки оконъ, въ древнемъ остаткѣ этой церкви обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе фасадныхъ формъ въ верхнихъ частяхъ стѣнъ церкви. Древнія пилястры по наружнымъ стѣнамъ этой церкви завершаются въ настоящее время въ одну линію карнизомъ, частію выступающимъ наружу подъ фронтономъ съ запада, частію скрывающимся подъ кровлею съ сѣвера и юга. Но если наблюдать верхи пилястръ по сторонамъ главнаго

входа съ запада, легко замѣтить, что пилястры эти заканчивались на извѣстной высотѣ выемками по сторонамъ, отъ которыхъ начинались арки, шедшія отъ одной пилястры до другой. Концы подобной арки надъ самымъ входомъ ясно видны, хотя самая арка и замѣнена означеннымъ карнизомъ. Такіе же концы арокъ замѣчаются у пилястръ и по стѣнѣ сѣверной.

Отъ внутренней орнаментаціи церкви, какъ извѣстно, осталось нѣсколько мозаическихъ изображеній въ главномъ алтарѣ. Кромѣ того, я нашелъ двѣ мраморныя колонны съ капителями византійской формы, поставленныя (капителями, впрочемъ, внизъ) снаружи у западнаго входа въ теперешній сѣверный придѣлъ церкви, равно и двѣ другія капители такой же формы, употребленныя вмѣсто базисовъ для кирпичныхъ колоннъ у сѣвернаго входа въ тотъ же придѣлъ. Колонны и капители эти безъ всякаго сомнѣнія занимали въ древней церкви болѣе почтенное мѣсто, составляя одно изъ ея лучшихъ внутреннихъ украшеній.

4) *Въ Великой лаврской церкви* древняя кладка замѣчается также а) въ стѣнахъ, отдѣляющихъ нынѣшнюю средину церкви отъ сѣвернаго и южнаго придѣловъ; б) въ алтарныхъ, соответствующихъ срединѣ, полукружійхъ; и в) въ противоположной послѣднимъ западной стѣнѣ. Но не обнаруживается она ни въ южныхъ, ни въ западныхъ, ни въ сѣверныхъ пристройкахъ къ этой церкви, исключая небольшого придѣла Предтечи, о которомъ я буду имѣть честь сказать особо. Кладку алтарныхъ полукружій я имѣлъ случай наблюдать въ 1869 году при поправленіи внѣшней штукатурки въ разныхъ частяхъ зданія. Кладка сѣвернаго и средняго полукружія, какъ въ стѣнахъ, такъ и въ полуколоннахъ, до извѣстной по крайней мѣрѣ высоты, была обнаружена несо-

мѣнно древняя. Но въ полукружїи южномъ она такихъ признаковъ не имѣла. Кладка западной стѣны можетъ быть наблюдаема со входа на хоры. Кладку сѣверной и южной стѣнъ я разсматривалъ подъ кровлю. Въ стѣнѣ сѣверной древняя кладка ясно видна въ аркѣ, выступающей подъ кровлю надъ сводами, покрывающими съ одной стороны сѣверный конецъ архитектурнаго креста середины церкви, съ другой—придѣлъ первомученика Стефана; равно и въ другой такой же аркѣ, къ западу отъ указанной, и въ продолженіи той же стѣны къ востоку, но уже нѣсколько ниже верхняго края стѣны, имѣющаго тамъ кладку новую. Въ южной стѣнѣ древняя кладка обнаруживается только при наблюденіи ея со свода южнаго придѣла, и при томъ на болѣе значительномъ разстояніи внизъ отъ верхняго края стѣны. Въ фонаряхъ куполовъ и въ сводахъ древней кладки я замѣтить не могъ; не обнаруживается она и въ сводахъ алтарныхъ, носящихъ ясные слѣды позднѣйшей надстройки. Вообще, наблюдая своды этой церкви, я замѣтилъ древнюю кладку только въ основаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Она видна, напр., по линіи, отдѣляющей коробовой сводъ надъ сѣвернымъ концемъ архитектурнаго креста отъ сводовъ, лежащихъ къ западу. Въ виду этого я полагаю, что въ Великой лаврской церкви сохранились только древнія стѣны, хотя не всюду въ одной мѣрѣ; болѣе сохранилась сѣверная стѣна, менѣе—южная. Изъ алтарныхъ полукружїй лучше сохранились сѣверное и среднее, мало сохранилось, а можетъ быть и вовсе не сохранилось, южное. Купола же и верхніе своды всѣ вообще новы; хотя основанія сводовъ, т. е. арки, на которыхъ они лежатъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались древнія. Изъ древней орнаментаціи церкви не сохранилось, или по крайней мѣрѣ не открыто до настоящаго времени, ничего. Только въ одной изъ пещерныхъ церквей стоятъ двѣ мра-

морныя колонны, подпирающія своды этой церкви, а въ другой въ такомъ же положеніи двѣ мраморныя перекладины, по всей вѣроятности занесенныя туда изъ Великой лаврской церкви, въ которой имѣли конечно нѣсколько иное назначеніе.

5) *Въ Выдубицко-Михайловской церкви* древняя кладка несомнѣнно существуетъ въ стѣнахъ входной и средней ея части; но въ стѣнахъ нынѣшняго алтаря кладка позднѣйшая. Въ западной стѣнѣ въ близкомъ разстояніи отъ входа можно видѣть и въ настоящее время, вслѣдствіе обвала штукатурки, древней формы кирпичъ;—древній же цементъ и камень употребленные въ кладку, можно наблюдать, вслѣдствіе той же порчи штукатурки по мѣстамъ, по южной стѣнѣ въ трехъ, начиная отъ западнаго угла, пилястрахъ и стѣнныхъ промежуткахъ между этими пилястрами, и въ сѣверной—на соответствующемъ тому же разстояніи отъ запада. Дальнѣйшія затѣмъ части сѣверной и южной стѣнъ съ крайними пилястрами къ востоку, равно и вся восточная сторона церкви, построены изъ обыкновеннаго кирпича на обыкновенной известковой подмазкѣ. Верхніе древніе своды надъ древними стѣнами, повидимому, не уцѣлѣли. Присутствія въ нихъ древней кладки незамѣтно. Но что стѣны уцѣлѣли до значительной высоты, видно изъ сохранившихся на нихъ по мѣстамъ красныхъ шиферныхъ карнизовъ, и притомъ—въ выемкахъ въ верху пилястръ, отъ которыхъ начинались соединявшіе эти пилястры дуги. Само собою разумѣется, что карнизъ, замѣнившій въ настоящее время эти исчезнувшія древнія дуги, есть уже новый. Такимъ образомъ отъ первоначальнаго зданія древней Выдубицко-Михайловской церкви сохранилась западная стѣна и нѣкоторыя части стѣнъ сѣверной и южной; алтарныхъ древнихъ полукружій, равно и значительной части стѣнъ сѣверной и южной, не существуетъ. Преданіе говоритъ, что отрогъ горы, на которомъ

построена была эта церковь, подмытый текшимъ у подошвы его Днѣпромъ, нѣкогда обрушился и увлекъ за собою значительную часть древней церкви. Видно также, что обрушившаяся такимъ образомъ церковь оставалась въ развалинахъ такъ долго, что уцѣлѣвшая западная часть ея успѣла врости въ землю до такой глубины, что въ пролетѣ арки ведшей изъ ней въ средину церкви, разстояніе отъ карниза до почвы уменьшилось до одного аршина. ¹⁾ Возстановители церкви сочли почему-то лишнимъ выкопать ее изъ земли и щебня. За то и сохранившееся вообще они оставили въ томъ видѣ, въ какомъ застали. Часть, уцѣлѣвшая отъ древней церкви, заключала въ себѣ хоры. Не уничтожая послѣднихъ, они просто придѣлали къ ней алтарь, отъ чего церковь получила видъ двухъ-этажнаго зданія, своеобразность котораго можетъ озадачивать незнакомаго съ ея исторіею посѣтителя. Древней формы окна уцѣлѣли на этой церкви гораздо лучше, чѣмъ на большинствѣ другихъ.

б) *Въ церкви Спасо-Берестовской*, имѣющей въ горизонтальномъ своемъ очертаніи видъ креста, древняя кладка существуетъ несомнѣнно только въ средней (отъ сѣвера къ югу) поперечинѣ этого креста. Западная часть ея сложена изъ обыкновенныхъ кирпичей и на обыкновенной известковой подмазкѣ и совершенно ясно представляетъ собою позднѣйшую пристройку. Но восточная часть, въ которой помѣщаются алтари, имѣетъ въ кладкѣ ту особенность, что въ нее употреблены кирпичи древней формы, хотя безъ камней и безъ древняго цемента. Особенность эта объясняется весьма естественно тѣмъ, что возстановитель церкви, Петръ Могила, нашедши въ развалинахъ церкви годною для возстановленія извѣстную не-

1) См. „Поправки и дополненія“ въ концѣ книги.

большую часть, воспользовался для пристройки къ ней алтарей кирпичемъ отъ остальныхъ частей. Уцѣлѣвшая такимъ образомъ часть древней, въ свое время «великой Спасской церкви», представляетъ собою только притворъ древняго зданія съ башнею въ юго-западномъ углу его; слѣдовательно, часть еще меньшую, чѣмъ та, которая уцѣлѣла отъ церкви Выдубицко-Михайловской. Впрочемъ, своды, покрывающіе средину остатка древняго зданія Спасской церкви, представляютъ ясные признаки древней кладки; только своды сѣверной части этого остатка, равно какъ и своды башни,—кладки новой. Изъ древней орнаментаціи этой церкви уцѣлѣло нѣсколько крестовъ по стѣнамъ снаружи, да одно фресковое изображеніе ангела, которое въ настоящее время находится тоже на внѣшней восточной стѣнѣ упомянутой башни въ раковинообразномъ углубленіи въ нее, закрытомъ кровлею алтаря, придѣланнаго къ ней Могилою.

7) Кладку *Кирилловской церкви*, представляющей собою единичное зданіе, безъ всякихъ пристроекъ, можно наблюдать по лѣстницѣ, ведущей на хоры и подъ кровлю, и подъ самую кровлю. На всю высоту стѣны, сквозь которую проходитъ лѣстница, кладка эта, очевидно, древняя. Но въ сводахъ, хотя и замѣчается по мѣстамъ древній кирпичъ на слояхъ древняго цемента, но положенъ онъ такъ, что скорѣе можетъ быть признанъ за остатки древнихъ арокъ, поднимавшихся выше настоящихъ сводовъ, чѣмъ за составную часть сводовъ существующихъ. Фонари куполовъ всѣ вообще новой кладки; только оспованіе фонаря подъ главнымъ куполомъ осталось древнее. ¹⁾ Изъ древней орнаментаціи церкви открывается, какъ извѣстно, изъ подъ слоевъ побѣлки фресковая живопись. Жи-

¹⁾ См. „Поправки и дополненія“, въ концѣ книги.

вопись эта покрывает главнымъ образомъ алтарные абсиды, которые, судя по формѣ своей, сохранились лучше другихъ частей церкви. Открывается она по мѣстамъ и на другихъ, несомнѣно древнихъ стѣнахъ и частяхъ церкви. Но ни въ куполахъ, ни въ сводахъ, по крайней мѣрѣ доселѣ ея не замѣчено,—одно изъ доказательствъ, хотя и отрицательнаго свойства, что въ фрескахъ Кирилловской церкви Кіевъ имѣеть другой, послѣ Софійскихъ, богатый памятникъ древняго искусства этого рода.

Таковы древніе остатки кіевскихъ церквей, признанныхъ вообще принадлежащими по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду исторіи Кіева. Но ограничиваются ли этимъ дѣйствительные остатки кіевскихъ древностей и не существуетъ ли еще церквей, которыхъ первоначальная постройка должна быть также отнесена къ дотатарскому періоду?

Въ Патерикѣ печерскомъ есть извѣстное сказаніе объ Иванѣ и Сергіѣ, въ заключеніе котораго упоминается о постройкѣ при Великой лаврской другой церкви. «Захарья же (сынъ Ивана), говоритъ Патерикъ, все вдасть игумену Ивану, да построить якоже хоцетъ; самъ же постригся, животь сконча ту. Симъ же серебромъ и златомъ (2000 гривенъ серебра и 200 гривенъ золота) поставлена бысть *церквы святого Иоанна Предтечи*, у ту же на полати восходятъ, во имя себѣ и Иоанну болярину и сынови его Захарьи, нюже бы товарь». Въ описаніяхъ Кіево-печерской лавры встрѣчаются упоминанія о придѣлѣ Иоанна Предтечи; но сколько помнится, до послѣдняго времени не приходилось встрѣчать указаній на то, чтобы этотъ существующій придѣлъ представлялъ собою именно ту церковь св. Иоанна Предтечи, которую игу-

мень Иоаннь построилъ на деньги Захаріи и которая стояла у входа на полати—хоры древней лаврской церкви. А между тѣмъ едвали можно сомнѣваться, что это дѣйствительно такъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ придѣлъ Предтечи состоитъ изъ алтаря и предшествующей ему залы церковной. Изъ этихъ двухъ частей алтарь не можетъ не обращать на себя вниманія своею необычною формою. Это маленькая отдѣльная церковь, построенная по византійскому плану на квадратной площадкѣ съ четырьмя столбами въ центрѣ и тремя абсидами къ востоку. Что этотъ видъ ея не какая-либо случайность, а первоначально предпологавшаяся особенность зданія,—легко убѣдиться изъ осмотра его со внѣшней, относительно—наружной стороны. Восточную свою стороною алтарь выходитъ въ придѣлъ первомученика Стефана. Если разсматривать эту сторону изъ послѣдняго придѣла, видно, что тремъ внутреннимъ абсидамъ соотвѣтствуютъ и три внѣшнія округлости, даже съ полуколонками по гранямъ, точь въ точь какъ на несомнѣнно древнихъ алтаряхъ софійскаго собора и другихъ церквей кievскихъ. Если затѣмъ обратить вниманіе на всю внѣшнюю стѣну сѣвернаго крыла Великой лаврской церкви, легко замѣтить, что извѣстная часть ея, и именно стѣна алтаря Предтеченскаго придѣла, выдѣляется изъ остальной массы четырьмя пилястрами съ мьемками и легкими загибами одна къ другой вверху, какія я имѣлъ уже случай указывать на несомнѣнно древнихъ пилястрахъ Золотоверхо-Михайловской и Выдубицко-Михайловской церквей, и окнами такой формы, какую можно встрѣчать только на стѣнахъ древнихъ церквей Кіева. Алтарь Предтеченскаго придѣла представляетъ собою, такимъ образомъ, отдѣльное, независимое отъ идущихъ отъ него къ востоку и западу стѣнъ, зданіе, имѣющее свой самостоятельный планъ и свои особыя архи-

тектурныя детали, сближающія его съ древними церквами Кіева. Представляетъ онъ собою зданіе совершенно независимое и въ отношеніи къ остаткамъ древняго зданія Великой лаврской церкви. Хотя съ восточной и западной стороны онъ и соединенъ простѣнками съ бывшею сѣвѣрною стѣною Великой церкви, тѣмъ не менѣе между нимъ и этою стѣною остается промежутокъ, совершенно достаточный для помѣщенія въ немъ хода на хоры и въ настоящее время дѣйствительно служащій ходомъ въ одну изъ кладовыхъ церковныхъ. Но что въ древнее время существовалъ въ этомъ мѣстѣ и ходъ на хоры, лучшимъ доказательствомъ служить несомнѣнно древняя дверь на хорахъ, обращенная именно къ сторонѣ этой церкви. Главнымъ же доказательствомъ несомнѣнной древности разсматриваемаго зданія служить его кладка. При упомянутомъ выше исправленіи внѣшней штукатурки лаврской церкви лѣтомъ 1869 года была въ значительной мѣрѣ обнажена отъ ней и внѣшняя стѣна Предтеченскаго алтаря. Стѣна эта представила тогда всѣ особенности древней кладки: кирпичъ-плитнякъ семи и осми-вершковой длины и вершковой толщины, цементъ изъ кирпичнаго щебня съ известью и красноватымъ отливомъ, и большіе камни, выступавшіе плоскими краями между кирпичей и цемента. По остальной сѣвѣрной стѣнѣ такой кладки уже не замѣчалось; только видна она была, какъ я уже сказалъ, въ восточныхъ алтарныхъ полукружїяхъ. На основаніи всего этого я полагаю, что упоминаемая въ Патерикѣ печерскомъ церковь св. Іоана Предтечи сохранилась до настоящаго времени, хотя, по слишкомъ малымъ размѣрамъ своимъ, обращена въ алтарь нынѣшняго придѣла того же имени. ¹⁾ Но насколько она сохранилась?

¹⁾ См. „Поправки и дополненія“, въ концѣ книги.

Имѣя всѣ особенности отдѣльнаго зданія въ нижнемъ этажѣ сѣвернаго крыла лаврской церкви, церковь Предтечи своими стѣнами проходитъ и сквозь теперешніе хоры съ сѣверной стороны церкви, теряя тамъ только южные свои столбы, но сохраняя тотъ же характеръ зданія независимаго, и завершается сводомъ, лежащимъ на его стѣнахъ, фонаремъ и куполомъ. Позднѣйшіе исправители лаврской церкви, не находя возможнымъ дать этому зданію на хорахъ какое либо назначеніе, ограничились пробивкою стѣнъ въ его восточныхъ полукружіяхъ, чтобы занимаемое имъ пространство присоединить къ общему пространству хоръ. Но и болѣе ранніе возстановители Великой лаврской церкви застали это зданіе по видимому, болѣе сохранившимся, чѣмъ самая Великая церковь. Изъ всѣхъ фонарей подъ куполами нынѣшней лаврской церкви, только въ основаніи фонаря надъ церковію Предтечи замѣчается краснѣйшій шиферный карнизъ. Есть и другіе, хотя и не вполне ясныя, признаки присутствія древней кладки не только въ сводахъ, но и въ фонарѣ купола Предтеченской церкви. Изъ—подъ слоевъ извести, которыми густо облѣпленъ фонарь при какомъ-то исправленіи его, видѣнъ ясно по мѣстамъ цементъ древній.

Мнѣніе о томъ, что *Троицкая церковь на св. воротахъ лаврскихъ* должна быть также относима по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду въ исторіи Кіева, равно и о томъ, какія измѣненія послѣдовали въ позднѣйшее время въ ея первоначальномъ фасадѣ, я имѣлъ уже честь высказать на первомъ археологическомъ съѣздѣ ¹⁾. На основаніи древней кладки, открывающейся какъ въ воротахъ, на которыхъ построена церковь, такъ и въ стѣнахъ самой

1) См. „Труды перваго археологическаго съѣзда“, т. I, стр. 267—271.—
Выше стр. 117—124.

церкви, равно и на основаніи цѣльности ея плана и фасадныхъ формъ, я полагаю, что зданіе это, построенное, по словамъ Кальнофойскаго, въ началѣ XII столѣтія, одно изъ наиболѣе сохранившихся въ Кіевѣ древнихъ зданій. Но сохранило ли оно въ неповрежденномъ видѣ свои древніе своды и куполь? Къ сожалѣнію, кладки подкровельныхъ частей этой церкви я доселѣ наблюдать не могъ. Судя по правильности вообще архитектурныхъ линій въ сводахъ и по формѣ фонаря, напоминающей форму фонарей малыхъ куполовъ Софійскаго собора, я не вижу основаній заподозривать сохранность, по крайней мѣрѣ, первоначальнаго вида этихъ частей. Но принимая во вниманіе свидѣтельство Кальнофойскаго, что, по разореніи Кіево-печерской лавры, разсѣявшіеся по окрестнымъ лѣсамъ монахи имѣли возможность собираться для богослуженія только въ одну уцѣлѣвшую маленькую церковь, тогда какъ другія съ своими куполами лежали на землѣ, я не отрицаю возможности, что будущія, болѣе удачныя изслѣдованія докажутъ, что этою маленькою, вполне сохранившеюся отъ древности церковію, была церковь Іоанна Предтечи, а не наворотная, хотя мнѣніе самаго Кальнофойскаго, повидимому, склоняется въ пользу послѣдней. ¹⁾

Изъ остальныхъ кіевскихъ церквей, какъ заявилъ еще покойный Закревскій, должна быть отнесена по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду *церковь Успенская на Подоль*. Но изъ всѣхъ подобныхъ церквей, повидимому, эта сохранилась наименѣе. Присутствіе въ ней древней кладки несомнѣнно. Но до сихъ поръ мнѣ удалось видѣть эту кладку только въ одномъ (среднемъ) изъ алтарныхъ полукружій

1) Изъ наблюденій послѣдующихъ выяснилось, что подкупольный фонарь этой церкви надстроенъ вновь съ половиною почти его ннѣшней высоты. О чемъ см. ниже рефератъ: „Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской Лавры.“

и въ ближайшей къ этимъ полукружиямъ восточной стѣнѣ сѣверныхъ дверей церкви; въ западной же стѣнѣ этихъ самыхъ дверей кладка уже позднѣйшая, какъ позднѣйшая она затѣмъ и въ откосахъ всѣхъ оконъ, какія только удавалось мнѣ разсматривать въ обнаженномъ отъ штукатурки видѣ. Такая же позднѣйшая кладка съ низу до верху видна и въ западной стѣнѣ, отдѣляющей церковь отъ притвора и колокольни надъ нимъ. Поэтому, если въ Успенской церкви и есть остатокъ древняго зданія,—онъ ограничивается главнымъ образомъ ея алтарною частію, и можетъ быть—фундаментомъ сѣверной и южной стѣнъ, сохранившимъ для церкви ея древній планъ.

Выдѣливъ остатки первоначальнаго зданія древнихъ кievскихъ церквей отъ позднѣйшихъ въ нихъ поправокъ, пристроекъ и надстроекъ, я полагаю возможнымъ, на основаніи представляемыхъ этими остатками данныхъ, уяснить, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, отличительныя черты архитектурнаго стиля кievскихъ церквей X—XII вѣка. Хотя ни одна изъ древнихъ кievскихъ церквей не сохранилась вполне въ своемъ первоначальномъ видѣ, за то нѣкоторыя изъ нихъ удержали въ своемъ первоначальномъ видѣ однѣ части, другія—другія. Итакъ:

а) По какому *плану* строились кievскія церкви X—XII вѣка?—Сличая между собою различныя остатки древнихъ кievскихъ церквей, нельзя не признать, что всѣ онѣ были построены по одному общему плану—византійскому. Въ основаніи этого плана лежалъ такъ называемый византійскій крестъ, въ которомъ болѣе удлиненною стороною была обыкновенно восточная. Надъ центромъ этого креста на четырехъ высокихъ, соединяющихся взаимно арками, столбахъ утверждался куполь. Но куполь лежалъ не непосредственно на столбахъ или сое-

двинующихся верхи ихъ аркахъ. Промежутки между арками восполнялись такъ называемыми парусами; затѣмъ, на образовавшемся такимъ образомъ кругломъ основаніи, возводился такъ называемый фонарь и уже послѣдній завершался куполомъ. Но куполь и въ этой формѣ давалъ поддерживавшимъ его столбамъ и аркамъ сильный распоръ. Этимъ столбамъ и аркамъ придавались вслѣдствіе этого своего рода упоры. Такими упорами съ восточной стороны служили примыкавшіе къ столбамъ стѣны, дѣлившія восточное отдѣленіе церкви на три части, заканчивавшіяся тремя полукружіями и завершавшіяся (вмѣстѣ съ послѣдними) полукруглыми, постепенно поднимающимся до высоты упомянутыхъ арокъ, сводами. Съ другихъ сторонъ такими же упорами служили другіе подобные же столбы, расположенные симметрически по концамъ и между концами креста и соединенные какъ взаимно между собою, такъ и съ центральными столбами, арками, равно и своды, шедшіе по сѣверному, западному, и южному концамъ креста и сливавшіеся съ арками подъ куполомъ. Площадь, занятая такимъ образомъ подъ постройку зданія, имѣла видъ почти квадратный. Она удлинилась и принимала видъ продолговатаго прямоугольника, когда находили необходимость расширить вмѣстимость зданія, увеличить надъ нимъ количество куполовъ или придать ему особыя отдѣленія. Планъ, вслѣдствіе этого, въ основныхъ чертахъ общій во всѣхъ церквахъ, получилъ особыя отличія въ нѣкоторыхъ. Въ самомъ простомъ и основномъ, такъ сказать, видѣ онъ является въ маленькихъ церквахъ, въ Предтеченской и наворотной Лаврскихъ, и въ Успенской на Подолѣ. Каждая изъ этихъ церквей занимаетъ квадратную площадку, съ четырьмя столбами въ центрѣ, съ тремя полукружіями къ востоку, съ столбами по сѣверному, западному и южному концамъ архитектурнаго креста и по угламъ остальнаго пространства площадки;

причемъ промежутки между столбами наружными заложены стѣнами. Такой же планъ имѣла и церковь Васильевская (нынѣ Трехсвятительская). Но въ большихъ церквахъ, каковы: Великая Лаврская, Кирилловская, Спасо-Берестовская, Золотоверхо-Михайловская, Выдубицко-Михайловская, указанный основной планъ является съ добавленіями. Добавленія эти состоятъ въ присоединеніи къ церкви притвора съ западной стороны и въ устройствѣ какъ надъ нимъ, такъ и по сторонамъ западнаго конца креста, хоръ. Въ Великой Лаврской, Золотоверхо-Михайловской и Кирилловской церквахъ притворъ этотъ имѣетъ видъ продолговатой отъ сѣвера къ югу залы съ коробовымъ сводомъ, концы которой не выступаютъ за линію сѣверной и южной стѣнъ самой церкви: площадь, занятая этими церквами, вслѣдствіе означенной пристройки, только удлиняется. Въ церкви же Выдубицко-Михайловской эта пристройка сѣвернымъ своимъ концемъ переходитъ за линію сѣверной стѣны церкви, оканчиваясь тамъ трехграннымъ выступомъ. Такой формы выступъ зависѣлъ отъ помѣщенія въ означенномъ углу круглой витой лѣстницы, ведшей на хоры и выше хоръ: церковь, стоявшая на возвышеніи у Днѣпра, гдѣ въ древнее время существовала очень удобная переправа черезъ рѣку, могла быть снабжена въ этой части высокою башнею. Такой же выступъ изъ линіи стѣнъ, но уже въ обѣ стороны, былъ данъ разсматриваемой части и въ церкви Спасо-Берестовской. Ближайшій мотивъ для этого былъ, очевидно, тотъ же—устройство въ югозападномъ углу притвора башни съ круглою витой лѣстницею внутри. Самая лѣстница не сохранилась; но по круглымъ внутреннимъ стѣнамъ башни, обращенной въ настоящее время въ южный придѣлъ, остались ниши, рядъ которыхъ поднимался по стѣнамъ вслѣдъ за извиіями лѣстницы. Но куда вела эта лѣстница? Въ прежнее время, замѣтивъ углубленіе въ видѣ ниши на наружной

стѣнѣ этой башни къ востоку, надъ придѣланнымъ къ ней съ этой стороны алтаремъ, я полагалъ, что означенное углубленіе остатокъ двери, ведшей изъ башни на хоры ¹⁾. Но теперь, послѣ ближайшаго осмотра ниши, я убѣдился въ ложности своего предположенія. Ниша оказалась остаткомъ свода, шедшаго отъ этой башни къ востоку и покрывавшаго хоры церковные, если они только были въ этой церкви, безъ всякихъ слѣдовъ какого либо хода на нихъ въ данномъ пунктѣ. Башня, поэтому, имѣла самостоятельное значеніе, и если расположенная въ ней лѣстница выводила куда нибудь, то развѣ на площадку вверху притвора надъ западнымъ входомъ въ древнюю церковь. Притворъ въ указанномъ мѣстѣ завершается сводомъ, поднимающимся до уровня западной стѣны; но къ востоку отъ него, поперечная стѣна, отдѣлявшая его отъ дальнѣйшаго пространства церкви, поднимается своими полуобрушенными частями далеко выше его свода; причемъ въ обломкахъ этой стѣны ясно замѣтны мѣста древнихъ оконъ. Основаніе, по моему мнѣнію, достаточное для предположенія, что площадка, образуемая общею поверхностію свода, не входила во внутренность церкви, а была оставлена означенною стѣною внѣ ея, подъ открытымъ небомъ. ²⁾ Наконецъ, еще съ большими добавленіями является основной византійскій планъ въ такихъ главныхъ церквахъ древняго Кіева, каковы Софійскій соборъ и бывшая Десятинная церковь. Въ Софійскомъ соборѣ,—кромѣ того, что внутренняя его вмѣстимость расширена добавленіемъ къ тремъ обыкновеннымъ алтарнымъ абсидамъ двухъ новыхъ по сторонамъ съ соответствующимъ удлинненіемъ концовъ креста и устройствомъ хоръ не только между концами, но и по самымъ

1) См. статью, „Что осталось отъ первоначальнаго зданія древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ?“—напечат. въ „Труд. кіев. д. ак., 1867 г. июль.—Выше стр. 112.

2) См. въ концѣ, „Поправки и дополненія“.

добавленнымъ съ сѣвера и юга концамъ креста,—притворъ не только предшествуетъ церкви съ запада, имѣя надъ собою, по обычаю, также хоры, но и обходитъ остальное пространство церкви съ сѣвера и юга, имѣя въ былое время надъ собою, по крайней мѣрѣ съ южной стороны, уже открытую площадь, въ родѣ балкона. Площадь эта была затѣмъ расширена и перешла на западную и сѣверную сторону церкви присоединеніемъ къ паперти съ сѣверной, западной и южной стороны еще особой аркады со сводами снизу и открытою же площадью сверху, съ парапетомъ по краямъ этой площади и особыми [башнями въсѣверо-и юго-западныхъ углахъ, частію ведшими на эту площадь и хоры церковныя, частію имѣвшими и свое независимое отъ этого назначеніе ¹⁾. Въ церкви Десятинной, судя по открытому нѣкогда фундаменту ея, не было добавочныхъ абсидовъ по сторонамъ трехъ обыкновенныхъ; но была, очевидно, паперть, предшествовавшая церкви съ запада, и по всей вѣроятности, такая же аркада съ сѣверной, южной и западной стороны, съ открытою площадью наверху, какъ и въ Софійскомъ соборѣ. Объ ней-то, повидимому, и идетъ рѣчь въ извѣстномъ разсказѣ Ипатьевской лѣтописи о послѣдней отчаянной защитѣ кіевлянъ противъ татаръ Батыя у церкви Десятинной. «Людемъ же уzbѣгшимъ на церковь и на *комары* церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя“. Комары эти были едвали внутренніе хоры церкви, или такъ называемыя —*полати*, болѣе удобныя для укрывательства безоружнаго народа, чѣмъ для защиты вооруженнаго. Скорѣе это была именно внѣшняя аркада съ открытою площадью и парапетомъ, какая окружала и соборъ Софійскій, и съ какою, судя по сло-

1) Яснымъ признакомъ этого служитъ содержаніе покрывающей внутри стѣны ихъ древней живописи. См. также дневникъ Эриха Ласоты, 1594 г.

вамъ Ипатьевской же лѣтописи, была построена одна изъ церквей въ Галичѣ, приспособленная къ военной оборонѣ. Подъ 1219 годомъ лѣтопись эта говоритъ: «Филиа... созда (въ Галичѣ) градъ на церкви святаго Богородица... и възбѣгоша же на комары церковныя, инии же ужи совлачишася; бѣ бо градъ створенъ на церкви. Онѣмъ же стрѣляющимъ и каменіе мещущимъ на гражаны... и прѣхавшю же Мстиславу, и вдашася ему, и сведени быша со церкви». Распиреніе внутренней вмѣстимости церковей соединилось съ увеличеніемъ числа куполовъ на нихъ. Судя по расположенію древнихъ куполовъ на соборѣ Софійскомъ, они устроились обыкновенно на столбахъ и аркахъ, наполнявшихъ промежутки между концами архитектурнаго креста но не надъ самими концами этого креста. Куполь поставленный въ настоящее время надъ западнымъ концемъ креста въ Великой лаврской церкви, поставленъ, очевидно, не на своемъ мѣстѣ: подъ нимъ еще ясно видны остатки древняго коробоваго свода, вѣроятно нѣкогда обрушившагося въ данномъ мѣстѣ, но возстановителями церкви принятаго за основаніе для купола. Купола уменьшались въ размѣрахъ по той мѣрѣ, какъ удалялись отъ главнаго.

б) *О кладкѣ древнихъ кіевскихъ церквей, рѣзко отличающей ихъ отъ церквей позднѣйшихъ, я уже говорилъ. Въ настоящемъ случаѣ огранучусь только нѣсколькими дополнительными замѣчаніями. Кирпичъ, какъ было сказано, имѣетъ форму плитъ, приближающихся къ квадрату. Но въ разныхъ церквахъ размѣры его нѣсколько различны. Въ церкви Васильевской, напр., онъ имѣетъ измѣренія въ длину около 7 вершковъ (10—11 дюймовъ), въ ширину около 5 (8 дюймовъ) и толщину около $\frac{7}{8}$ вершка (1 $\frac{1}{2}$ дюйма); въ церкви Золотоверхо-Михайловской—8 вершковъ въ длину, 7 въ ширину и 1 въ толщину; въ Выдубицко-Михайловской—около*

7 $\frac{1}{2}$ въ длину, 6 и 6 $\frac{1}{2}$, въ ширину и около 1 вершка въ толщину, и пр. Для полуколонокъ тонкихъ употреблялся особо выдѣланный кирпичъ, полукруглой формы и нѣсколько тоньше употреблявшася въ стѣны. Разнообразіе размѣровъ кирпича, замѣчаемое иногда въ одной и тойже церкви, зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что въ древней кладкѣ онъ былъ не главнымъ, а дополнительнымъ, такъ сказать, матеріаломъ. Кромѣ него въ кладку стѣнъ, какъ я сказалъ уже, шелъ камень, и притомъ—весьма значительными массами; а главнымъ и преимущественнымъ образомъ—цементъ. Слои послѣдняго, даже съ наружной стороны стѣнъ, превосходятъ обыкновенную толщину кирпича, а иногда, особенно въ пилястрахъ, полуколонкахъ, аркахъ, доходятъ до 2 $\frac{1}{2}$ вершковъ. Внутри же стѣнъ послѣдній размѣръ слоевъ цемента довольно обыкновенный. На этомъ основаніи я считаю цементъ преобладающею массою въ кладкѣ древнихъ кievскихъ церквей; кирпичъ же плитнякъ употреблялся главнымъ образомъ для того, чтобы придавать возводимымъ изъ камней и цемента стѣнамъ правильность формъ и обезпечивать за ними правильность осадки. Почему въ мѣстахъ, требовавшихъ болѣе правильной горизонтальной плоскости, какъ напр. въ основаніяхъ арокъ на столбахъ, и т. п., кирпичъ замѣнялся каменными плитами, имѣвшими такія большія размѣры, что края ихъ обыкновенно выступаютъ наружу въ видѣ карнизовъ. Цементомъ, какъ я сказалъ, служилъ щебень изъ кирпича съ известью; но иногда замѣчается въ немъ присутствіе мелкаго угля. Появленіе угля, по моему мнѣнію, должно быть обстоятельствомъ случайнымъ, указывающимъ однако на то, что для раствора извести употреблялся особый составъ, варившійся на огнѣ. Наконецъ, при кладкѣ церквей употреблялись и связи, но не желѣзныя, а деревянные. Такія связи видны и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ аркахъ

Софійскаго собора; одну изъ такихъ же связей я имѣлъ случай видѣть въ древней стѣнѣ Спасо-Берестовской церкви, при поправленіи ея въ 1866 г.

в) *Формы фасадныя* въ общемъ были, повидимому, одинаковы на всѣхъ кіевскихъ церквахъ, за исключеніемъ тѣхъ отличій, какія придавались нѣкоторымъ изъ нихъ башнями и аркадами. Сѣверная, западная и южная сторона каждой церкви дѣлилась обыкновенно на нѣсколько частей пилястрами, соединявшимися взаимно вверху дугами. Въ маленькихъ церквахъ, не имѣвшихъ притвора, такихъ пилястръ съ каждой стороны было по четыре; въ большихъ же церквахъ, имѣвшихъ въ западной части притворъ, число ихъ съ сѣверной и южной стороны увеличивалось по крайней мѣрѣ одною пилястрою. Само собою разумѣется, что въ такихъ нарочито расширенныхъ церквахъ, какъ соборъ Софійскій, число ихъ съ каждой стороны было не менѣе шести и семи. Вообще число ихъ зависѣло обыкновенно отъ числа отдѣленій, образуемыхъ внутри церкви рядомъ столбовъ или линіями стѣнъ, державшихъ на себѣ своды и купола. Къ пилястрамъ приставлялись иногда полуколонки. Такія полуколонки, кромѣ указанныхъ уже мною на пилястрахъ Васильевской церкви, украшали нѣкогда и пилястры Софійскаго собора, какъ видно по остатку ихъ на южной стѣнѣ этого собора, выходящей въ настоящее время въ придѣлъ «Страстей Христовыхъ (между правою стороною хоръ и ризницею соборною)». Полуколонками же украшались большею частію алтарныя полукружія и фонари подъ куполами; вслѣдствіе чего, удерживая внутри правильную полукруглую или круглую форму, абсиды и фонари получали снаружи видъ многогранный, съ полуколонками именно по гранямъ. Что касается формъ оконъ, то самою обычною была та, которую можно видѣть на алтарныхъ полукружіяхъ

Кіево-Софійскаго собора. Это были двѣ—три завершающіяся цинтромъ и взаимно одна въ другую углубляющіяся ниши съ просвѣтомъ или безъ просвѣта внутрь церкви. Такія окна шли по фасаду церкви обыкновенно въ два—три ряда, смотря по высотѣ стѣны и высотѣ самыхъ оконъ. Особой формы окна замѣчаются только на церквахъ Басильевской, Золотоверхо-Михайловской и Великой лаврской. О формѣ древнихъ оконъ на церкви Васильевской я уже говорилъ: это—видъ завершающейся полукругомъ и постепенно сужающейся ниши, образующей въ стѣнѣ просвѣтъ въ родѣ расщелины, въ четверть шириною. Въ церкви Золотоверхо-Михайловской по восточнымъ полукружкіямъ и по западной стѣнѣ, равно и по нижнимъ частямъ стѣнъ сѣверной и южной, замѣчаются окна обыкновенной вышеуказанной формы; но въ верхнихъ частяхъ сѣверной и южной стѣнъ (скрытыхъ въ настоящее время подъ кровлею) сохранились окна формы особенной. Между второю и третью пилястрами отъ западныхъ угловъ, подъ дугами нѣкогда соединявшими эти пилястры, на обѣихъ стѣнахъ можно видѣть и въ настоящее время высокое,—въ видѣ одна въ другую углубляющейся и завершающейся цинтромъ ниши,—окно и по сторонамъ его какъ бы двѣ части другаго окна той же формы, но болѣе широкихъ размѣровъ. Такія же окна были очевидно на той же высотѣ и между третью и четвертою пилястрами, т. е. противъ сѣвернаго и южнаго концовъ архитектурнаго креста. Верхняя часть стѣнъ въ этомъ мѣстѣ закрыта въ настоящее время сводами придѣловъ. Но сводъ надъ сѣвернымъ придѣломъ не закрылъ ее вполнѣ, и къ востоку отъ него осталось полуокно означенной формы, заложенное изнутри церкви уже въ позднѣйшее время. Остатокъ подобнаго же тройнаго окна можно видѣть въ верхней части той стѣны Великой лаврской церкви, которая обращена къ церкви Пред-

теченской и гдѣ въ настоящее время расположена лѣстница, ведущая съ хоръ подѣ кровлю ¹⁾). Изъ остальныхъ за тѣмъ особенностей древнихъ фасадовъ кievскихъ церквей, по моему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія красные шиферные карнизы. Осматривая внутренность Софійскаго собора, вы конечно замѣтили, что карнизы такого рода охватываютъ столбы и пилястры и тянутся на стѣнахъ красною лентою по известнымъ, опредѣленнымъ линіямъ. Одна изъ такихъ линій опредѣляется, напр., высотой столбовъ, на которыхъ лежатъ арки, служащія основаніемъ для хоръ, другая—высотой такихъ же столбовъ на хорахъ подѣ верхними сводами, и пр. Наблюдая алтарныя полукружія того же собора съ внѣшней стороны, нельзя не замѣтить соответствующее этому употребленію карнизовъ и по окнамъ снаружи. Почти всюду, гдѣ заканчивается вверху перпендикулярный откосъ окна и начинается завершающая его арочка, выступаетъ изъ откоса красный шиферный карнизъ, выходитъ наружу стѣны и тянется по ней иногда на значительное разстояніе, сливаясь съ подобными же карнизами, выступающими изъ другихъ, лежащихъ на одной съ нимъ линіи, оконъ и перехватывая встрѣчающіяся на пути полуколонки. Подобные же карнизы перехватываютъ верхи столбовъ въ сѣверной и южной аркадѣ собора, и пр. Что такое, а не иное употребленіе карнизовъ не было исключительною фантазією художника, строившаго Софійскій соборъ, а входило вообще въ систему фасадныхъ линій древнихъ кievскихъ церквей, видно изъ того, что остатки подобныхъ карнизовъ въ такихъ же точно мѣстахъ замѣчаются и на другихъ древнихъ церквахъ. Въ Выдубицко-Михайловской церкви, какъ я

1) Окна этого рода затѣчательны тѣмъ, между прочимъ, что дали нѣкоторымъ изъ церквей сѣверо-восточной Россіи общую фасадную форму, какъ наиболее пригодную для островерхой кровли.

замѣчалъ уже, остатокъ такого карниза ясно видѣнъ на одной изъ внѣшнихъ пилястръ тамъ, гдѣ начинается въ ней выемка или что то же—дуга, соединявшая верхъ ея съ верхомъ другой пилястры. Такіе же карнизы видны въ верхнихъ окнахъ западной стѣны той же церкви; причемъ карнизъ, выступивъ изъ-подъ арочекъ одного окна, тянется иногда, какъ и по алтарнымъ полукружіямъ Софійскаго собора, по простѣнку до другаго окна и сливается съ карнизомъ, выступающимъ изъ-подъ арочекъ послѣдняго. Особенно же хорошо сохранился одинъ подобный карнизъ на древней южной стѣнѣ Золото-верхо-Михайловской церкви. Выступая изъ угловой западной пилястры надъ сводомъ нынѣшняго южнаго придѣла, карнизъ этотъ тянется, прерываясь только бывшими просвѣтами заложенныхъ тамъ оконъ, по стѣнѣ и пилястрамъ къ востоку, проходитъ сквозь поднимающіеся къ верху своды придѣла и оканчивается уже внутри послѣдняго у пробитаго въ позднѣйшее время пролета въ стѣнѣ. Судя по этому, я полагаю, что красные шиферные карнизы охватывали въ видѣ лентъ прежде всего верхи пилястръ подъ соединявшими ихъ взаимно арками, а затѣмъ, выступая изъ-подъ арочекъ оконъ, по линиямъ этихъ арочекъ опоясывали не разъ стѣны и пилястры всего зданія.

г) Труднѣе всего по перечисленнымъ мною остаткамъ древнихъ кievскихъ церквей возстановить ихъ первоначальныя *формы кровельныя*. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ даются подкровельными частями Софійскаго собора и состоятъ въ слѣдующемъ. Въ основаніи фонаря подъ главнымъ куполомъ этого собора съ наружной стороны сохранился красивый шиферный карнизъ, охватывающій со всѣхъ сторонъ фонарь и служащій въ тоже время основаніемъ для полуколонокъ, идущихъ вверхъ по гранямъ фонаря. Карнизъ этотъ, не предназначавшійся, очевидно, для того, чтобы быть скры-

тымъ подъ кровлю, возвышается не болѣе, какъ на двѣ-три четверти надъ верхнею частію древнихъ коробовыхъ сводовъ, идущихъ отъ фонаря къ сѣверу, западу и югу. На этомъ основаніи я полагаю, что кровля, покрывавшая эти своды, должна была лежать на нихъ непосредственно, имѣя ту же, какъ они, круглую форму, чтобы подходить подъ означенный карнизъ, а не закрывать его. Наблюдая затѣмъ древнія окна какъ въ главномъ, такъ и въ другихъ куполахъ собора,— окна предназначенныя для освѣщенія внутренности церкви, но впоследствии въ значительной мѣрѣ и числѣ заложеныя, нельзя не замѣтить, что они вообще начинались такъ близко отъ основаній купольныхъ фонарей, что кровля должна была и вообще лежать непосредственно по сводамъ, чтобы оставлять просвѣтъ въ нихъ открытымъ. Тоже нужно сказать и судя по древнему фонарю главнаго купола Михайловской церкви. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ тому же могутъ служить и слѣдующія наблюденія. Всѣ фронтоны, служащіе въ настоящее время опорой для острыхъ двухскатныхъ кровель на нѣкоторыхъ древнихъ кievскихъ церквахъ, представляютъ собою произведеніе позднѣйшаго зодчества, добавлявшееся по мѣрѣ надобности, именно для поднятія кровель; равнымъ образомъ и прямолинейные верхи стѣнъ, условливающіе существованіе четырехскатныхъ кровель на другихъ церквахъ, образовались или вслѣдствіе разрушенія древнихъ сводовъ, или поднятія стѣнъ надъ ними. Между тѣмъ какъ древніе обрѣзы сводовъ по краямъ ихъ надъ наружными стѣнами имѣютъ просто полукруглую форму безъ всякихъ приспособленій къ островерхой кровлѣ. Такими обрѣзами оканчиваются, напр., на древнихъ сѣверной и южной стѣнахъ Софійскаго собора его древніе же своды, идущіе отъ главнаго купола въ ту и другую сторону. Обрѣзъ подобнаго же свода, какъ я замѣчалъ уже, сохранился и на

сѣверной древней стѣнѣ Великой лаврской церкви, и рядомъ съ нимъ—даже другой по направленію къ западу. Обрѣзы эти надъ стѣнами и были тѣми фасадными дугами, которыми завершались наружныя пилястры. Судя поэтому, я полагаю, что древнія кіевскія церкви имѣли кровлю многоскатную, съ закругленіями по сводамъ и фасаднымъ аркамъ (обрѣзамъ сводовъ),—приблизительно такую, какая существуетъ, напр., на московскомъ Успенскомъ соборѣ, или какая придана Дмитріевскому собору во Владимірѣ при его возобновленіи. Кровля Софійскаго собора должна была, впрочемъ, выдѣляться изъ ряда другихъ одною особенностію. Какъ купола его постепенно уменьшались по мѣрѣ удаленія отъ центрального, такъ понижались по мѣрѣ удаленія отъ центра и его древніе своды, но понижались уступами, причемъ болѣе высокіе (болѣе центральные) своды поднимались своими обрѣзами надъ болѣе низкими въ видѣ выступавшихъ надъ послѣдними дугъ. Получался видъ кровли волнообразной, возвышавшей уступами къ центру, нѣчто подобное тому, что замѣчается впоследствии на нѣкоторыхъ церквахъ чисто-русскаго стиля (въ родѣ, напр. церкви «Николая Явленнаго» или «Николая въ столпахъ» въ Москвѣ), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что на кровлѣ Софійскаго собора представлялись встающими одни надъ другими не только арки, но и купола.

д) *Украшеніемъ* древнихъ кіевскихъ церквей служили мозаика и фресковая живопись. Мозаика, какъ извѣстно, сохранилась въ Софійскомъ соборѣ и Михайловской церкви; фресковая живопись покрываетъ стѣны собора Софійскаго же и открывается по древнимъ стѣнамъ церкви Кирилловской, и пр. Употребленіе украшеній этого рода дѣлало излишними въ древнихъ кіевскихъ церквахъ иконостасы, образовавшіеся вообще на востокѣ съ тѣхъ поръ, какъ искусство стѣнной жи-

вописи упало и явилась необходимость замѣнить ее иконами, писанными миниатюрною живописью на деревѣ. Слѣдовъ древнихъ иконостасовъ въ древнихъ кievскихъ церквахъ доселѣ, поэтому, замѣтить не удалось. Осталось только, какъ говорить я, нѣсколько мраморныхъ колоннъ и такихъ же капителей византийской работы при церкви Золотоверхо-Михайловской и въ Лаврскихъ пещерахъ. Есть двѣ такія же колонны и капители и при Софійскомъ соборѣ. Колонны эти могли входить въ составъ такъ называемой алтарной преграды; но вѣроятнѣе—это были колонны алтарныхъ киворіевъ или сѣней надъ престоломъ, безъ которыхъ устройство алтаря въ то время было немисливо.

V.

Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева. ¹⁾

Въ сентябрѣ прошлаго 1878 года двое мѣстныхъ кладовскателей (мѣщанъ) испросили разрѣшеніе произвести поиски на горѣ Кудрявцѣ въ усадьбѣ, принадлежащей митрополитанскому дому и занятой въ настоящее время огородомъ. Мѣстность, обратившая на себя вниманіе мечтателей о зарытыхъ въ землѣ сокровищахъ, дѣйствительно, носитъ на себѣ слѣды въ былыя времена населенной, но потомъ издавна уже опустѣвшей мѣстности. По всему пространству довольно обширной усадьбы почва содержитъ въ себѣ весьма значительную массу кирпичнаго и известковаго щебня, а на мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время жильё огородника, представляетъ такія возвышенія изъ смѣси земли съ щебнемъ, какія могли образоваться только послѣ бывшихъ тамъ въ болѣе или менѣе отдаленное время жилыхъ зданій. Но приманкою для кладовскателей, какъ оказалось, была не мѣстность занятая собственно огородомъ и жильемъ огородника,

1) Напечатано въ журналѣ „Труды Кіевской духовной Академіи“, 1879 г., м. Январь.

а стоявшій въ концѣ огорода на самой окраинѣ выдающейся къ Подолу горы значительнаго объема курганъ. Съ сѣверной, восточной и южной стороны кургана ясно обозначались давнишніе рвы, которыми онъ очевидно былъ нарочито окруженъ. Съ тѣхъ же самыхъ сторонъ по окраинамъ рва росло нѣсколько старыхъ липъ. Въ пяти—шести саженьяхъ къ западу и сѣверо-западу начинался крутой обрывъ ущелья, по которому идетъ такъ называемый вознесенскій (иларіоновскій) спускъ, дѣлающій въ этомъ пунктѣ поворотъ къ Подолу; обрывъ скрывалъ мѣстность кургана отъ всякихъ прохожихъ и проѣзжихъ и придавалъ ей особый характеръ уединенія. Ближайшая обстановка кургана, наводившая на мысль, что въ немъ есть что-то, привлекавшее къ нему въ былыя времена вниманіе, уединенное и вмѣстѣ выдающееся положеніе его на отрогѣ горы, вдвигающемся въ промежутокъ, оставленный двумя другими, въ преданіяхъ знаменитыми кievскими горами—Щекавиною и Уздыхальницею (она же Киселевка, Замковая гора), въ связи съ какими-то темными рассказами о кievскихъ кладахъ, и направили искателей послѣднихъ именно на курганъ. Курганъ былъ разрытъ; но оказался состоящимъ изъ кирпичнаго и известковаго щебня и мусора, отъ времени только закрывшагося сверху наносною пылью и обросшаго дерномъ, а вмѣсто ожидаемаго клада обнаружилъ внутри остатки стѣнъ древняго зданія. Не отдавая себѣ по невѣжеству отчета, какого рода зданію могли принадлежать эти стѣны, любители припасенныхъ дѣдами сокровищъ продолжали углубляться въ разныхъ мѣстахъ внутри опредѣлившагося стѣнами пространства тѣмъ съ большею, и болѣе достойною сожалѣнія—ревностію, чѣмъ менѣе могли объяснить для себя встрѣчу въ стѣнахъ или мусорѣ такихъ предметовъ, какъ каменные продолговатыя плиты изъ

краснаго шифера, и т. п. Все это продолжалось, пока распространившіеся слухи, что найденные остатки зданія должны были по всѣмъ видимостямъ принадлежать церкви, не побудили ихъ прекратить поиски и не засыпать нарочито сдѣланныхъ углубленій.

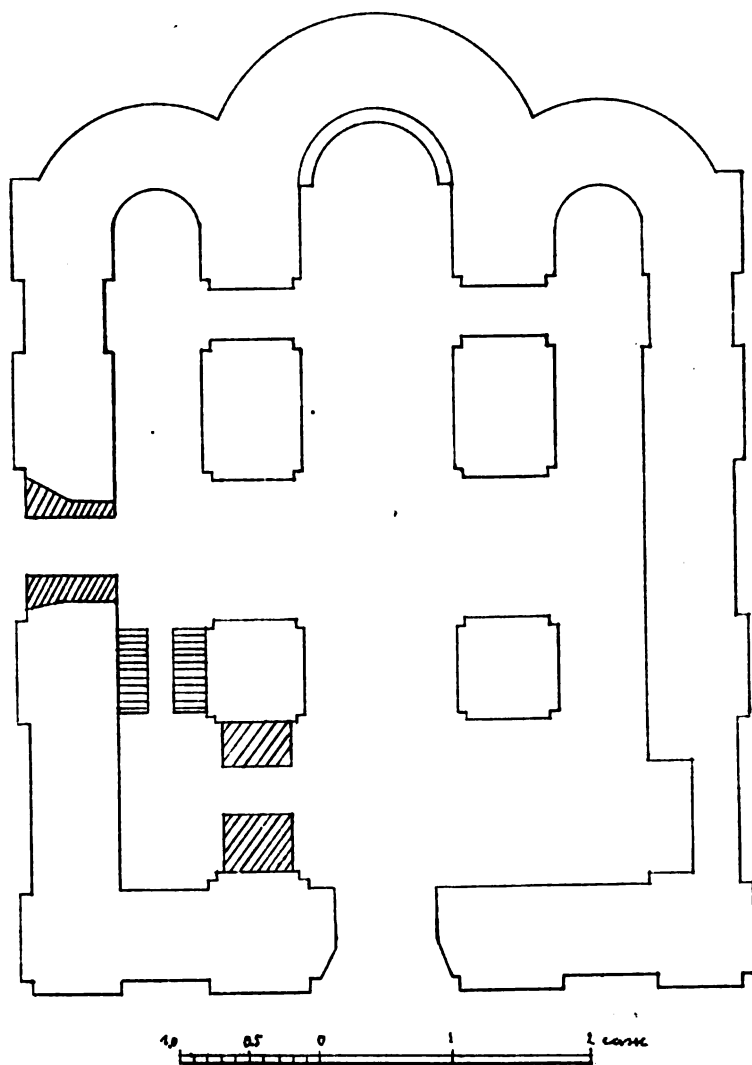
Къ сожалѣнію, до членовъ Церковно-археологическаго общества при Академіи слухи эти дошли слишкомъ поздно. Когда мы явились на мѣсто раскопокъ, работы кладонскателей были уже покончены, найденныя ими плиты изъ краснаго шифера свезены съ мѣста, а курганъ представлялъ собою ровную круглую площадь, имѣвшую въ діаметрѣ около десяти саженой, съ едва замѣтно выступавшими посрединѣ остатками стѣнъ. Кладка стѣнъ, направленіе ихъ линій, свойство щепня, изъ котораго курганъ состоялъ, масса повсюду разбросанныхъ кусковъ стѣнной штукатурки, окрашенной въ различные цвѣта, повсюду также разбросанные обломки краснаго шифера, не оставляли никакого сомнѣнія, что передъ нами былъ курганъ, послужившій могилою одной изъ древнѣйшихъ церквей Кіева. Замѣченные же по всей примыкающей къ нему мѣстности признаки когда-то бывшаго тамъ значительнаго населенія, а особенно рѣдкая и для Кіева красота мѣстоположенія кургана, обставленнаго со всѣхъ почти сторонъ привлекательными видами кіевскихъ горъ, а чрезъ промежутокъ Щекавики и Киселевки представляющаго и широкій видъ на Подоль, Днѣпръ и Заднѣпровье, наводили сами собою на мысль, что погребенная въ этомъ курганѣ церковь не была одною изъ тѣхъ церквей древняго Кіева, которыя заносились въ лѣтонисныя сказанія только счетомъ. Осмотрѣвъ плиты, свезенныя съ мѣста кладонскателями, мы нашли между ними нѣсколько большихъ четырехугольныхъ, употреблявшихся обыкновенно въ кладку древнихъ церков-

ныхъ стѣнъ у основанія сводовъ и арокъ, и своими выпукками образывавшихъ красные шиферные карнизы по стѣнамъ, а двѣ плиты небольшихъ размѣровъ, имѣющихъ круглую форму съ отверстіемъ въ центрѣ, обыкновенно употреблявшихся въ основаніи капителей на колоннахъ или полуколонкахъ древнихъ церквей. Доложивъ объ этомъ открытіи Церковно-археологическому обществу при Академіи, мы, согласно порученію его, произвели во второй половинѣ прошлаго октября, на сколько позволили то условія осенняго времени, подробное обслѣдованіе сохранившихся остатковъ древняго зданія.

Приступая къ раскопкамъ съ своей стороны, мы имѣли сперва нѣкоторыя основанія предполагать, что найдемъ остатки стѣнъ сохранившимися еще до значительной высоты. Уровень, на которомъ онѣ обозначились въ курганѣ, казался возвышающимся отъ полутора до двухъ сажени надъ понижающеюся вокругъ него площадью горы. Въ случаѣ, еслибы остатки стѣнъ оказались имѣющими приблизительно ту же высоту, мы надѣялись найти на нихъ болѣе или менѣе значительные остатки живописи, о которой говорила масса окрашенной штукатурки въ курганѣ. Мы приступили поэтому съ особою осторожностью къ очисткѣ отъ щебня и мусора внутренняго пространства церковнаго зданія, очерченнаго стѣнами, въ предположеніи — принять немедленно мѣры къ прикрытію стѣнъ временною кровлею, если бы на нихъ дѣйствительно обнаружались значительные остатки орнаментовъ. Но этимъ надеждамъ нашимъ осуществиться не было суждено. Скоро мы должны были убѣдиться, что если такіе остатки орнаментовъ и были на стѣнахъ, пока курганъ былъ не тронутъ, то они успѣли исчезнуть подъ лопатами и ломами кладонскателей, изрывшими внутренность церкви осо-

бенно у ея стѣнъ. Все, что мы успѣли открыть при этомъ, ограничилось двумя-тремя незначительными кусками штукатурки, носившими слѣды самага незатѣйливаго орнамента, или въ видѣ лентъ, окаймлявшихъ исчезнувшіе рисунки снизу, какъ въ сѣверномъ алтарномъ полукружій, или въ видѣ двухъ такого же пазначенія цвѣтныхъ полосокъ, проведенныхъ параллельно одна другой и соединенныхъ между собою цвѣтными же зигзагами, или наконецъ въ видѣ незначительныхъ остатковъ рисунка, изображавшаго повидимому растеніе. Да и самыя стѣны церкви оказались уцѣлѣвшими не болѣе, какъ на полтора аршина высоты. Последнее обстоятельство, имѣвшее особенно неожиданный характеръ, показало намъ объяснимымъ только двумя предположеніями: или церковь съ самага начала была заложена на курганѣ, и потому съ самага же начала имѣла фундаментъ выше уровня окружавшей ее мѣстности; или сама окужавшая церковь мѣстность, представляющая собою наклонъ горы, постепенно отъ дождей и стока воды понижалась, оставляя на прежнемъ уровнѣ фундаментъ и стѣны церковныя, плотно прикрытыя изъ нихъ же образовавшимся щебнемъ и мусоромъ. Первое предположеніе подтверждается повидимому тѣмъ, что подъ фундаментомъ церкви, заложеннымъ вообще весьма не глубоко, мы не встрѣчали такъ называемаго материка, а находили только наносную и перемѣшанную съ углемъ землю; равно — и слышаннымъ нами мелькомъ названіи урочища этого «Ольговою могилою» (хотя подобное названіе, слышанное нами изъ устъ простой женщины, могло произойти и независимо отъ первоначальнаго вида мѣстности, гдѣ стояла церковь).

Убѣдившись въ полномъ почти разрушеніи церковныхъ стѣнъ, мы поставили задачей дальнѣйшихъ на мѣстѣ ея раскопокъ возможно точное опредѣленіе плана и размѣровъ церк-

Планъ древней церкви на Кудрявцѣ. Къ стр. 165.

ви и изысканіе тѣхъ или иныхъ данныхъ для разъясненія ея первоначальнаго сооруженія и послѣдующей судьбы. Продолжая очищать отъ щебня и мусора внутреннее пространство бывшей церкви, а отчасти и наружныя стороны остатковъ ея зданія, мы нашли слѣдующее.

Площадь, которую церковь занимала, имѣла видъ продолговатаго прямоугольника, заканчивавшагося тремя полукружїями (абсидами) къ востоку. Въ срединѣ ея сохранились остатки четырехъ столбовъ, служившихъ, очевидно, основаніемъ для бывшаго надъ нею купола. Отъ двухъ изъ этихъ столбовъ къ востоку, оставляя незначительный проходъ, начинались стѣны средняго и боковыхъ алтарныхъ полукружїй, сливавшихся потомъ съ сѣвornoю и южною стѣнами церкви. Затѣмъ, уголъ церкви сѣверо-западный былъ выгороженъ изъ общаго пространства церкви двумя простѣнками, однимъ—отъ сѣверо-западнаго внутренняго столба къ стѣнѣ сѣвornoй, и другимъ—отъ тогоже столба къ стѣнѣ западной, съ узкими посрединѣ дверьми въ обоихъ. Уголъ юго-западный подобной отгородки не имѣлъ. Въ южной стѣнѣ его остались слѣды ниши, имѣвшей въ длину 2 арш. и 10 вершковъ и въ глубину не менѣе аршина. Въ церковь вели снаружи двое дверей, однѣ съ запада, другія съ сѣвера. Порогомъ для послѣднихъ съ наружной стороны служила длинная, вложенная концами въ стѣны плита изъ краснаго шифера. Все пространство, занятое церковію, имѣло сравнительно небольшія размѣры. Внутренность церкви по направленію отъ запада къ востоку едва достигала шести сажени, а отъ сѣвера къ югу—четырехъ.

Обращаясь къ кладкѣ самыхъ стѣнъ, мы нашли фундаментъ ихъ глубиною не болѣе полуаршина. Фундаментъ этотъ заложенъ на слоѣ битаго и залитаго известью кирпича. По-

слѣдній имѣеть также незначительную глубину и лежитъ, какъ замѣчено, на почвѣ наносной, перемѣшанной съ остатками угля и т. п. Какъ подъ фундаментъ и въ фундаментъ, такъ и въ наружныя церковныя стѣны и во внутренніе столбы употребленъ былъ кирпичъ одинаковаго вида. Въ цѣльныхъ образцахъ своихъ кирпичъ этотъ имѣеть семь вершковъ длины на пять вершковъ ширины и вершокъ толщины. Какъ въ фундаментѣ, такъ и въ наружныхъ стѣнахъ и во внутреннихъ столбахъ онъ клался одинаково на толстыхъ слояхъ цемента изъ толченаго кирпича съ известью. Употребленіе въ кладку вмѣстѣ съ кирпичемъ камня подтверждается множественномъ обломковъ краснаго шифера и цѣльными массивными кусками желѣзняка въ щебнѣ какъ внѣ, такъ и внутри пространства, очерчиваемаго стѣнами церкви. Но отъ кладки фундамента, наружныхъ стѣнъ и внутреннихъ столбовъ церкви рѣзко отличалась кладка тѣхъ простѣнковъ, которыми заложены были пролеты между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣверною стѣною съ одною стороны, и тѣмъ же столбомъ и западною стѣною съ другою, и которые, какъ замѣчено, выгораживали изъ общаго пространства церкви ея сѣверозападный уголъ. Первый изъ этихъ простѣнковъ сложенъ изъ того же кирпича, какъ и стѣны наружныя, столбы и фундаментъ, но сложенъ не на цементѣ, а на обыкновенной известковой подмазкѣ; а второй простѣнокъ, между сѣверозападнымъ столбомъ и западною стѣною, сложенъ не только на обыкновенной известковой подмазкѣ, но и изъ кирпича совершенно особой формы. Послѣдній кирпичъ имѣеть въ длину шесть вершковъ, какъ и кирпичъ теперешній, но въ ширину не болѣе $2\frac{2}{3}$ вершковъ, а въ толщину не менѣе $1\frac{2}{3}$ вершка. Сверхъ того каждый кирпичъ, имѣя съ одной стороны свою широкую поверхность гладкою, съ другою пред-

ставляетъ на этой поверхности продольныя желобчатыя полосы, образовавшіяся очевидно отъ очистки сырой массы кирпича пальцами при ручной отдѣлкѣ его формы до обжога.

Оба эти простѣнка, а особенно второй изъ нихъ, послужили для насъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ церковію, подвергавшеюся исправленіямъ въ періодъ сравнительно позднѣйшій послѣ ея первоначальнаго сооруженія. И исправленія эти, по всѣмъ видимостямъ, не должны были ограничиваться добавленіемъ упомянутыхъ простѣнковъ. Въ массѣ щебня, образовавшаго изъ зданія церковнаго курганъ, кирпичъ вышеуказанной формы встрѣчается въ такомъ огромномъ количествѣ, котораго далеко не могъ дать одинъ небольшой простѣнокъ. Это новое обстоятельство дало нашимъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ особое направленіе. Не теряя изъ виду разъясненія первоначальнаго сооруженія церкви, мы въ тоже время старались по возможности обследовать свойство и характеръ ея позднѣйшихъ исправленій.

Поэтому, опредѣливъ предполагаемый первоначальный горизонтъ пола церковнаго по углубленію наружныхъ стѣнъ и началу ихъ фундамента, мы начали постепенную очистку внутренняго пространства церкви съ мыслию найти въ ней остатки ея первоначальнаго или позднѣйшаго пола. Долго при этихъ работахъ мы имѣли дѣло только съ мусоромъ, перерытымъ кладочискателями. Но когда дошли до нетронутой ими почвы, нашли поверхъ предполагаемаго горизонта первоначальнаго церковнаго пола два совершенно ясно различаемые пласта, состоящіе изъ мельчайшаго щебня, золы, угля и разнаго рода наносной земли, а надъ этими слоями, на горизонтѣ значительно вышемъ, сохранившіеся остатки пола позднѣйшаго. Полъ этотъ оказался состоявшимъ изъ квадратныхъ плитокъ

разноцвѣтной цѣнины (нѣсколько болѣе $3\frac{1}{2}$, вершковъ длины и ширины и менѣе $\frac{1}{2}$, вершка толщины), уложенной на обыкновенной известковой подливкѣ въ шахматномъ порядкѣ. Прежде всего такой полъ обнаружился между сѣверо-восточнымъ и сѣверо-западнымъ церковными столбами; но когда мы стали раскрывать его по направленію къ самой срединѣ церкви (внутреннему между четырьмя столбами [пространству]), встрѣтили вмѣсто него только мельчайшіе кусочки цѣнины, какъ бы иструженной и вбитой въ землю обрушившеюся на цѣнинный полъ огромною, твердою и тяжелою массою. Затѣмъ остатки цѣниннаго же пола и на томъ же самомъ уровнѣ мы нашли и между юго-восточнымъ и юго-западнымъ столбами, но отличающіеся характерною особенностію. Въ ту пору какъ полъ между сѣверо-восточнымъ и сѣверо-западнымъ столбами былъ набранъ изъ плитокъ цѣнины болѣе или мѣнѣе цѣльныхъ, полъ между юго-восточнымъ и юго-западнымъ столбами состоялъ исключительно изъ кусочковъ цѣнинныхъ плитокъ разнообразной величины и формы. Не встрѣтивъ подъ этимъ поломъ никакихъ остатковъ пола древняго, а въ немъ самомъ встрѣтивъ матеріалъ очевидно набранный изъ подобнаго прежде существовавшаго пола, мы не могли не прійти къ заключенію, что въ найденныхъ остаткахъ мы имѣли остатки пола древнѣйшаго, но впослѣдствіи поднятаго гораздо выше первоначальнаго его горизонта.

Такъ какъ открытіе стѣнъ съ наружной стороны требовало издержекъ и времени, превышавшихъ тѣ средства и то время, которыми мы располагали, то мы ограничились очисткою наружной сѣверной стѣны, въ которой нашли, какъ замѣчено, слѣды дверей. Произведши эту очистку, мы и на этихъ дверяхъ нашли несомнѣнные признаки позднѣйшаго исправленія. Исправленіе это состояло въ подъемѣ порога и въ

обкладкѣ откосовъ дверныхъ съ той и другой стороны. Въ поправку также былъ употребленъ упомянутый выше позднѣйшій кирпичъ и обыкновеннаго приготовленія известъ. Исправленныя такимъ образомъ двери имѣли порогъ значительно выше, а пролетъ значительно уже первоначальныхъ.

При всѣхъ раскопкахъ, какія нами были произведены, мы обращали постоянное вниманіе на возможную встрѣчу въ землѣ и мусорѣ тѣхъ или иныхъ остатковъ церковныхъ орнаментовъ или утвари и другихъ предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе или способныхъ дать такія или другія указанія на прошлое церкви. Но всѣ находки наши въ этомъ отношеніи ограничились слѣдующимъ. Очищая внутреннее пространство церкви, мы, пока имѣли дѣло съ мусоромъ и землею уже изрытыми кладовщиками, находили въ значительномъ количествѣ только разбросанныя человѣческія кости, черепки отъ глиняныхъ сосудовъ и въ одномъ мѣстѣ изъ—ѣденный ржавчиною желѣзный ножъ; въ слояхъ же нетронутыхъ кладовщиками и лежавшихъ вообще глубже позднѣйшаго пола нашли нѣсколько кусковъ растопленнаго и перемѣшаннаго съ углемъ олова, мѣдный небольшой кусокъ разбитаго колокола, небольшой же мѣдный крючекъ и окиси желѣза, потерявшаго опредѣленную форму. При очисткѣ ниши въ юго-западномъ углу церкви мы нашли на днѣ ея остатки человѣческаго костяка, лежавшаго головою къ западу и какъ бы вросшаго въ покрывавшую дно известъ, но только—остатки, и при нихъ никакихъ вещей или украшеній. При очисткѣ сѣверной церковной стѣны снаружи мы встрѣтили въ мусорѣ красную шиферную бусу, а у фундамента стѣны двѣ спаянныя вмѣстѣ тонкія полоски олова. Постоянно и повсемѣстно мы встрѣчали только массу кусковъ раскрашенной въ разные цвѣта штукатурки; но встрѣчая на нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣды линій, которыя мы могли бы признать за складки одеждъ

въ лицевыхъ изображеніяхъ или за изображенія лучей вокругъ тѣхъ или иныхъ предметовъ, мы не встрѣтили ни одного куска, который носилъ бы признаки изображенія лица. Постоянно также мы встрѣчали слѣды пожара, которому церковь подвергалась, повидимому, неоднократно. Находили мы большіе куски угля у стѣнъ церковныхъ внутри глубже позднѣйшаго церковнаго пола; находили куски обугленнаго дерева и выше его. Между прочимъ, изслѣдывая сѣверныя церковныя двери и нашедши въ нихъ вмѣсто порога съ наружной стороны вложенную въ стѣны длинную плиту изъ краснаго шифера, со внутренней стороны мы нашли этотъ порогъ состоявшимъ изъ соответствующей толщины деревянной доски. При позднѣйшемъ подъемѣ порога новыми слоями кирпича одинаково были заложены обѣ его части. Но въ томъ видѣ, въ какомъ порогъ мы нашли, край деревянной его части изнутри церкви оказался обугленнымъ, но остальное дерево не сгорѣвшимъ, а согнившимъ; такое обугленіе могло произойти только при пожарѣ позднѣйшемъ, когда дерево первоначальнаго порога было уже скрыто въ стѣнѣ.

Сводя собранныя такимъ образомъ изъ раскопокъ данныя и сопоставляя ихъ съ извѣстными намъ особенностями древнихъ и позднѣйшихъ сооруженій Кіева, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Церковь, остатки которой скрывались до настоящаго времени въ холмѣ, образовавшемся изъ ея же собственныхъ развалинъ, по своей первоначальной постройкѣ принадлежитъ несомнѣнно къ древнѣйшему періоду исторіи Кіева. Построена она была по общему плану небольшихъ церквей древняго Кіева, каковы: Васильевская (нынѣ Трехсвятительская), Успенская на Подолѣ, Троицкая на св. воротахъ лаврскихъ и Предте-

ченская при Великой лаврской церкви. По размѣрамъ употребленнаго въ кладку ея кирпича, она ближе другихъ подходитъ къ церкви Васильевской (тоже—Трехсвятительской). Не смотря на скромные свои размѣры, она была построена лицомъ, предполагавшимъ имѣть въ ней усыпальницу для себя или членовъ своей фамиліи. Ниша въ югозападномъ углу церкви, очевидно, была предназначена принять кости основателя церкви, какъ предназначались къ тому же подобныя ниши и въ другихъ древнихъ церквахъ, напр. Золотоверхо-Михайловской, и проч. Придавъ церкви подобное назначеніе, строитель не щадилъ до извѣстной степени издержекъ на ея украшенія. Въ постройку ея, какъ и въ постройку другихъ церковей древняго Кіева, сооруженныхъ князьями, кромѣ матеріала мѣстнаго, кирпича и камня, въ значительной массѣ шель матеріаль привозной—красный шиферъ, употребленіе котораго въ сооруженія едва ли не превышало средства частныхъ лицъ. Значительные остатки цѣнныя, какъ настилки половой, куски расплавленнаго олова, какъ вѣроятные остатки олова кровельнаго, служатъ также указаніемъ на значительную цѣнность первоначальнаго сооруженія.

Но принадлежа по своей первоначальной постройкѣ къ древнѣйшимъ и лучшимъ церквамъ Кіева, церковь эта по тому послѣднему виду своему, въ какомъ застало ее разрушеніе, принадлежитъ несомнѣнно періоду уже послѣ—татарскому. Разгромъ татарскій оставилъ ее, очевидно, въ полномъ опустѣніи, и оставилъ не на короткое время. Закладка пролетовъ между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣвernoю и западною стѣнами церкви, стѣснявшая и безъ того не просторную внутренность церкви, могла быть вызвана только необходимостію поддержать арки или своды церковныя, грозившіе паденіемъ въ зданіи, долго находившемся въ заброшенномъ состояніи. На такое же долгое временное состояніе запустѣнія ука-

зываетъ и позднѣйшая обкладка дверныхъ откосовъ, съ поднятіемъ двернаго порога и пола церковнаго вообще, и проч. Сверхъ того, очищая отъ мусора внутренность церкви, мы нашли въ одномъ мѣстѣ у южной ея стѣны (нѣсколько западнѣе пролета между нею и юговосточнымъ столбомъ) нѣсколько рядовъ кирпича позднѣйшей формы сложенныхъ на извести такъ, какъ бы и въ томъ мѣстѣ была дана особая подпора церковному своду или контрфорсъ стѣнѣ. Употребленіе же въ простѣнкѣ между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣверною стѣною кирпича древней формы на обыкновенной известковой подмазкѣ служить указаніемъ, что за упомянутый періодъ своего запустѣнія зданіе церковное успѣло не только повредиться, но и обрушиться въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ. Кирпичъ этотъ могъ быть набранъ только изъ такихъ частей. А что разрушеніе его было весьма значительно, видно изъ весьма значительной массы кирпича позднѣйшей формы, потребовавшейся и употребленной для исправленія церкви вообще.

При этомъ исправленіи церковь потеряла между прочимъ и большую часть пилястръ, выступавшихъ изъ стѣнъ ея внутрь по линіямъ ея внутреннихъ столбовъ, и получила ту раскраску, и разрисовку, слѣды которой такъ многочисленны на кускахъ оставшейся отъ ней штукатурки. Кромѣ общаго характера этой раскраски и разрисовки, говорящаго не о древнемъ русско-византійскомъ вкусѣ, сравнительно-позднѣйшее происхожденіе ихъ доказывается на нашъ взглядъ весьма просто тѣмъ, что кусокъ штукатурки съ такою разрисовкою былъ найденъ нами на простѣнкѣ между сѣверозападнымъ столбомъ и сѣверною стѣною,—простѣнкѣ позднѣйшей кладки. Церковь при томъ была окрашена и разрисована, повидимому, не только изнутри, но и снаружи. Подтверженіемъ этому послужили для насъ куски окрашенной штукатурки, которые мы нахо-

дили одинаково при очисткѣ стѣнъ какъ внутри, такъ и снаружи, и находили въ такихъ углубленіяхъ стѣнъ наружныхъ, куда они никакъ не могли попасть изъ внутреннихъ частей церкви. Подобную, наружную раскраску и разрисовку церквей мы считаемъ даже отличительною принадлежностію мѣстнаго вкуса извѣстнаго времени. Слѣды ея мы находили на Великой лаврской церкви. На древней южной стѣнѣ этой церкви, отчасти входящей въ нынѣшній южный ея придѣлъ, отчасти же поднимающейся надъ послѣднимъ и скрывающейся подъ кровлею, сохранилось именно подъ кровлею въ наружномъ оконномъ углубленіи (нишѣ) и до настоящаго времени цвѣтное изображеніе растенія, какъ кажется намъ, весьма сходное по краскамъ и кисти съ тѣми, слѣды которыхъ мы замѣчали на нѣкоторыхъ кускахъ штукатурки разсматриваемой нами церкви.

Но когда именно производилось исправленіе послѣдней, съ точностію предѣлнить трудно. Впрочемъ мы едва ли ошибемся, если отнесемъ его къ самымъ первымъ временамъ послѣ-татарскаго періода. Такъ называемая нами позднѣйшая форма кирпича, употребленнаго при этомъ исправленіи, должна быть на дѣлѣ признана древнѣйшею формою кирпича, вошедшаго въ употребленіе въ періодъ послѣ-татарскій. Мы не встрѣчали ее ни въ какихъ извѣстныхъ поправкахъ, надстройкахъ и пристройкахъ древнихъ кievскихъ церквей, которыя производились съ XVI столѣтія.

Реставрированная въ періодъ послѣ—татарскій, церковь подверглась новому и послѣднему опустошенію огнемъ и обратилась затѣмъ въ развалины. Когда постигло ее это окончательное разрушеніе, по тѣмъ даннымъ, какія представляютъ самыя развалины, судить, разумѣется, трудно; но несомнѣнно, что это случилось во времена еще не слишкомъ отъ насъ отдаленныя. Рвы, которыми благочестивое чувство нашихъ пра-дѣдовъ нашло необходимымъ оградить разрушавшуюся святыню, еще не успѣли засыпаться. Не усохли или по крайней мѣрѣ

не выродились еще и тѣ липы, которыя окружали ее во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ изъ нея развалинѣ образовался простой курганъ. Но все же случилось это во времена достаточно отдаленныя отъ насъ для того, чтобы память о церкви ускользнула изъ живаго народнаго преданія. Кромѣ упомянутаго мимоходомъ названія мѣста «Ольговокъ могилю», намъ не удалось подслушать никакого преданія о церкви, кромѣ повторявшихся на разные лады нашихъ же собственныхъ о ней предположеній.

Первымъ предположеніемъ, къ которому мы пришли при начальномъ еще осмотрѣ кургана съ открывшимися въ немъ развалинами, было то, что въ этихъ развалинахъ мы встрѣтимъ именно остатки церкви св. Симеона въ такъ называемомъ «Копыревѣ концѣ» древняго Кіева. Основаніемъ для такого предположенія служила намъ самая мѣстность, въ какой находилась церковь.

Вопреки мнѣніямъ—Берлинскаго, отводившаго Копыреву концу мѣсто въ нынѣшней Плоской части Подола противъ Юрковицы,—Закревскаго, утверждавшаго, что мѣстность этого имени должна была находиться въ промежуткѣ горъ Щекавики и Киселевки, гдѣ соединяется Глубочица съ Кожемяками,—мы думаемъ, что Копыревъ конецъ, лежавшій какъ думали и они съ сѣверной стороны древняго Кіева по пути къ нему изъ Вышгорода, лежалъ не передъ Подоломъ и не на Подолѣ, а на горѣ передъ Кіевомъ нагорнымъ, и не на Вздыхальницѣ вблизи нынѣшней Андреевской церкви, а западнѣе Вздыхальницы подлѣ древнихъ Жидовскихъ, впоследствии—Львовскихъ воротъ, отъ выхода изъ нихъ вправо. Свое мнѣніе мы выводимъ изъ сказаній лѣтописи Ипатьевской или Кіевской о походѣ на Кіевъ Всеволода Ольговича, о погребеніи Игоря и объ оборонѣ Кіева противъ наступавшаго на него со стороны Лыбеди Юрія Долгорукаго. Находимъ подтвержденіе ему и въ сказаніяхъ той же

лѣтописи о смерти Изяслава Давидовича и лѣтописи Лаврентіевской о взятіи Кіева Романомъ Галицкимъ.

Подъ 1140-мъ годомъ лѣтопись Ипатьевская говоритъ: *Пойде Всеволодъ Ольговичъ изъ Вышегорода къ Кыеву, изрядивъ полкъ, и пришедъ ста у города въ Копыревъ конци, и нача зажигати двory, иже суть предъ городомъ въ Копыревъ конци, мѣсяца марта въ 4 день; а Вячьславъ противу не изиде, и пр.* Буквальный смыслъ словъ: *ста у города въ Копыревъ конци*, даетъ видѣть, что стоя въ Копыревомъ концѣ, Всеволодъ стоялъ у самыхъ стѣнъ или валовъ нагорнаго Кіева, собственно—города, и тамъ именно жегъ прилежавшіе къ стѣнамъ или валамъ двory, а не на Подолѣ между Щекавикою и Кисилевкою, и еще мѣнѣе—передъ Подоломъ противъ Юрковицы. Слова лѣтописца, что *Вячьславъ противу не изиде*, объясняютъ достаточно, какимъ образомъ Всеволодъ, перейдя свободно Подолъ (если шолъ черезъ Подолъ), могъ сразу занять такое положеніе у самыхъ стѣнъ нагорнаго Кіева. Далѣе подъ 1147 годомъ, рассказавъ объ убіеніи кіевлянами Игоря Ольговича, свезеннаго затѣмъ на Подоліе и брошеннаго на торговищи, таже лѣтопись о погребеніи его говоритъ: *И повелъ тысяцкой взяти Игоря, и взявши и положиши въ церкви св. Михаила... Субботъ же свитающы, посла митрополитъ игумена Онанью святаго Теодора; и пріѣха игуменъ, и видѣ нагого, и облече и, и отпъ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе на конецъ града, въ монастырь святому Семеону (бъ бо монастырь отца его и дѣда Святослава) тамо положиши.* А подъ 1150 годомъ таже лѣтопись добавляетъ: *Въ тоже время Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего Игоря, отъ святаго Семена, изъ Копырева конца, въ Черниговъ, и положиши у святаго Спаса въ теремъ.* Называя такимъ образомъ Копыревъ

конецъ концемъ *града*, а не *Подолія*, и представляя гѣло убитаго князя взятымъ и увезеннымъ съ *Подолія*, лѣтопись даетъ ясно видѣть въ Копыревомъ концѣ мѣстность нагорнаго Кіева, но только такую, которая была оставлена внѣ района окружавшихъ его стѣнъ или валовъ. Затѣмъ изъ свидѣтельства той же лѣтописи подъ 1121 годомъ видно, что въ Копыревомъ концѣ, кромѣ церкви или монастыря св. Семеона, существовала еще церковь св. Іоанна. А подъ 1151-мъ годомъ, описывая оборону Кіева противъ Юрія Долгорукаго, наступавшаго со стороны Лыбеди, лѣтопись представляетъ расположеніе оборонявшихся въ такомъ порядкѣ: *Якоже идуща Вячьславъ (въ Кіевъ для его защиты), Изяславъ не ходяща въ городъ, ста товары передъ Золотыми вороты у Язины, а Изяславъ Давыдовичъ ста межи Золотыми вороты и межи Жидовскими противу Бориславлю двору, а Ростиславъ съ сыномъ своимъ Романомъ ста передъ Жидовскими вороты, и многое множество съ ними, а Городеньскій Борисъ у Лядьскихъ воротъ, Кіяне же вѣми своими силами, и на коньхъ и пѣши и тако стаща, а промежи князи стмо стаща отъ Вячьслава, отъ Изяслава поправу, оли до Изяслава и Ростислава, а отъ Ростислава оли до Олговы могилы, а полъву Вячьслава и Изяслава оли до Лядьскихъ воротъ; и тако стаща около всего города многое множество. И отъ Торчинъ же и Володимеръ приде... Вячьславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повельшиа Володимиру пойти съ Беренди, и съ вѣжами и съ стады ихъ пойти къ Олговъ, и стаща межи дебрми отъ Олговы оли и въ огородъ святаго Іоанна, а стмо оли до Щковицъ, а Коуевъ и Торчи и Печеньзи туда стаща отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядьскихъ воротъ, а оттол оли и до Клова и до Берестоваго и до Угорьскихъ*

воротъ и до Днѣпра. Хотя лѣтопись такимъ образомъ и не называетъ Копырева конца, но очевидно включаетъ его въ линію обороны Кіева съ сѣверной стороны, вправо отъ воротъ Жидовскихъ, когда говоритъ о кіевлянахъ, ставшихъ *стмо... направу... отъ Ростислава* (стоявшаго передъ Жидовскими воротами) *оли и до Ольгови могилы*; потому что Берендѣямъ за ними отводитъ проходы между дебрями, начиная отъ Ольговой могилы до огорода церкви св. Іоанна въ Копыревомъ концѣ, а по направленію къ Подолу — до самой Щекавики. Щекавика, очевидно, уже позади Копырева конца, была такимъ же послѣднимъ пунктомъ обороны Кіева съ сѣверо-востока, какими были Угорскія ворота и Днѣпръ съ юго-восточной его стороны. Послѣ, подъ 1162 годомъ Ипатьевская же лѣтопись, рассказывая о бѣгствѣ Изяслава Давидовича отъ Бѣлгорода къ Кіеву и о пораженіи его войскъ, настигнутыхъ Торками на Желани, смерть его описываетъ такъ: *Изяслава же постигша ко озерамъ въздяча въ борокъ, и постиже и Воиборъ Негечевичъ и стче по главъ саблю... и ту летъ съ коня, и взявъ и Мстиславъ ле жива посла въ монастырь къ святому Семену, еже естъ въ Копыревъ конци*, и пр. Копыревъ конецъ съ монастыремъ святаго Симеона такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ является мѣстностію ближайшею и самую сподручною для подступившаго къ Кіеву съ бѣлгородской дороги Мстислава, куда онъ могъ, не вступивъ еще въ самый Кіевъ, перенести смертельно раненнаго князя; какимъ конецъ этотъ и былъ, если лежалъ передъ Жидовскими воротами отъ выхода пзъ нихъ вправо, или для подступающаго къ нимъ со стороны бѣлгородской дороги влѣво. Наконецъ, полъ 1202 годомъ лѣтопись Лаврентьевская о взятіи Кіева Романомъ Галицкимъ говоритъ: *И пха на борзъ со встми полкы къ Къеву Романъ, и отвориша ему Къяме ворота*

Подольская въ Копыревъ конци, и взяха въ Подолье, и посла на гору къ Рюрикови и ко Ольговичамъ, и води Рюрика къ кресту и Ольговичъ, и т. д. На этотъ разъ Копыревъ конецъ является мѣстностію, чрезъ которую съ той же бѣлгородской дороги, помимо нагорнаго укрѣпленнаго Кіева, легко было проникнуть на Подоль, въ которой находились и ворота, охранявшія путь къ послѣдному съ той стороны.

Въ виду всѣхъ этихъ, на нашъ взглядъ совершенно ясныхъ, указаній на мѣстоположеніе древняго Копырева конца относительно нагорнаго Кіева и Подола, единственное мѣсто, къ которому онъ можетъ быть приуроченъ, представляетъ собою позднѣйшій Кудрявецъ. Находясь внѣ района валовъ и стѣнъ древняго нагорнаго Кіева, онъ представляетъ собою со стороны Вышгорода и Подола единственно удобный подступъ къ Кіеву нагорному, давая нападающему сравнительно большую возможность развернуть на горѣ передъ его стѣнами свои силы; въ то же самое время онъ единственно представлялъ собою и прямой путь на Подоль со стороны Лыбеди и Бѣлгорода по дорогѣ, которая еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, начинаясь между Шекавиною и Кисилевкою и поднимаясь по балкѣ между отрогами Кудрявца, входила на гору противъ Львовскихъ воротъ и направлялась далѣе къ западу. Какъ такая мѣстность, Кудрявецъ именно долженъ былъ играть ту роль въ нападеніяхъ на Кіевъ и въ оборонахъ Кіева, какая приписывалась лѣтописными сказаніями Копыреву концу. И если такіе почтенные изслѣдователи мѣстной старины, какимъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, не узнавали Копырева конца въ Кудрявцѣ, то виною тому были не лѣтописныя упоминанія о

Копыревомъ концѣ, а позднѣйшія свидѣтельства о бывшей въ этомъ концѣ церкви св. Симеона.

Въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ о Кіевѣ названіе Копырева конца исчезаетъ вовсе (если названіе части Кудрявца—*Копцы* не считать сокращеніемъ—*Копырицы*, и не видѣть въ немъ искаженія древняго названія той мѣстности). Но бывшая въ томъ концѣ церковь св. Симеона упоминается, какъ существовавшая еще, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія. О ней говоритъ какъ о существовавшей въ его время, въ 1638 году, Кальнофойскій, и на своемъ планѣ, приложенномъ къ Тератургимѣ, представляетъ ея рисунокъ. Объ ней упоминается, какъ о существующей, въ житіи св. Владимира, произведеніи XVII-го же вѣка, помѣщенномъ въ Пчелѣ, извѣстной по списку, сдѣланному въ Крупичь-Полѣ 1679 года. Эти послѣднія свидѣтельства о церкви св. Симеона, высказанныя безъ всякихъ притязаній на какую нибудь топографическую въ отношеніи мѣстности Кіева отчетливость, и создали неразрѣшимыя затрудненія для тѣхъ изслѣдователей, которые думали въ нихъ видѣть именно послѣднюю.

Въ своей Тератургимѣ Кальнофойскій, какъ извѣстно, оставилъ описаніе Лавры, находившагося противъ нея монастыря Вознесенскаго и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, лежавшихъ отъ ней по направленію къ тогдашнему Кіеву (*ажъ до самого Кііова*). Для большей ясности онъ приложилъ къ этому описанію нѣчто въ родѣ плана, на которомъ начертилъ, какъ умѣлъ, наружный видъ мѣстностей и зданій, о которыхъ въ описаніи говорилъ. Пока дѣло шло о Лаврѣ и мѣстностяхъ ближайшихъ къ ней, Кальнофойскій по своему еще заботился о топографической отчетливости, употребляя въ описаніи выраженія: *влѣво, вправо, взадъ, троха взадъ*, и т. п. и давая соотвѣтственную тому разстановку

рисункамъ зданій и направленіе черточкамъ, долженствовавшимъ изображать тропинки и дороги на планѣ. Но и при этомъ уже полное незнакомство его съ правилами съемки мѣстностей обнаруживается наглядно помѣщеніемъ на планѣ монастыря Николая Пустыннаго непосредственно подлѣ Лавры подлѣ обрывомъ горы отъ Спасской церкви къ Днѣпру. Когда же потомъ, продолжая описаніе, Кальнофойскій доходитъ до валовъ, окружавшихъ старый Кіевъ, чрезъ который шла дорога къ Подолу, собственно-тогдашнему *Кіеву*, свои незатѣйливыя топографическія указанія: *вправо, влево, позади* и т. д., онъ бросаетъ вовсе, а начинаетъ просто пересчитывать сохранившіяся тамъ до его времени древнія церкви, повидимому, въ порядкѣ сравнительной величины ихъ, называя церкви: св. Софіи, архангела Михаила, св. Феодора, св. Василія и Десятинную. Объ отводѣ же этимъ церквамъ соответствующаго взаимнаго положенія на планѣ онъ заботился еще менѣе, ограничиваясь кое-какимъ изображеніемъ наружнаго ихъ вида, но разставляя рисунки ихъ какъ дозволялъ свободный уголокъ листка, помѣщая напримѣръ церковь архангела Михаила между церковію Софійскою и Десятинною къ сѣверозападу, и т. п. Большую сравнительно заботливость о топографической отчетливости Кольнофойскій обнаруживаетъ снова, когда доходитъ до церкви св. Симеона и говоритъ затѣмъ о спускѣ на Подолъ. «Церковь св. Симеона, говоритъ онъ, надъ самымъ Кіевомъ, а прочія лежатъ подъ холмами, кажется на вѣкъ погребены; отъ нихъ воротами мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, внизъ съѣздъ до жалостнаго Кіева (Подола), который въ нынѣшнемъ состояніи едва-ли достоинъ своего древняго имени», и пр. Соответственно этому и на планѣ своемъ онъ представляетъ церковь св. Симеона стоящею на холмѣ, надъ обрывомъ, между двумя воротами,

ведшими изъ стараго Кіева къ сторонѣ Подола, и чертитъ дорогу, спускавшуюся отъ однихъ изъ этихъ воротъ къ Подолу. Но эти ворота и этотъ спускъ къ Подолу являются на его планѣ уже прямо обращенными къ Печерску, а самый Подоль лежащимъ почти въ смежности съ монастыремъ Пустынно-Николаевскимъ. Такой характеръ оставленнаго Кальнофойскимъ описанія и плана Кіева его времени не отнимаетъ у нихъ въ извѣстномъ отношеніи весьма важнаго значенія для изученія мѣстной старины. Для ознакомленія съ наружнымъ видомъ и расположеніемъ Лавры, напр., монастыря Вознесенскаго, церкви Спасской и окружавшихъ ее дворовъ въ первой половинѣ XVII-го вѣка, описаніе Кальнофойскаго и планъ его составляютъ безспорно драгоцѣнный источникъ. Какъ ни кратки и неопредѣленны и другія указанія его на мѣстности и древнія зданія стараго Кіева, и какъ ни грубы представленныя имъ на планѣ рисунки послѣднихъ, они во многихъ отношеніяхъ служатъ ничѣмъ не замѣнимыми пособіями при изученіи кіевскихъ древностей. Но пользуясь описаніемъ и особенно—планомъ Кальнофойскаго, необходимо не выпускать изъ виду упомянутого характера ихъ. Разъ забывъ о немъ и вообразивъ встрѣтить на планѣ во всѣхъ его частяхъ такую же по крайней мѣрѣ топографическую отчетливость, съ какою представлена на немъ Лавра, мы должны были бы, напр., древней Десятинной церкви отвести приблизительно мѣсто нынѣшняго католическаго костела, церкви св. Феодора—Крещатицкой площади, воротамъ на Подоль — средину нынѣшняго Александровскаго спуска, а церкви св. Симеона — мѣсто памятника надъ нимъ св. Владиміра; мѣсто самаго же Подола или Кіева времени Кальнофойскаго искать на мѣстѣ Днѣпра ниже нынѣшняго Подола. Бьющая въ глаза нелѣпость подобныхъ выводовъ не могла, разумѣ-

тся, не воздержатъ отъ нихъ сколько нибудь серьезныхъ изслѣдователей мѣстной старины. Никто изъ нихъ плану Кальнофойскаго слѣпо не довѣрялся. И покойный М. А. Максимовичъ, какъ замѣтилъ мы, хотя и не отнесъ, руководясь между прочимъ Кальнофойскимъ, мѣстности Копырева конца и церкви Симеона къ сѣверу отъ стараго Кіева и западу отъ Подола, приурочилъ однакоже ее къ Вдыхальницѣ,—искалъ сѣвернѣе того мѣста, къ которому долженъ бы приурочить, если бы довѣрился исключительно плану Кальнофойскаго.

Другое позднѣйшее свидѣтельство о церкви св. Симеона читается, какъ сказали мы, въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ Пчелѣ. Тамъ о св. Андрѣ Первозванномъ говорится: «Пришедши на горы Кіевскіи, благослови въ ихъ, и крестъ святой на нихъ, гдѣ теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ.» Само по себѣ это свидѣтельство мѣстности, въ которой стояла церковь св. Симеона, не опредѣляетъ, а опредѣляетъ этою мѣстностію, какъ извѣстною всѣмъ и каждому, мѣсто водруженія креста апостоломъ Андреемъ. Но для покойнаго Максимовича оно явилось опредѣляющимъ мѣсто и самой церкви св. Симеона по сопоставленію съ другими сказаніями о мѣстѣ водруженія св. Андреемъ креста на горахъ Кіевскихъ. Лѣтопись Густинская, напр., говоритъ, что св. Андрей *крестъ... водрузи недалеко нынѣшней брамы отъ полудня*. А лѣтописецъ южнорусскій говоритъ: *Вшедши (св. ап. Андрей) на гору, подлѣ которой теперь брама Кіевская стоитъ, и церковь Воздвиженія крести святого, благословилъ и крестъ поставилъ* (Синописецъ также... *и крестъ водрузи на мѣстѣ, идѣже по семъ церковь Воздвиженія Креста Господня сооружися*). Такъ какъ въ этихъ свидѣтельствахъ мѣсто водруженія св. ап. Андреемъ креста приурочивалось прямо къ нынѣшнему Андреевскому отдѣленію стараго Кіева: то покойный Максимовичъ и

счелъ себя въ правѣ приурочить именно туда и Копыревъ конецъ съ церковью св. Симеона.

Но если въ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами позднѣйшихъ свидѣтельствахъ о церкви св. Симеона не искать болѣе того, что ими дѣйствительно дается, мы не найдемъ въ нихъ основаній, почему бы открытые нами на Кудрявцѣ развалины древней церкви мы не могли признать развалинами именно церкви св. Симеона.

Выраженія Кальнофойскаго: «Церковь св. Симеона надъ самымъ Кіевомъ,» могли быть одинаково примѣнны къ этой церкви, стояла ли она на Вдыхальницѣ нѣсколько сѣвернѣе нынѣшней Андреевской церкви къ Подолу, или на Кудрявцѣ, на мѣстѣ извѣстныхъ развалинъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ церковь одинаково находилась бы «надъ самымъ Кіевомъ» времени Кальнофойскаго, если идти къ этому Кіеву по тому направленію, по какому ведетъ читателя Кальнофойскій. Кіевъ этотъ былъ собственно Подоль, предметъемъ которому служили Кожемяки, или Кожемяцкая слобода, какъ называются они въ «Росписи Кіеву» 1682 года. Ворота, чрезъ которыя приводитъ къ нему читателя внизъ мимо замка Кальнофойскій, были безъ всякаго сомнѣнія такъ называемыя въ «Росписи» Кіевскія ворота, находившіяся подлѣ нынѣшней Андреевской церкви, къ западу отъ ней. На своемъ планѣ Кальнофойскій представляетъ ихъ стоящими какъ бы въ ущельѣ, начинавшемся отъ церкви Десятинной и круто спускавшемся къ Подолу. По этому ущелью онъ показываетъ на планѣ и дорогу на Подоль,—дорогу, которая могла въ его время идти только Кожемяками и приводитъ къ Подолу чрезъ такъ называемыя Кожемяцкія ворота у Щекавики. Въѣзжавшимъ на Подоль у этого пункта,—въѣзжали-ль они чрезъ Коже-

мяцкую слободу, или отъ Лыбеди черезъ Кудрявецъ,—церковь, стоявшая на отрогѣ послѣдняго, входившемъ въ промежутокъ Киселевки и Щекавики, также точно могла казаться стоящею надъ самымъ Кіевомъ, какъ если бы стояла она и впереди нынѣшней Андреевской церкви.

Но называя церковь св. Симеона стоящею надъ самымъ Подоломъ, Кальнофойскій на своемъ планѣ представляетъ ее стоящею отъ упомянутыхъ Кіевскихъ воротъ на Подолъ (если смотрѣть со стороны Подола) вправо,—стоящею на отдѣльномъ холмѣ надъ обрывомъ, въ промежуткѣ при томъ между тѣми воротами и другими, которыя представляетъ стоящими еще правѣе. Послѣднія ворота мы можемъ признать только за такъ называемыя въ то время Львовскія ворота. Такое положеніе, даваемое Кальнофойскимъ церкви на планѣ, даетъ намъ во всякомъ случаѣ болѣе права искать ее на Кудрявцѣ, чѣмъ на Вздыхальницѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Кальнофойскій помѣстилъ бы ее не правѣе, а лѣвѣе Кіевскихъ воротъ, и не въ промежуткѣ между ними и Львовскими на отдѣльномъ холмѣ надъ обрывомъ.

Свидѣтельство житія св. Владиміра о положеніи церкви св. Симеона на мѣстѣ водруженія ап. Андреемъ креста на горахъ Кіевскихъ, какъ понятно само собою, можетъ еще менѣе, чѣмъ свидѣтельство Кальнофойскаго, служить возраженіемъ противъ признанія отрога Кудрявца за мѣстность церкви св. Симеона. Древнѣйшія лѣтописныя сказанія о водруженіи креста ап. Андреемъ, какъ извѣстно, мѣста этого водруженія не опредѣляютъ. Позднѣйшія же опредѣленія его имѣли въ своемъ основаніи, очевидно, позднѣйшія соображенія. Тѣ, кто приурочивали это мѣсто къ мѣстности нынѣшней Андреевской церкви, руководились единственно существованіемъ тамъ въ

извѣстное время церкви Воздвиженія креста Господня. Фактъ существованія церкви съ такимъ названіемъ на взглядъ мѣстныхъ ученыхъ XVII вѣка служилъ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что церковь эта была даже на самомъ мѣстѣ водруженія, какъ утверждается то въ Синописисѣ. Но писатель житія св. Владиміра, очевидно, съ этими соображеніями еще знакомъ не былъ, а если и былъ знакомъ, не придавалъ имъ, какъ слишкомъ свѣжимъ, особой важности. Отыскивая съ своей стороны мѣсто на Кіевскихъ горахъ, на которомъ надъ тогдашнимъ Кіевомъ св. апостолъ Андрей могъ бы лучше всего водрузить крестъ, онъ съ неменьшимъ правомъ могъ найти его на Кудрявцѣ, на мѣстѣ церкви св. Симеона, съ какимъ другіе находили въ Андреевскомъ отдѣленіи стараго Кіева на мѣстѣ церкви Воздвиженія креста Господня.

Болѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ нашего мнѣнія объ открывшихся на Кудрявцѣ развалинахъ, какъ о развалинахъ церкви св. Симеона, можетъ казаться то, что существовавшая на Кудрявцѣ древняя церковь имѣла сравнительно небольшіе размѣры. Но подобное возраженіе тогда только имѣло бы дѣйствительную силу, если бы лѣтописныя сказанія о церкви или монастырѣ св. Симеона выставляли зданіе церкви или монастыря замѣчательнымъ именно со стороны его сооруженія. Между тѣмъ монастырь св. Симеона, если и получилъ особую лѣтописную извѣстность, получилъ ее не вслѣдствіе величія своего сооруженія, а вслѣдствіе того роковаго значенія, которое суждено было ему имѣть для потомковъ строителя его, Святослава, — для Ольговичей, во время борьбы ихъ съ Мономаховичами, и которое само по себѣ могло на языкѣ кіевлянъ, не любившихъ Ольговичей, приурочить, пожалуй, къ его именно мѣстности названіе «Ольговой могилы.» Не вы-

дается своими размѣрами церковь св. Симеона и на планѣ Кальнофойскаго. Напротивъ, за исключеніемъ церкви Десятинной, Кальнофойскій даетъ ей меньшіе, чѣмъ всѣмъ другимъ, размѣры,—приблизительно такія же, какъ и церкви Васильевской, а слѣдовательно, приблизительно тѣ самыя, какіе имѣла дѣйствительно церковь на Кудрявцѣ.

Но свидѣтельство Кальнофойскаго, подтверждаемое отчасти и свидѣтельствомъ житія св. Владиміра, важно для насъ особенно въ томъ отношеніи, что говоритъ самымъ положительнымъ образомъ о существованіи церкви св. Симеона по крайней мѣрѣ еще въ первой половинѣ XVII столѣтія. Церковь, развалины которой мы ислѣдывали, существовала несомнѣнно, поддерживалась и по своему украшалась въ періодъ послѣтатарскій. Какъ такая, она должна была войти въ списокъ древнихъ церквей Кальнофойскаго, не перечислившаго лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя въ его время лежали подъ холмами, какъ бы на вѣки погребенными,—лежали т. е. въ такомъ видѣ, въ какомъ въ послѣднее время оказалась лежавшею церковь на Кудрявцѣ. Сравнительно же съ спискомъ Кальнофойскаго, изъ мѣстной статистики исчезла безслѣдно именно лишь церковь св. Симеона и исчезла въ промежутокъ 1638 года, когда издалъ свою Тератургиму Кальнофойскій, и 1682 года, отъ котораго сохранилась извѣстная «Роспись городу Кіеву.» Въ послѣдней о церкви св. Симеона не упоминается. Такою, ускользнувшею изъ мѣстной памяти церковь, и ускользнувшею сравнительно не въ очень отдаленныя отъ насъ времена, и оказывается церковь на Кудрявцѣ. Рвы, которыми окружены ея развалины, липы, которыми обсажены, доказываютъ несомнѣнно, что еще въ половинѣ по крайней мѣрѣ прошлаго столѣтія, когда (въ 1763 г.), по словамъ митрополита Евгенія, разводился на Кудрявцѣ регулярный садъ митрополитомъ Арсеніемъ Мо-

гилянскимъ, развалины еще ясно давали видѣть въ себѣ развалины именно—церковнаго зданія, а не просто холмъ или курганъ. Окончательное запустѣніе, разрушеніе и забвеніе самого имени этой церкви, если она была церковію св. Симеона, весьма просто объясняется условіями, въ которыхъ съ начала XVII вѣка находилась ея мѣстность. Съ 1604 года Кудрявецъ, какъ извѣстно, попалъ въ руки латинскихъ бискуповъ и на немъ появился бискупскій замокъ, уединившій еще болѣе и безъ того уединенное положеніе стоявшей на отрогѣ его православной церкви. Независимо отъ причинъ случайныхъ, въ родѣ пожара, ясные слѣды котораго остались въ развалинахъ, для окончательнаго запустѣнія и разрушенія церкви достаточно было одного упомянутаго сосѣдства. Когда же за тѣмъ въ началѣ XVIII ст. запустѣвшій Кудрявецъ возвращенъ былъ во владѣніе православныхъ кievскихъ митрополитовъ и на немъ былъ построенъ загородній митрополитанскій домъ, митрополитъ Іосафъ Краковскій уже предпочелъ возстановленію изъ развалинъ древней каменной церкви постройку тамъ, въ качествѣ домовой, новой' деревянной церкви. Мѣстность древней отошла въ загородній митрополитанскій садъ, и слѣдовательно стала недоступною для народа вовсе, а новая деревянная (существовавшая до послѣдняго времени подъ именемъ Вознесенской) церковь естественно должна была заслонить въ его памяти и самое имя первой.

VI.

Киворій, какъ отличительная архитектурная принадлежность алтаря въ древнихъ церквахъ. ¹⁾

Оканчивающійся постройкою соборъ Св. Владиміра въ Кіевѣ своимъ планомъ и фасадомъ довольно удачно воспроизводитъ видъ древнихъ кіевскихъ церквей византійскаго стиля. Это дало мысль Церковно-археологическому Обществу при Кіевской Д. Академіи ходатайствовать передъ кѣмъ слѣдуетъ и объ устройствѣ въ новомъ соборѣ алтаря и о распisanii стѣнъ его соотвѣтственно древнему, приблизительно ко времени Владиміра св., внутреннему устройству и украшенію такихъ священныхъ зданій. Ходатайство Церковно-археологическаго Общества встрѣчено въ высшихъ правительственныхъ сферахъ съ замѣчательнымъ сочувствіемъ, и ему предоставлено осуществить его предположенія, не выходя только изъ границъ смѣты расходовъ на этотъ предметъ, которая до ходатайства Общества была уже представлена на усмотрѣніе правительства. Считаемо поэтому благовременнымъ остановить вниманіе на одной изъ тѣхъ особенностей въ устройствѣ алтаря, которыми древній внутренній видъ этой части храмовъ существенно отличался отъ позднѣйшаго.

1) Напечатано въ январской книгѣ „Труды Кіевской д. академіи“, 1888 г.

Не подлежит сомнѣнію, что въ древнихъ церквахъ, на востокѣ—по крайней мѣрѣ до первой половины XV вѣка, не существовало тѣхъ иконостасовъ, которые, образуя изъ себя сплошную деревянную стѣну отъ стѣны до стѣны и отъ пола до самыхъ верхнихъ сводовъ, совершенно закрываютъ восточную часть храмовъ. На сохранившихся до нашего времени кievскихъ церквахъ до-монгольскаго періода (Софійскій соборъ, Кирилловская церковь и отчасти церковь архистратига Михаила въ Золотоверхо-Михайловскомъ монастырѣ) можно видѣть, что религиозное искусство того времени было обращено по преимуществу на украшеніе восточныхъ частей зданія. Стѣны и своды алтарей, и самые столбы, выступающіе отъ нихъ въ средину церкви и служащіе съ восточной стороны основой для главнаго купола, сверху до низу покрывались священными изображеніями, чаще — мозаическими, не для того, конечно, чтобы влѣдъ за тѣмъ быть совершенно заслоненными отъ взоровъ молящагося народа сплошною деревянною стѣною. Только съ упадкомъ искусства, какъ архитектурнаго, такъ и живописнаго (въ народѣ русскомъ—съ наступленіемъ монгольскаго періода, на востокѣ—съ паденіемъ Византійской имперіи), когда вмѣсто величественныхъ абсидовъ церковей византійскаго стиля, поднимавшихъ свои украшенныя священными ликами и позолотою стѣны и своды подъ самые купола, алтари стали представлять собою незначительныхъ размѣровъ съ голыми стѣнами и низкими сводами ниши; когда не только мозаика, но и фресковая живопись стала недоступною роскошью,—могла явиться мысль закрывать восточную часть храма сплошною стѣною и древнее, обратившееся въ религиозную потребность, благолѣпіе церковей замѣнить до извѣстной степени благолѣпіемъ самой стѣны этой. Она дѣйствительно и сосредоточила на себѣ по возможности все, что привыкъ православный народъ

видѣть въ былыя времена, входя для молитвы въ храмы Божіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить обычное содержаніе и расположеніе иконостасной живописи съ содержаніемъ и расположеніемъ тѣхъ живописныхъ изображеній, которыя еще до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ покрываютъ какъ алтарныя, такъ и другія внутреннія стѣны, своды и даже купола ихъ. Въ сюжетахъ иконописныхъ на иконостасахъ, въ самомъ расположеніи этихъ сюжетовъ по ярусамъ иконостаснымъ, нельзя не замѣтить повторенія, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, обычныхъ сюжетовъ и расположенія по архитектурнымъ нишамъ, выступамъ и этажамъ живописныхъ изображеній, украшавшихъ древнія церкви.

Но не подлежитъ также сомнѣнію, что однимъ устраненіемъ сплошныхъ иконостасовъ и перенесеніемъ покрывающей ихъ иконописи снова на стѣны церковныя древній видъ внутренности христіанскаго храма еще не возстановится. Иконостасы замѣнили собою не одну стѣнную живопись, украшавшую древнія церкви. Были въ устройствѣ древнихъ алтарей и нѣкоторыя архитектурныя особенности, которыя также въ свое время смѣнились иконостасами и отразились въ известной степени на самой формѣ и обычныхъ принадлежностяхъ послѣднихъ.

Въ русской археологической литературѣ есть довольно обстоятельное изслѣдованіе относительно той архитектурной особенности въ устройствѣ древнихъ алтарей, изъ которой ближайшимъ образомъ возникли и которую непосредственно замѣнили собою позднѣйшіе иконостасы. Разумѣемъ изслѣдованіе г. Филимонова: „Церковь св. Николая чудотворца на Липнѣ, близъ Новгорода.— Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ

въ русскихъ церквахъ“, Москва, 1859 г. На основаніи несомнѣнныхъ археологическихъ данныхъ г. Филимоновъ разъяснилъ, что по линіи позднѣйшихъ иконостасовъ въ древнихъ церквахъ стояли такъ называемыя *алтарныя преграды*, представлявшія собою по большей части рядъ колоннъ съ перекладиной вверху и съ рѣшетками между ними, деревянными съ позолотою или мѣдными, замѣнявшимися иногда металлическими или мраморными плитами и даже каменными стѣнками, но въ полѣднемъ случаѣ—не болѣе, какъ полокотной высоты. Подобныя преграды отдѣляли только алтарь отъ остальной части храма, но не закрывали его совершенно отъ взоровъ молящагося народа. Для того же, чтобы совершеніе самаго таинства алтаря оградить отъ святотатственнаго любопытства тѣхъ, кому каноны и преданія церковныя воспрещали это любопытство, преграды были снабжены завѣсами, которыя опускались или задергивались въ урочное время¹⁾. Но сведши и сопоставивъ возможные указанія относительно устройства и вида алтарныхъ преградъ въ древнихъ церквахъ, г. Филимоновъ не переступилъ въ своемъ изслѣдованіи за самыя преграды эти, — не коснулся внутренней архитектурной обстановки самаго престола алтарнаго, которая, при существованіи довольно низкихъ алтарныхъ преградъ, не оставляла видимаго за ними пространства совершенно пустымъ, а выдѣляла и отмѣчала особеннымъ образомъ священнѣйшее мѣсто храмовъ христіанскихъ.

Описывая видъ, въ какой должна быть приведена оконченная постройкою церковь, чтобы могла получить освященіе, бл. Симеонъ Солунскій говоритъ: «Когда съ помощію Божіею все будетъ окончено какъ снаружи, такъ и внутри; къ востоку устроено святилище или алтарь (βήμα); съ правой его сто-

1) Церковь св. Николая чуд. на Липахъ, стр. 24—30

роны расположенъ протезисъ, а съ лѣвой діаконикъ; противъ алтаря, если позволяетъ мѣсто, поставленъ будетъ амвонъ и прочно установлены діастилы; а внутри алтаря надлежащимъ образомъ установлены *священный киворій* и колонны, имѣющія служить опорю священной трапезѣ..., равно приготовлены будутъ какъ слѣдуетъ всѣ принадлежности и сосуды священные: тогда снова дѣлается докладъ архіерею ¹⁾). Такимъ образомъ какъ протезисъ и діаконикъ по сторонамъ алтаря, а передъ алтаремъ амвонъ—если позволяетъ мѣсто, и діастилы (*алтарная преграда*)—во всякомъ случаѣ; такъ внутри алтаря необходимою принадлежностію полного устройства церкви бл. Симеонъ Солунскій представляетъ, кромѣ самой трапезы священной, *священный киворій*. Время, къ которому относится представленный блж. Симеономъ внутренній видъ христіанской церкви, начало XV столѣтія. Но не въ другомъ видѣ представляется внутреннее устройство алтаря церковнаго и въ началѣ VIII вѣка св. Германъ, патріархъ константинопольскій. Указывая значеніе этого устройства, онъ говоритъ между прочимъ: «Конха алтаря есть замѣна креста, а башни (πύργοι) памятники (*надгробные*): потому-то тѣ и другія и выставляются на видъ предъ лицемъ священно-дѣйствующихъ. Трапеза же священная замѣняетъ мѣсто гроба, въ которомъ положенъ былъ Христосъ... Она же есть и престоль Божій, на которомъ пренебесный Богъ, ходяй на херувимѣхъ, умерши тѣломъ, успокоился... Прообразована же она и законною трапезою, въ которой была манна, т. е. Христосъ, сошедшій съ неба.. Замѣняетъ св. трапеза и трапезу Христа съ учениками... А киворій, гдѣ совершается самое распятіе, заступаетъ мѣсто, на которомъ распятъ Христосъ: ибо смежно было и лежало внизъ оттуда мѣсто, гдѣ погребенъ Онъ былъ... Изображаетъ онъ также собою и кивотъ завѣта

1) De sacro templo, cap. CI.

Господня... Ибо κιβωτή значитъ кивотъ, а ὄρειον — просвѣщеніе Господне, или свѣтъ Божій»¹⁾, и пр. Отступая далѣе, въ вѣка предшествующіе св. Герману, у Павла Силенціарія въ описаніи храма св. Софіи, построеннаго въ Константинополѣ императоромъ Юстиніаномъ, мы встрѣчаемъ вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ алтарной преграды и весьма обстоятельное описаніе того самаго сооруженія, которое у блаж. Симеона Солунскаго называется священнымъ киворіемъ, а у св. Германа Константинопольскаго просто киворіемъ, а сперва—башнею-памятникомъ.

Обрисовавъ баспословное почти богатство и изящество внутренняго украшенія храма св. Софіи и приступая къ описанію алтаря, Силенціарій говоритъ: «Не только въ стѣнахъ, отдѣляющихъ посвященнаго въ таинства мужа отъ многогласнаго собранія (*хора пѣвцовъ*), поставилъ онъ (*Юстиніанъ*) доски изъ чистаго серебра, но и самыя колонны, въ числѣ двѣнадцати, всѣ покрылъ серебрянымъ металломъ, такъ что сверкають онѣ далеко распространяющимся блескомъ. На нихъ художественною рукою отчеканила сталь изящныхъ размѣровъ овалыныя диски, вырѣзавъ посрединѣ непорочнаго Бога, безсѣменно принявшаго на себя человѣческій видъ; въ другомъ мѣстѣ представила соединенное воинство легкокрылыхъ ангеловъ, склоняющихъ свои выи...; въ иномъ же остріе желѣза выдѣлало первыхъ глашатаевъ, изъ устъ которыхъ еще прежде принятія Богомъ плоти пронеслась боговдохновенная пѣснь о будущемъ Христѣ. Не обошло изобразительное искусство и тѣхъ, у которыхъ была рыболовная мрежа и сѣть, но которые, оставивъ низкія житейскія занятія и небезгрѣшныя заботы, послѣдовали повелѣнію небснаго Царя, ловя мужей, растя-

1) *S. Germ. Rerum eccles. contemplatio.*—*Patrol. Curs. Compl. tom. XCIV. col. 387—389.*

живая, послѣ рыболовнаго искусства, прекрасную сѣть жизни безсмертной. Въ иномъ же мѣстѣ изобразило художество Матерь Христа, хранилище вѣчнаго сіянія, чрево которой питало нѣкогда въ святомъ лонѣ Творца чрева. По промежуточнымъ же доскамъ священной ограды, которыя отдѣляютъ священныхъ мужей, рѣзецъ начерталъ букву одну, но многорѣчивую: соединилъ въ одно имя царя и царицы; а въ центральныхъ мѣстахъ отчеканилъ на выпукломъ щитѣ подобную же фигуру, изображающую крестъ. Ограда вся открывается для посвященныхъ тремя дверьми: трудолюбивая рука съ каждой стороны прорубила небольшую дверь. А сверху безукоризненно-чистѣйшей золотой трапезы поднимается въ обширное воздушное пространство неизмѣримо-высокая *баиня* (πύργος), опирающаяся на серебряныя, въ четыре стороны открывающіяся, арки. Поднимается она четырьмя серебряными колоннами, на вершинахъ которыхъ утвердила свои серебряные концы четверная арка. Выше арокъ встаетъ нѣчто подобное конусу, но не совершенно на него похожее: потому что съ самаго низу не выдерживаетъ въ основаніи своемъ правильнаго круга овала; но образуется нѣкоторый восьмисторонній базисъ, который изъ широкаго поднимается мало по малу вверхъ остроконечнымъ, вытягиваясь восемью золотыми плоскостями и образуя длинныя грани отъ взаимнаго ихъ соединенія. Похожія на треугольники, эти плоскости сливаются стези съ восьми сторонъ идущаго пути, соединяясь въ одно, подобное остроконечной вершинѣ. На этой вершинѣ искусство выставило изображеніе чаши; отверстія чаши, опустившіяся, представляютъ видъ лепестковъ. Въ срединѣ чаши поставленъ блистающій серебряный видъ небеснаго шара; а надъ нимъ возвышается крестъ, милости символъ. Сверху арокъ узорный поясъ (ἐλάτις) изъ остроконечныхъ завитковъ обрамляетъ самое нижнее основаніе конуса... Тамъ же,

гдѣ соединяются между собою концы основанія, поставлены серебряныя чаши. Въ каждой изъ нихъ канделябры, изображающіе восковыя свѣчи... Вся золотая, плоская поверхность священной трапезы поддерживается золотыми колоннами: лежатъ она на золотыхъ основаніяхъ, и сіяетъ переливающимся блескомъ драгоценныхъ камней»¹⁾). Въ описанныхъ такимъ образомъ стѣнкахъ, отдѣлявшихъ священнослужителей отъ хора пѣвцовъ предъ алтаремъ и состоявшихъ изъ серебряныхъ досокъ между серебромъ покрытыми колоннами, мы имѣемъ то, что у блж. Симеона Солунскаго называется *діастилами*, или что тоже—*алтарную преграду*. Діастилы, или доски между колоннами, украшены чеканными монограммами и крестами на выпуклыхъ щитахъ. Колонны также имѣютъ сверху на щитахъ разнаго рода священные изображенія, но не живописныя, а то же—чеканныя. Никакой перекладины поверхъ колоннъ, о которой упоминаютъ, между прочимъ, св. Германъ Константинопольскій и блж. Симеонъ Солунскій какъ о принадлежности алтарной преграды²⁾), и которую они называютъ *космитомъ* (*κοσμήτης*), въ преградѣ св. Софій Силенціарій не указываетъ. Полагаемъ, что ея и не было: предназначавшаяся главнымъ образомъ для подвѣшиванія завѣсъ, чтобы закрывать въ урочныя времена внутренность алтаря отъ глазъ любопытныхъ, она была не нужна при діастилахъ, состоявшихъ не изъ рѣшетокъ, а изъ сплошныхъ металлическихъ досокъ. Высокая же конусовидная, поднимающаяся внутри алтаря надъ

1) Pauli Silentiarii Descriptio S. Sophiae, v. 686—754.—Patr. Curs. Compl. tom. LXXXVI. P. II. col. 2145—2148.

2) S. Germani, Rer. Eccles. contempl. Patr. Curs. Compl. tom. XCVIII. col. 399.—Sim. Thess. De Sacro templo, cap. CXXXVI.

священною трапезою на четырехъ серебряныхъ колоннахъ и аркахъ, *башня*, съ особою тщательностью обрисованная Силенціаріемъ, и есть *священный киворій*.

Хотя св. Германъ названіе киворій производитъ отъ *κίβος* или *κίβωτος* (*ковчегъ, кивотъ*), и иногда называетъ его этимъ именемъ; но у древнихъ грековъ и римлянъ *киворіемъ* (*κίβωριον, ciborium*) называлась прежде всего сѣменная чашечка растенія, извѣстнаго подъ именемъ *colocasia*, отъ котораго получались египетскіе бобы. За тѣмъ, по сходству формы, это же названіе было усвоено у нихъ и нѣкоторымъ сосудамъ или чашамъ для питья. Полагаютъ, что отъ формы этихъ чашъ, крышки которыхъ, суживаясь къ верху, завершались остроконечіемъ, названіе киворій перешло и къ сооруженіямъ въ видѣ балдахиновъ съ многогранною конусообразною кровлею. Сооруженія этого вида явились не въ одномъ только церковномъ употребленіи. Описывая церемоніи византійскаго двора, Константинъ Порфирородный не разъ упоминаетъ о киворіѣ, въ которомъ въ извѣстные моменты церемоній занимаютъ мѣсто государи ¹⁾. То былъ именно балдахинъ надъ императорскимъ трономъ въ такъ называемой великой консисторіи, имѣвшій такой же видъ, какъ и киворіи церковныя. Силенціарій, впрочемъ, не называетъ еще описанной имъ внутри алтаря св. Софій башни киворіемъ, а просто—башнею (*πύργος*), принимая, очевидно, въ соображеніе форму сооруженія, но не имѣя въ виду исключительно этого рода сооруженіямъ усвоеннаго названія. Тѣмъ же именемъ башни (*πύργος*) называетъ онъ и стоявшій посреди храма Софій предъ алтаремъ амвонъ ²⁾. Описываетъ просто по одному внѣшнему виду, не усвоивъ ни-

1) De Cerim. aulae Bysant. Lib. I. cap. XVI et XXXVII.

2) Descript. Ambonis, v. 52.

какого особаго названія, подобное сооруженіе въ алтарѣ новой базилики и патриархъ Фотій ¹⁾. Но св. Германъ Константинопольскій, какъ мы видѣли, одинаково даетъ ему названія и башни, и киворія. У другихъ писателей, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ, оно называется уже по большей части киворіемъ. Подъ именемъ киворія или кивота извѣстна была алтарная башня св. Софіи константинопольской и древнимъ русскимъ. О ея серебряныхъ колоннахъ, аркахъ и украшеніяхъ идетъ, между прочимъ, рѣчь въ извѣстномъ сказаніи Новгородской лѣтописи о разграбленіи крестоносцами св. Софіи: «Заутра же, солнцю всходящу, вѣнидоша въ святую Софію, и одѣраша двери и разсѣкоша онболъ, окованъ бяше весь серебромъ, и столпы серебряные 12, а 4 *кивотыныя* и тябло изсѣкоша и 12 креста, иже надъ олтаремъ бяху, межи ими шишки яко древа вышша мужъ, и преграды алтарныя межи столпы, а то все серебряно ²⁾».

Изъ храмовъ болѣе древнихъ, предшествовавшихъ своимъ сооруженіемъ св. Софіи, мы встрѣчаемъ у Евсевія описаніе базилики, построенной Павлиномъ въ Тирѣ, и великолѣпнаго храма Спасителя, сооруженнаго Константиномъ В. въ Иерусалимѣ; а у Евагрія описаніе храма мученицы Евфиміи въ Халкидонѣ, служившаго мѣстомъ собранія Халкидонскаго собора. Описывая базилику, построенную въ Тирѣ, Евсевій упоминаетъ объ алтарной преградѣ, состоявшей изъ деревянныхъ рѣшетокъ (*δέκται*), по изяществу и тонкости работы представлявшихъ верхъ искусства; но въ подробности внутренняго устройства самаго алтаря не входитъ, и не говоритъ ни о чемъ

1) Καὶ αὐτὸς ὁ κωνσταντῖνος καὶ τῇ θαίῃ τραπέζῃ ἐπικείμενος σὺν τοῖς ὑπερέδοσις στυλοῖσιν καὶ ὑπορῖφους ἕροφος. Homil. III. In dedicat. novae basil.

2) П. Собр. Р. Лѣт. III стр. 28.

похожемъ на киворій ¹⁾. Но въ описаніи базилики, сооруженной Константиномъ В. въ Іерусалимѣ, не упоминая объ алтарной преградѣ, представляетъ устройство самаго алтаря въ такомъ видѣ, которое напоминаетъ если не киворій, то такое сооруженіе, въ замѣну котораго впоследствии явился киворій. «Въ противоположной отъ (*входныхъ*) дверей сторонѣ, говоритъ онъ, былъ *гемисферій* (*ἡμισφῆριον*), глава всего зданія, поднятый къ самому верху базилики. Онъ окруженъ двѣнадцатью колоннами, по числу апостоловъ Спасителя. Верхи этихъ колоннъ украшены огромными чашами, сдѣланными изъ серебра, которыя императоръ посвятилъ своему Богу, какъ прекраснѣйшее приношеніе ²⁾». Есть мнѣніе, будто Евсевій употребилъ въ этомъ случаѣ слово гемисферій (*полушаріе*, *куполъ въ видѣ полушарія*) вмѣсто *гемциклъ* (*ἡμικύκλιον*), разумѣя якобы подъ нимъ алтарное полукружіе базилики, или такъ называемую алтарную конху, абсидь. Но мнѣніе такое совершенно произвольно. Ему противорѣчитъ употребленное вслѣдъ за тѣмъ самимъ Евсевіемъ же выраженіе, что гемисферій былъ *окруженъ* (*ἐκτεφύσθη*) колоннами. Также точно, и говоря о серебряныхъ чашахъ, украшавшихъ верхи этихъ колоннъ, Евсевій едвали бы назвалъ ихъ посвященнымъ Богу прекраснѣйшимъ *«приношеніемъ»* (*ἀντίθεμα*), если бы рѣчь шла не о чашахъ поставленныхъ внутри самаго святилища надъ трапезою священною, а о простомъ украшеніи колоннъ алтарной преграды. Подобныя чаши упоминаются впоследствии неоднократно какъ украшеніе именно алтарнаго киворія ³⁾.

1) Hist eccles. lib. X. cap. IV.

2) Vita Const. lib. III. cap. XXXVIII.

3) Кромѣ приведеннаго нами свидѣтельства Силвенціарія о чашахъ на киворіѣ въ храмѣ св. Софіи, неоднократно о чашахъ съ такимъ же назначеніемъ упоминаетъ Анастасій бібліотекаръ въ своихъ жизнеописаніяхъ. Такъ о Львѣ

Похожее на описанное Евсевіемъ сооруженіе въ базиликѣ іерусалимской представляетъ Евагріи въ храмѣ св. Евфиміи въ Халкидонѣ, приурочивая его къ гробу мученицы. Историкъ такъ говоритъ о храмѣ: «Состоитъ онъ изъ трехъ громадныхъ зданій. Первое, подъ открытымъ небомъ, представляетъ собою обширный дворъ, со всѣхъ сторонъ украшенный колоннами. За нимъ второе, по длинѣ, широтѣ и колоннамъ почти похожее: отличается только лежащею надъ нимъ кровлею. Въ сѣверной сторонѣ послѣдняго, къ восходу солнца, стоитъ круглое зданіе какъ *εολοσς* (*σῆκος περιφερῆς ἐς θόλον*), весьма изящное, внутри окруженное колоннами одинаковаго матеріала и величины. Передъ ними подъ тою же кровлею возвышается теремъ (*ὑπερφῶν, coenaculum, у насъ — хоры*). Находясь тамъ, желающіе могутъ молиться мученицѣ и присутствовать при священнодѣйствіи. Внутри же εолоса къ востоку изящная камера (*σῆκος, cella*); въ ней находятся останки мученицы, положенныя въ продолговатой гробницѣ, называемой нѣкоторыми *μαρτή*, съ большимъ искусствомъ сдѣланной изъ серебра ¹⁾». Евагріи не говоритъ, чтобы εолосъ этотъ замѣнялъ собою въ базиликѣ алтарь, а находившаяся въ немъ камера съ гробницею мученицы служила престоломъ. Есть указанія, что въ древнихъ церквахъ надъ останками мучениковъ, когда они лежали не подъ престоломъ, устроялись отдѣльные киворіи ²⁾. Но не говоритъ Евагріи и объ отдѣльномъ отъ εолоса алтарѣ въ базиликѣ халкидонской, а упоминаетъ за тѣмъ о

III онъ говоритъ: *Fecit super ciborium de altari majori B. Petri apostoli canthara majora quatuor ex argento purissimo, habentia in medio cereos ex argento deauratos, pens. Libras 140; и о Львѣ IV: Nec non et super columnas ipsius ciborii propter amplam pulchritudinem ex argento purissimo fecit cophinos numero quatuor, pensantes libras 42, etc.*

1) Hist. lib. II cap. III.

2) Gregor. Tur. Lib. de mirac. mart. c. XXVIII.

входѣ внутрь еѳлоса патріарха съ іереями, какъ о входѣ внутрь святилища (εἰς τὸν ἀνακτόρον). Во всякомъ же случаѣ еѳлосъ этотъ, какъ и гемисферій, описанный Евсевіемъ, служить несомнѣннымъ доказательствомъ издревле обнаружившейся въ христіанской церкви потребности отличить внутри самыхъ базиликъ мѣста особо священныя особыми надъ ними сооруженіями. Только сооруженія эти первоначально имѣли видъ куполовъ на колоннахъ,—форма болѣе соотвѣтствовавшая не особенно высокимъ абсидамъ базиликъ римскихъ: вѳлѣдствіи же имъ приданъ видъ высокихъ остроконечныхъ башенъ, или киворіевъ, какъ болѣе соотвѣтствующій высокимъ абсидамъ церквей византійскаго стиля.

По словамъ св. Германа, отцы, устроая киворій, соединяли съ нимъ не одно значеніе памятника надъ гробомъ Христовымъ. «Отцы, говоритъ онъ, подражали образу божественнаго творчества, насколько возможно подражать божественному, и осуществлять его, человѣку. И вотъ какъ устроили они кровлю вверху священной трапезы по подобію неба; такъ представили они образъ земли священнымъ пространствомъ, окруженнымъ и очерченнымъ четырьмя колоннами такъ называемаго киворія. Этимъ исполняется пророческое слово, которое говоритъ: *Содѣла Богъ спасеніе посредь земли* (Пс. LXXIII, 12»¹). Но ближайшимъ, конечно, назначеніемъ сооруженій этого рода было прикрыть какъ сверху, такъ и по сторонамъ священную трапезу, составлявшую съ самой глубокой христіанской древности особенный предметъ христіанскаго культа. Киворій, поэтому, назывался также иногда *шатромъ* и *стѣнію* (καλύπτρα, σκηνή, *tegimen, umbraculum*), и снабжался завѣсами по сторонамъ. О завѣсахъ по сторонамъ киво-

1) S. Germ. Eccles. rer. contempl.—Patr. Curs. Compl. t. XCVIII col. 421

рія св. Софіи упоминаеть, между прочимъ, и Силенціарій. Обращая рѣчь къ священно-служителямъ, онъ такъ говоритъ объ этихъ завѣсахъ: «Тайнодѣйствующіе, святымъ рукамъ которыхъ дозволено это закономъ! Распустивъ завѣсу, окрашенную финикійскимъ цвѣтомъ сидонской раковины, закройте стороны трапезы; но собравъ по четыремъ серебрянымъ сторонамъ *стни* (*καλύπτρας*) прямыя складки, покажите безчисленному народу обиліе золота и верхъ художественнаго искусства» ¹⁾. Изъ свидѣтельствъ другихъ писателей, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ, видно, что подобными завѣсами киворіи снабжались вообще. Анастасій въ своихъ жизнеописаніяхъ говоритъ о Пасхаліѣ: «Построилъ онъ вокругъ престола четыре серскія красныя завѣсы съ гаммадіями (*кресчатыя*)»; и о Львѣ III: «Построилъ онъ вокругъ престола и другія завѣсы, шелковыя бѣлыя съ розами, и повѣсилъ въ числѣ четырехъ подъ аркою киворія», и проч. Эти же завѣсы разумѣеть и блаж. Симеонъ Солунскій, когда говоритъ о *катапетасмѣ* и четырехъ ея колоннахъ: «Катапетасма же въ честь достопокланяемаго и всячески чтимаго Иисуса, и во образъ небесной скиніи. Виситъ она съ четырехъ колоннъ: потому что со всѣхъ концевъ собираются получающіе жизнь отъ трапезы, и собираются, созываемые четырьмя евангеліями и четырьмя провозвѣстниками, возвѣщающими ихъ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о той-же завѣсѣ, онъ представляетъ ее раздѣленною на четыре части: «Священная трапеза имѣеть по четыремъ угламъ четыре части ткани; потому что и полнота церкви соткана изъ четырехъ концевъ (земли). И на четырехъ тѣхъ углахъ имена четырехъ евангелистовъ: потому что ими собрана церковь и чрезъ нихъ евангеліе обошло міръ» ³⁾.

1) Descript. S. Soph. v. 758—762.

2) De sacro templ. cap. CXXXIII.

3) De divino templo, n. VIII.

Служа прикрытіемъ для священной трапезы, киворій служилъ такимъ же прикрытіемъ и для св. даровъ, которые вѣшались подъ нимъ въ особыхъ сосудахъ, имѣвшихъ видъ голубя. При описаніи киворія св. Софіи Силенціарій не упоминаеть ни о чемъ подобномъ. Но очевидно, что о сосудахъ этого рода, между прочимъ, говорится въ 5 дѣяніи собора Константинопольскаго при Меннѣ (536 года), когда приводятся жалобы клира на Севера антиохійскаго, который присвоилъ себѣ золотыхъ и серебряныхъ голубей, висѣвшихъ надъ святыми купелями и жертвенниками (*престолами*), говоря, что не должно Духа св. изображать въ видѣ голубя. На древній обычай хранить св. дары въ сосудахъ такой формы надъ престоломъ намекаетъ и св. Іоаннъ Златоустъ, когда представляетъ тѣло І. Христа на алтарѣ какъ-бы облеченнымъ въ св. Духа ¹⁾). За тѣмъ о св. Василіѣ Великомъ жизнеописатель его говоритъ, что св. отецъ каждый разъ, когда совершалъ литургію, раздѣляя св. хлѣбъ на три части, третью клалъ въ золотой голубь, и вѣшалъ его надъ св. трапезою ²⁾). Но подобная роскошь не могла быть, конечно, правиломъ общимъ. Бл. Симеонъ Солунскій называетъ возможный для храненія св. даровъ сосудъ просто—чистымъ и плотно закрывающимся ящичкомъ изъ буковаго дерева, но представляетъ его также висящимъ вверху надъ восточною стороною священной трапезы ³⁾). По той мѣрѣ, какъ сооруженіе киворіевъ надъ трапезою священою стало мало помалу выходить изъ употребленія (а стало выходить оно изъ употребленія прежде всего на западѣ), сосуды для храненія св. даровъ стали устрояться приспособительно къ постановкѣ ихъ на самой трапезѣ священной. Но связь ихъ съ дре-

1) Бес. XIII. къ народу Антиох.

2) См. Житіе св. Василія В.

3) Respons. ab. Gadriel. Pentapol. quaest. 82.

нимъ киворіемъ выразилась въ самой формѣ, какую стали давать этимъ сосудамъ. Соотвѣтственно этой формѣ они также носили названіе киворіевъ или башень, и для полноты сходства съ прототипами снабжались иногда изображеніями голубя ¹⁾

Судя по общему еще употребленію киворіевъ на востокъ въ эпоху принятія русскимъ народомъ христіанства и по тому значенію, какое св. отцы усвоили киворію, трудно предположить, чтобы первые строители древнихъ русскихъ церквей — греки, давая этимъ церквамъ планы и фасады современныхъ церквей византійскихъ, не давали имъ тогдашняго же и внутренняго устройства. Что по линіи позднѣйшихъ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ X—XII вѣка, строенныхъ греками, ставились только алтарныя преграды, на это есть ясное указаніе въ Патерикѣ печерскомъ. Описывая чудесное появленіе каменной доски для престола въ приготовленной къ освященію Великой лаврской церкви, Патерикъ о мѣстѣ находки ея говоритъ: „Видѣша у алтарнаго преграды дѣску камену положену и столъщцы на строеніе трапезѣ» ²⁾ Сохранилось не одно указаніе и на устройство въ алтаряхъ киворіевъ или сѣней. Ипатьевская лѣтопись, напр., подъ 1175 годомъ, по поводу страдальческой кончины Андрея Боголюбскаго, описывая дѣла его благочестія, особенно въ отношеніи украшенія храмовъ, объ украшеніи храма Рождества Пресвятыя Богородицы въ Боголюбѣ говоритъ, между прочимъ: «Бышесть же и сѣнь златомъ украшена отъ верха и до дѣисуса, и всею добродѣтелию церковною исполнена, изъмечтана всею хитростію» ³⁾. Эти указа-

¹⁾ Anastas. in Innocentio P.

²⁾ Арсеніевскій Патерикъ, по списку Библи. Киев. Акад. стр. 257.

³⁾ Ипат. Л. 2 изд. стр. 395.—Лѣтопись Новгородская подъ 1156 годомъ защищая отъ нареканій новгородскаго архіепископа Нифонта (въ томъ году умершаго), говоритъ: „О семь бы разумѣти комуждо насъ: который епископъ

нія памятниковъ письменныхъ восполняются при томъ и указаніями памятниковъ другаго рода. Сохранилось отъ того и отъ болѣе поздняго періода не мало живописныхъ изображеній св. Евхаристіи, наглядно представляющихъ намъ внутреннее устройство алтаря того времени. На мозаическомъ изображеніи св. Евхаристіи на восточной алтарной стѣнѣ св. Софіи кievской надъ священною трапезою выступаютъ съ полною ясностію очертанія киворія съ колоннами, арками и многогранною остроконечною вершиною, увѣнчанною крестомъ. На подобномъ же изображеніи въ церкви архистратига Михаила въ Золотоверхо-Михайловскомъ монастырѣ видна съ полною ясностію только очень низкая алтарная преграда впереди св. трапезы, безъ киворія надъ послѣднею; но отсутствіе киворія объясняется тамъ просто — недостаткомъ мѣста для его изображенія: поверхъ изображенія трапезы тянется стѣнной карнизъ, а надъ нимъ второй рядъ оконъ. Но на фресковыхъ изображеніяхъ св. Евхаристіи въ церкви Кирилловской въ Кіевѣ и въ церкви св. Николая Гостинопольскаго въ Новгородѣ киворій сохранился. Сохраняется киворій, какъ необходимая обстановка св. трапезы, и въ иконномъ письмѣ, сравнительно позднѣйшемъ, новгородскомъ и московскомъ, какъ можно видѣть на образцахъ этого письма, хранящихся въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. Академіи. Только въ изображеніяхъ сравнительно болѣе поздняго времени онъ не выдерживаетъ своей многогранной остроконечной кровли, а принимаетъ болѣе овальную, даже полусферическую, — получаетъ видъ еолоса.

такъ украси святую Софію, притворы испьса, кивотъ *сотеори* и всю извну украса“ (Новгор. Лѣтопись, по Синодальному списку. Спб. 1888 стр. 141). Также лѣтопись подъ 1341 годомъ о другомъ новгородскомъ архіепископѣ замѣчаетъ: „В лѣто 6849. Побилъ владика Василій святую Софію свинцомъ, что была погорѣла, и иконы испьса, и кивотъ *досль*“ (тамъ же стр. 340), и др.

Что сохранившись на изображеніяхъ древнихъ алтарей, киворій не сохранился въ дѣйствительности ни въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени древнихъ алтарей, это достаточно объясняется архитектурною легкостію подобнаго рода сооруженій, цѣнностію ихъ матеріала и тѣми опустошеніями, каковымъ подвергались древнія церкви въ періоды своего многовѣковаго существованія. Ни въ одной изъ древнихъ кіевскихъ церквей не уцѣлѣло даже древней алтарной преграды, хотя таковая гораздо вѣрнѣе могла бы сохраниться. До насъ дошли только незначительные остатки отъ древнихъ кіевскихъ алтарей, хотя остатки эти таковы однакоже, что могутъ служить несомнѣннымъ подтвержденіемъ соответствія древняго устройства ихъ устройству современныхъ имъ алтарей греческихъ. Сохранилось нѣсколько колоннъ изъ бѣлаго мрамора, съ капителями и безъ нихъ; сохранилось нѣсколько мраморныхъ капителей отъ несохранившихся колоннъ; сохранились двѣ перекладины изъ бѣлаго же мрамора. Если послѣднія, сохранившіяся въ Кіево-печерской Лаврѣ ¹⁾, могли принадлежать древней алтарной преградѣ Великой церкви, и составлять въ ней такъ называемый *космитъ*, о которомъ, какъ о принадлежности преграды, говорятъ св. Германъ и Симеонъ Солунскій; если къ алтарной же преградѣ должны быть приурочены и нѣкоторыя изъ сохранившихся колоннъ, особенно имѣющія сравнительно небольшую высоту (каковы колонны при Золотоверхо-Михайловской церкви ²⁾; то колонны большей высоты могли несомнѣнно принадлежать и древнимъ киворіямъ. Таковы колонны, сохранившіяся въ Кіево-печерской Лаврѣ ³⁾, а особенно—со-

¹⁾ Онѣ находятся въ одной изъ пещерныхъ церквей, гдѣ употреблены въ видѣ подпоры сводамъ.

²⁾ Онѣ поставлены у западнаго входа въ придѣлъ св. великом. Варвары и разрисованы масляною краскою.

³⁾ Колонны въ числѣ четырехъ также употреблены въ видѣ подпоры сводамъ въ двухъ пещерныхъ церквахъ.

хранившіяся при Софійскомъ соборѣ и стоявшія до послѣдняго времени у западнаго входа въ этотъ соборъ. Послѣднія не имѣютъ капителей; но имѣютъ въ верхней части своей приспособленія для капителей изъ металла, очевидно, болѣе цѣннаго, чѣмъ мраморъ, и повидимому, сохранили даже слѣды металлическихъ украшеній этой части своей. Колонны съ такого рода капителями естественно должны были предназначаться для болѣе внутреннихъ частей алтаря.

Еще болѣе ясные слѣды существованія въ древнихъ русскихъ церквахъ киворіевъ, какъ необходимой ихъ принадлежности, сохранились на самыхъ иконостасахъ, замѣнившихъ собою, между прочимъ, и древніе киворіи. Прежде всего такіе слѣды сохранились какъ въ формѣ арки надъ царскими дверями иконостасовъ, такъ и въ названіи самой арки этой въ старыя времена *кивотомъ*, т. е. *киворіемъ* ¹⁾. Сохранились они въ прерывающихся обыкновенно надъ царскими вратами горизонтальныхъ линіяхъ верхнихъ иконостасныхъ ярусовъ, которыя, иногда закругляясь въ арки, иногда образуя формы усѣченной пирамиды, выдѣляютъ особымъ образомъ среднюю часть иконостасовъ и даютъ въ заключеніе остроконечную надъ ними вершину, съ вѣнчающимъ ее крестомъ. Сохранились эти слѣды, далѣе, и въ названіи *катанетасмою* завѣсы подъ аркою дверей царскихъ, украшаемыхъ изображеніемъ четырехъ евангелистовъ, и въ помѣщеніи подъ этою же аркою голубя, обычной принадлежности древняго киворія. Голубь подъ аркою царскихъ вратъ, само собою разумѣется, долженъ былъ утратить древнее назначеніе служить сосудомъ для храненія св. даровъ. Для этой цѣли должны были устроиться особые сосуды, поставляемые внутри алтаря, на престолѣ. Но форма по-

1) Церковь св. Николая Чуд. на Липнѣ, *Филимонова*, стр. 32.

слѣднихъ въ свою очередь сохранила по большей части формы киворія же, и только иногда, въ древнѣйшихъ образцахъ, напоминаетъ еолось.

Впрочемъ, наиболѣе неопровержимымъ доказательствомъ существованія въ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ киворія служить дѣйствительное сохраненіе его въ нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ по значенію своему, церквахъ сравнительно позднѣйшаго времени. Существуетъ киворій или *кіотъ*, какъ называется онъ въ надписи на немъ же самомъ ¹⁾, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, сооруженный при патріархѣ Филаретѣ въ 1627 году. Для полноты сходства съ киворіями древними, киворій этотъ снабженъ и золотымъ голубемъ для храненія св. даровъ ²⁾. Существуетъ киворій или *стѣнь*, какъ называется онъ въ надписи на немъ же ³⁾, въ церкви Чуда архангела Михаила въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, устроенный въ 1642 году. Существуютъ сѣни во многихъ церквахъ даже новѣйшаго времени; но послѣднія имѣютъ по большей части видъ еолоса, а не киворія въ собственномъ смыслѣ. Въ Россіи же древней обычное у грековъ назначеніе киворіевъ было извѣстнымъ до такой степени, что въ параллель киворіямъ церковнымъ существовали и киворіи царскіе. Относительно древ-

¹⁾ „Божією милостію, по благословенію и по повелѣнію великаго Господина Святѣйшаго Патріарха Кириѣ Филарета... сдѣланъ бысть сей *кіотъ* на престолъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“...—*Москва. Подробное истор. и археолог. описаніе города*. Изд. Мартынова, т. II, стр. 148.

²⁾ Объ этомъ голубѣ упоминается еще въ описи собора 1627 года и въ Триодіонѣ 1668 года. Въ 1812 году сосудъ былъ похищенъ; но въ 1850 году замѣненъ новымъ.—Тамъ-же стр. 149.

³⁾ „Дѣто 7150 сентября въ 1 день сооружена сѣнь сія над престоломъ Чуда Архистратига Михаила, иже в Хонехъ“, и т. д.—Киворій этотъ, названный *стѣнью*, не опирается на колонны, а виситъ надъ престоломъ на желѣзныхъ прутьяхъ.—„Москва“... Мартынова, т. II, стр. 218.

ній образецъ такого киворія сохранился до нашего времени въ такъ называемомъ *Тронъ Мономаха* и въ настѣнной *Царской Башенкѣ* въ московскомъ Кремлѣ. Общее же знакомство древней Россіи съ греческими киворіями лучше всего выразилось въ господствѣ архитектурной формы ихъ въ такъ называемыхъ шатровыхъ верхахъ башенъ, церквей, колоколенъ, часовенъ,—формы отличающей, между прочимъ, русскій стиль XV—XVII вѣка, сближающей его отчасти съ стилемъ готическимъ и придающей ему такую оригинальную красоту и легкость.

VII.

Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской Лавры ¹⁾).

Въ прошлыхъ 1880 и 1881 (а отчасти и въ 1882) годахъ производилась ремонтровка обветшавшей штукатурки наружныхъ стѣнъ Великой лаврской церкви и святыхъ воротъ лаврскихъ съ церковію св. Троицы надъ ними. По строительнымъ соображеніямъ признано было необходимымъ удалить совершенно остатки штукатурки старой, чтобы слои штукатурки новой, легши сплошною массою, имѣли ббольшую прочность. Это потребовало полного обнаженія наружныхъ стѣнъ упомянутыхъ зданій и дало возможность провѣрить по самой кладкѣ ихъ прежнія предположенія о степени сохранности этихъ древнѣйшихъ сооруженій древнѣйшей изъ обителей русскихъ.

Когда обнажены были отъ штукатурки наружныя стѣны Великой лаврской церкви, древнія части ея зданія выдѣлились съ полною ясностію изъ массы позднѣйшихъ къ нимъ пристроекъ и надстроекъ. Отъ первоначальнаго сооруженія этой церкви оказались сохранившимися два алтарные абсида, главный—средній и сосѣдній съ нимъ сѣверный; въ абсидѣ же

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Ноябрьскомъ засѣданіи Церковно-археологическаго общества при Кіевской д. академіи 1882 года; напечатанъ въ „Трудахъ Кіевской д. академіи“, 1883 г. м. Января.

ожномъ отъ древней кладки сохранился только одинъ уголь, примыкающій къ главному абсиду и при постепенномъ отъ фундамента подъемѣ едва достигающій высоты нижней части средняго окна въ этомъ абсидѣ. Сохранилась вплоть до нынѣшней кровли западная стѣна церкви по той линіи, гдѣ въ настоящее время существуетъ главный западный входъ въ церковь. Сохранившеюся вполне, съ фонаремъ и куполомъ, представилась и церковь св. Іоанна Предтечи, въ древнее время стоявшая рядомъ (въ видѣ отдѣльнаго съ сѣверной стороны зданія) съ Великою церковію, но позднѣйшими пристройками введенная въ общую съ нею массу одного зданія. Остальные же фонари и купола на Великой церкви, не исключая и главнаго, оказались всѣ кладки позднѣйшей.

Степень сохранности уцѣлѣвшихъ отъ первоначальнаго зданія Великой церкви частей ея не вездѣ, однакоже, одинакова. По обнаженіи отъ штукатурки главнаго алтарнаго абсида, въ немъ обнаружилась огромная трещина, которая, начинаясь аршина на полтора выше фундамента почти на самой срединѣ абсида, идетъ, постепенно увеличиваясь и уклоняясь нѣсколько къ сѣверу, до самаго верха его. Какъ велика она, можно судить потому, что и по задѣлкѣ ея въ округлой стѣнѣ абсида по необходимости остается нѣкоторое углубленіе и неправильность, по которымъ она всегда можетъ быть узнаваема. Трещина эта, очевидно, остатокъ тѣхъ поврежденій, какія были произведены въ Великой лаврской церкви землетрясеніемъ 1230 года, о которомъ Лѣтопись говорить: «Мѣсяца мая въ 3 день... въ Киевѣ градъ большаго найпаче бысть потрясеніе: въ монастыри Печерскомъ церкви святая Богородица каменная на 4 части разступися» ¹⁾.

¹⁾ П. С. Русск. Лѣт. т. VII. стр. 136.

Такая же трещина, какъ и на главномъ абсидѣ, обнаружилась и въ сѣверной стѣнѣ церкви св. Іоанна Предтечи, по связи съ Великою церковью, очевидно, вмѣстѣ съ нею отъ землетрясенія и пострадавшей. Видны были значительныя поврежденія и въ древней западной стѣнѣ Великой церкви, которая особенно въ оконныхъ аркахъ представила слѣды значительныхъ позднѣйшихъ исправленій. Не далъ никакихъ трещинъ абсидъ сѣверный; только въ позднѣйшее время надъ нимъ сдѣлана надстройка, которою высота наружныхъ стѣнъ его доведена до высоты средняго абсида. Обнаружились нѣкоторыя особенности и въ самихъ исправленіяхъ и надстройкахъ зданія Великой церкви, указывающія, между прочимъ, на неодновременность ихъ. Контрфорсъ, который приданъ главному алтарному абсиду съ южной стороны, и смежный съ главнымъ абсидъ южный отличаются своею кладкою отъ остальныхъ позднѣйшихъ пристроекъ и надстроекъ. Контрфорсъ сложенъ изъ кирпичей древней формы, хотя на обыкновенной известковой подмазкѣ. Въ кладку же южнаго абсида употребленъ кирпичъ хотя не такой же, какъ въ контрфорсѣ, но несомнѣнно болѣе древней формы, чѣмъ въ другихъ позднѣйшихъ по кладкѣ верхнихъ частяхъ церкви. Кирпичъ этотъ, при длинѣ въ 6 вершковъ, ширинѣ въ $2\frac{3}{4}$ вершка и толщинѣ въ $1\frac{2}{3}$ вершка, имѣетъ на одной изъ своихъ сторонъ продольныя желобчатая полоски, образовавшіяся отъ очистки сырой массы его пальцами при ручной отдѣлкѣ до обжиганія. Такой кирпичъ былъ встрѣченъ нами вмѣстѣ съ древнимъ кирпичемъ при раскопкѣ развалинъ древней церкви въ усадьбѣ митрополитанскаго дома на Кудрявцѣ ¹⁾. Такой же точно формы

1) См. „Развалины церкви св. Симеона и Копиревъ конецъ древняго Кіева“. Труды Кіевской дух. Академіи, 1879 г. т. II.—Выше стр. 165—6.

кирпичъ вмѣстѣ съ кирпичемъ древнимъ находится въ развалинахъ церкви древняго Гнилецкаго монастыря, на теперешней дачѣ монастыря Братскаго за селомъ Пироговымъ. О монастырѣ Гнилецкомъ документы съ первой половины XVI столѣтія говорятъ уже какъ о запусѣвшемъ совершенно со времени нашествія татаръ ¹⁾. Судя по этому, кладку южнаго абсида Великой лаврской церкви мы должны отнести если не къ до-монгольскому періоду, то во всякомъ случаѣ ко времени, предшествовавшему послѣднимъ разореніямъ, какія терпѣла эта церковь отъ татаръ, и болѣе раннему, чѣмъ время возстановленія ея изъ развалинъ Омельковичами. Въ надстроенныхъ Омельковичами сводахъ и куполахъ кирпича указанной формы не было замѣчено. Въ фонарѣ главнаго купола обнаружился по мѣстамъ кирпичъ древней формы, но взятый, очевидно, изъ развалинъ и употребленный вмѣстѣ съ кирпичемъ обыкновеннымъ въ кievскихъ церквахъ позднѣйшей (XVII и XVIII вѣка) постройки.

Возстановляя и надстроивая вновь купола надъ Великою церковію, возстановители ея старались придать фонарямъ этихъ куполовъ, по возможности, древній видъ. Образцемъ для этого послужилъ сохранившійся древній фонарь церкви св. Іоанна Предтечи. Отъ послѣдняго, между прочимъ, заимствована зубчатая надъ окнами арка, отличающая фонари куполовъ на Великой лаврской церкви. Но этимъ возстановители и ограничились въ своемъ желаніи воспроизвести древнія формы зданія. Несомнѣнно, что рядомъ такихъ же зубчатыхъ арокъ

¹⁾ Въ описаніи Кіева королевскими люстраторами 1545 года о монастырѣ этомъ говорится: „Монастырь былъ святое пречистое Гнилецкій и тому монастырю овера и сеножати бывали, ниже ли отъ татаръ запустелъ“... Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева. 1874 г. отд. III. стр. 32

заканчивались и древнія стѣны церкви съ сѣверной, западной и южной стороны, и такія же зубчатыя арки выступали со стороны восточной надъ кровлями сводовъ алтарныхъ абсидовъ. Одна изъ послѣднихъ, выступавшая надъ древнимъ сводомъ сѣвернаго алтарнаго абсида, сохранилась и до настоящаго времени, но закрыта позднѣйшею надстройкою наружныхъ стѣнъ абсида и находится теперь подъ кровлею. Только благодаря полному обнаженію отъ штукатурки стѣнъ главнаго алтарнаго абсида, открылись на немъ и нѣкоторыя древнія архитектурныя украшенія, до послѣдняго времени совершенно скрывавшіяся подъ густою массою позднѣйшихъ лѣпныхъ украшеній. Открылся древній карнизъ ¹⁾, и подъ нимъ древній же архитектурный орнаментъ, извѣстный у грековъ и римлянъ подъ именемъ *меандра* ²⁾. Тотъ и другой въ настоящее время возстановлены соотвѣтственно ихъ первоначальному виду.

Лучше чѣмъ зданія Великой церкви оказались сохранившимися святыя ворота съ церковью св. Троицы надъ ними. По снятіи штукатурки, которою ворота и церковь были облицованы, древняя кладка обнаружилась во всю высоту стѣнъ этого зданія включительно до арокъ, линіи которыхъ снаружи соотвѣтствуютъ внутреннимъ линіямъ сводовъ надъ церковію, и въ фонарѣ церкви до половины его видной высоты ³⁾ Но возобновляя зданіе въ позднѣйшее время, возстановители его

1) Карнизъ имѣетъ видъ полки съ двумя рядами постепенно уменьшающихся квадратовъ подъ нею, которые заканчиваются внизъ узкою продолговатою полоскою, въ видѣ капель (*guttae*).

2) Меандромъ назывался узоръ, состоящій изъ взаимно переплетающихся прямыхъ ланій. Онъ употреблялся для украшенія краевъ одежды и сосудовъ, употреблялся и какъ архитектурный орнаментъ. Узоръ представлялъ собою подражаніе своеобразно-излучистому теченію рѣки *Меандра* въ Великой Фригіи, отъ которой и получилъ свое названіе.

3) О древней кладкѣ воротъ и церкви см. Донесеніе Церковно—археоло-

еще менѣе позаботились о сохраненіи его древняго вида. Древній фонарь наворотной церкви уцѣлѣлъ; но возстановители, заложивъ снизу его окна и разобравъ куполь (если послѣдній сохранился къ тому времени), надстроили его стѣны на высоту около трехъ аршинъ и дали ему съ новыми окнами новый куполь. Окна древняго фонаря, какъ и окна фонаря на церкви св. Іоанна Предтечи, были обрамлены снаружи зубчатыми арками. Обытые зубцы этихъ арокъ сохранились еще отчасти на его древнихъ стѣнахъ. Но окнамъ новаго фонаря возстановители не придали этой архитектурной особенности. Древнія стѣны самаго зданія оканчивались вверху съ каждой стороны тремя полукружіями, по которымъ загибалась непосредственно на нихъ лежавшая кровля. Возстановители заложили образованные этими полукружіями углы и надстроили поверхъ арокъ со всѣхъ сторонъ парапеты, поднявъ вмѣстѣ съ тѣмъ высоту кровли и сдѣлавъ ее четырехскатною. Въ тоже время древнему зданію дана была новая пристройка съ сѣверной стороны и облицовка входу со стороны западной. Самая внутренность веротъ потерпѣла нѣкоторыя измѣненія. По обѣ стороны продольнаго съ запада къ востоку хода воротъ въ древнее время было по три съ открытыми пролетами арки. Нижній этажъ зданія имѣлъ такимъ образомъ видъ одной залы, раздѣленной только линіями внутреннихъ столбовъ на три части. Заложивъ пролеты арокъ, возстановители образовали по сторонамъ продольнаго съ глухими стѣнами хода два отдѣльные помѣщенія, съ особыми въ каждое изъ нихъ ходами, пробитыми вновь въ древнихъ стѣнахъ.

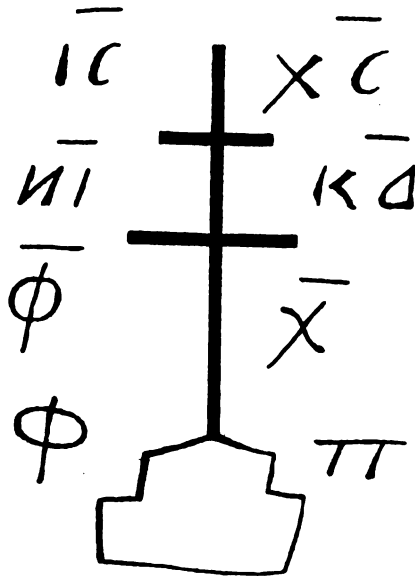
гическому Обществу при Кіев. дух. Академіи осматривавшей ихъ комиссіи. Напечатано въ Извѣстіяхъ Общества за м. Іюль 1881 г. — Труды Кіев. д. Академіи 1881 года т. III.

Никакихъ слѣдовъ древнихъ орнаментовъ по стѣнамъ зданія не оказалось. Но обследованіе сводовъ надъ церковію дало указаніе на нѣкоторыя особенности древней ихъ конструкціи, по видимому, общія сводамъ алтарныхъ абсидовъ того времени. Своды надъ церковію оказались прикрытыми сверху кирпичными плитами, лежащими одна подлѣ другой или одна надъ другою въ горизонтальномъ положеніи. Надъ восточнымъ, собственно алтарнымъ, сводомъ этого прикрытія изъ плитъ по мѣстамъ не оказалось, и открылись лежащія подъ нимъ продолговато-овальной формы съ толстыми стѣнками и внутри пустые кувшины, послужившіе, очевидно, главнымъ строительнымъ матеріаломъ для сводовъ. Судя потому, что такое же точно прикрытіе изъ горизонтально наложенныхъ плитъ имѣютъ своды древнихъ алтарныхъ абсидовъ, или такъ называемыя—конхи, въ церкви Кирилловской, на примѣръ, можно думать, что и послѣдніе подобнымъ же образомъ сложены изъ кувшиновъ. Легкость такого матеріала сравнительно съ древнимъ кирпичемъ-плитнякомъ достаточно объясняетъ предпочтительное употребленіе его древними зодчими для алтарныхъ сводовъ, а можетъ быть—и для куполовъ церковныхъ.

Подтвердивъ и пополнивъ существовавшія предположенія о степени сохранности древнихъ зданій Кіево-Печерской лавры, послѣднія работы по ихъ ремонтнровкѣ дали и двѣ случайныя находки, не лишеныя въ своемъ родѣ интереса.

Одна изъ этихъ находокъ представляетъ собою кусокъ древней штукатурки съ начерченнымъ на немъ изображеніемъ

креста. Крестъ изображенъ шести-конечный съ подножіемъ и

греческими буквами по сторонамъ въ четыре ряда; въ верхнемъ ряду $\bar{\iota}\bar{\varsigma}$ $\bar{\chi}\bar{\varsigma}$, во второмъ $\bar{\iota}\bar{\iota}$ $\bar{\kappa}\bar{\delta}$, въ третьемъ $\bar{\phi}$ $\bar{\chi}$, и въ нижнемъ $\bar{\phi}$ $\bar{\pi}$ ¹⁾). Кусокъ штукатурки съ этимъ изображеніемъ былъ поднятъ на землѣ противъ середины главнаго алтарнаго абсида Великой церкви. Судя по формѣ его, онъ долженъ былъ находиться на наружной сторонѣ какой либо изъ оконныхъ арокъ, а по мѣсту нахождения — на какой либо изъ оконныхъ арокъ середины алтарнаго абсида. Штукатурки древней именно и не оказалось въ аркѣ центрального окна въ главномъ абсидѣ. На другихъ оконныхъ аркахъ при самомъ тщательномъ осмотрѣ подобныхъ изображеній не отыскано. Но ниже упомянутаго центрального окна на аркѣ оконной ниши въ томъ же алтарномъ абсидѣ оказалось точно такое

1) Прилагаемое изображеніе креста сдѣлано въ натуральную величину.

же изображеніе и съ такими же точно буквами. Последнее сохранилось на стѣнѣ безъ значительныхъ поврежденій и при новой облицовкѣ стѣны оставлено не заштукатуреннымъ, а прикрыто толстымъ стекломъ. Изъ осмотра изображенія на обвалившемся кускѣ штукатурки легко убѣдиться, что оно было сдѣлано посредствомъ какой либо тонкой пластинки еще по сырой штукатуркѣ, и слѣдовательно современно постройкѣ самой церкви. Греческія буквы представляютъ частію сокращеніе, частію заглавіе слѣдующей надписи: *Ιησοῦς Χριστός νικᾷ. Φως Χριστοῦ φωτίζει πάντας* ¹⁾. Такія надписи обычны на древнихъ крестахъ. Читаются онѣ, между прочимъ, при крестахъ, украшающихъ гробницу Ярослава.

Другая находка сдѣлана случайно рабочимъ. Въ стѣнахъ церкви на святыхъ воротахъ оказались по мѣстамъ поврежденія, потребовавшія исправленій. Занимавшійся этимъ исправленіемъ каменщикъ замѣтилъ въ одномъ изъ такихъ мѣсть значительное, шедшее внутрь стѣны, углубленіе, и изслѣдывая его рукою, вынулъ со дна его металлическій четвероконечный крестъ. Къ сожалѣнію, рабочій первоначально заинтересовался личнымъ обслѣдованіемъ—не золотой ли онъ, и значительно его попортилъ, а затѣмъ поспѣшилъ задѣлкою мѣста, въ которомъ крестъ лежалъ. О находкѣ этой о. экономомъ лавры узнано было также случайно, какъ случайно сдѣлана самая находка. Изъ допроса рабочаго и указанія имъ мѣста находки уяснилось, впрочемъ, что крестъ лежалъ внутри южной стѣны юго-западнаго угла Троицкой церкви, приблизительно на аршинъ выше горизонта пола этой церкви. Крестъ состоитъ изъ двухъ мѣдныхъ тонкихъ пластинокъ,

1) Т. е. „Иисусъ Христосъ побѣдилъ. Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“.

покрывавшихъ бывшую внутри его, повидимому, третью де-

Прилагаемое изображеніе найденнаго креста снято въ натуральную величину.

ревянную пластинку и скрѣпившихся по концамъ гвоздями. На это указываютъ отверстія по концамъ его для гвоздей и сохранившійся въ одномъ изъ нихъ остатокъ желѣзнаго гвоздя. Пластинки покрыты позолотою, украшены краснымъ эмалевымъ бордюромъ по окраинамъ и тиснеными, окруженными синею и бѣлою эмалью, крестиками, изъ которыхъ центральные, помѣщенные въ эмалевыхъ кружкахъ, своею формою напоминаютъ нѣсколько букву Х. Равными и расширяющимися отъ центра концами крестъ приближается нѣсколько къ формѣ теперешнихъ орденскихъ знаковъ. Но древность такой формы крестовъ не можетъ подвергаться сомнѣнію. Кресты этого вида часто встрѣчаются въ орнаментахъ древнихъ греческихъ церквей. Древность найденнаго креста также внѣ всякаго сомнѣнія. Находка же его внутри стѣны церковной, и при томъ на весьма значительной высотѣ (выше воротъ, надъ которыми церковь построена), даетъ видѣть въ немъ крестъ, положенный въ эту стѣну по возведеніи воротъ, при закладкѣ самой церкви. То обстоятельство, что онъ оказался заложенымъ не ниже горизонта церковнаго пола и даже не въ уровень съ нимъ, а по возведеніи уже стѣны до нѣкоторой высоты, можетъ служить только къ поясненію обряда закладки священныхъ зданій въ древнѣйшее время. На одной изъ иконъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, изображающей св. Петра митрополита съ его дѣянїями и относимой къ XVI вѣку ¹⁾, сохранилось изображеніе закладки этимъ святителемъ московскаго Успенскаго собора. Зданіе церкви представляется при этомъ уже значительно выведеннымъ изъ земли и стѣны его возвышенными приблизительно до пояса святителя и окружающихъ окладъ церкви лицъ. Что обрядъ

2) „Москва. Подробное историч. и археологич. описаніе города“. Изд. Мартынова, т. II, стр. 128.

закладки, или что тоже—обрядъ освященія мѣста и фундамента строившагося зданія, совершался въ древнее время по выводѣ уже изъ земли и поднятіи на нѣкоторую высоту стѣнъ церковныхъ, на это могли быть, и были конечно, свои религиозно-каноническія основанія ¹⁾.

1) Присутствовавшій въ засѣданіи Общества покойный митрополитъ кіевскій Платонъ добавилъ съ своей стороны, что въ землѣ Войска Донскаго и въ настоящее время существуетъ обычай совершать обрядъ закладки церквей уже по выводѣ стѣнъ до известной высоты, и что самъ онъ, управляя тамъ епархією, совершалъ этотъ обрядъ при такихъ же условіяхъ.

VIII.

Остатки древней церкви въ городѣ Переяславѣ ¹⁾.

27-го прошлаго іюля въ г. Переяславѣ предположено было произвести разбивку плана для постройки на мѣстѣ разобранной за ветхостью деревянной Успенской церкви новой каменной. Успенская церковь, какъ извѣстно, была нѣсколько лѣтъ назадъ предметомъ газетной полемики, особенно мѣстной — кievской. Когда къ концу 70-хъ годовъ эта церковь оказалась обветшавшею настолько, что въ ней прекращено было богослуженіе и возникла мысль о постройкѣ на ея мѣстѣ новой каменной, любители отечественной старины встревожились сдѣланнымъ изъ Переяслава же напоминаніемъ, что въ Успенской именно церкви этого города, 8 января 1654 года, была принесена гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ вмѣстѣ съ народомъ малороссійскимъ присяга на вѣрнопопданство Царю Московскому. Явились сторонники сохраненія въ томъ видѣ, какъ есть, обветшавшей церкви, какъ памятника великаго событія; нашлись и болѣе серьезные изслѣдователи мѣстныхъ памятниковъ г. Переяслава, которые утверждали, что обвет-

¹⁾ Читано въ засѣданіи Историческаго Общ. Нест. Лѣтописца 30-го октября 1888 года. Напечатано въ журналѣ „Кievская Старина“, 1889 г., м. январь.

шавшая деревянная церковь носила только имя и занимала мѣсто той Успенской церкви, въ которой Хмельницкій приносилъ присягу, а церковное зданіе, дѣйствительно бывшее свидѣтелемъ этой присяги, уничтожено пожаромъ еще въ 1660-хъ годахъ. Уяснилось изъ этой полемики, между прочимъ, и то, что въ Переяславѣ твердо держится преданіе о сооруженіи первоначальной Успенской церкви на томъ же самомъ мѣстѣ еще Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 году (но, какъ думали, тоже деревянной); думали также, что по разрушеніи церкви Мономаховой въ нашествіе Батыя, новая на мѣстѣ ея построена была кн. В. В. Острожскимъ въ 1586 году; что присяга Хмельницкаго была принесена въ церкви Острожскаго, скоро затѣмъ сгорѣвшей; что и новая, построенная потомъ стрѣлецкимъ головою Иртыщевымъ, сгорѣла въ 1761 году, и до послѣдняго времени оставалась на мѣстѣ первыхъ церковь, построенная уже въ 1767 году. Не придавая въ свое время особаго значенія аргументаціи въ пользу того мнѣнія, что въ предназначенной къ сломкѣ послѣдней деревянной церкви могли уцѣлѣть, послѣ двухъ пожаровъ, истреблявшихъ Успенскую церковь, какіе-либо остатки той деревянной церкви Успенія, въ которой приносилъ присягу Хмельницкій, можно было однако же предполагать, что связанное съ мѣстомъ ея преданіе о постройкѣ тамъ первоначальной церкви Владиміромъ Мономахомъ найдетъ для себя подтвержденіе въ остаткахъ, по крайней мѣрѣ, древнихъ фундаментовъ на мѣстѣ разобранной церкви, если только та церковь была каменная, а не деревянная. Основаніемъ для такого предположенія служилъ самый характеръ мѣста, на которомъ стояла Успенская церковь. Мѣсто это имѣло видъ возвышающагося надъ окружающею его площадью холма, или кургана, довольно правильной круглой формы.

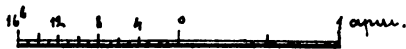
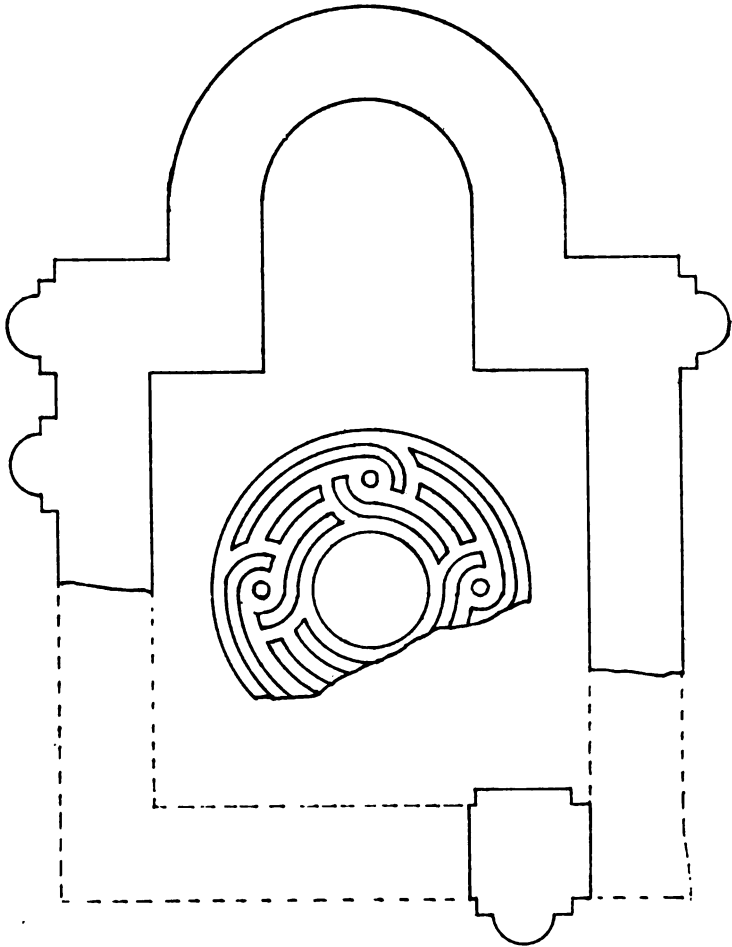
Такого именно вида холмы, или курганы, и были могилами древнихъ каменныхъ церквей, въ которыхъ онѣ погребались, подвергаясь въ теченіи столѣтій разрушенію отъ времени. Рѣшившись при разбивкѣ плана и прорытіи рововъ для фундаментовъ новой церкви провѣрить свои предположенія, мы, совмѣстно съ членомъ Церковно-археологическаго общества, архитекторомъ В. Н. Николаевымъ, приглашеннымъ для этой разбивки, просили о. председателя строительнаго Успенской церкви комитета обратить вниманіе при самой нивелировкѣ мѣстности, которая имѣла быть произведена прежде разбивки плана, на возможные остатки тамъ древняго каменнаго сооруженія, а равно и на слѣды другихъ послѣдовательно производившихся на томъ мѣстѣ построекъ и, оставляя ихъ неприкосновенными, сберечь и всякія другія вещи, какія при этомъ могутъ быть найдены.

Дѣйствительно, при самой уже нивелировкѣ мѣста, на которомъ стояла разобранныя деревянная церковь, когда былъ снятъ съ кургана слой земли въ три четверти аршина, обозначились подъ этимъ слоемъ остатки каменнаго фундамента значительно болѣе древней, чѣмъ разобранныя, но тоже—деревянной церкви. Остатки представлялись отдѣльными кусками и даже простослѣдами стѣнъ, расположенными по линіямъ многоугольника, охватывавшаго почти всю площадь кургана. Обширность очерченнаго ими пространства соответствовала исполнѣ мѣстнымъ преданіямъ объ обширности построенной кн. Острожскимъ церкви, вмѣщавшей въ себѣ яко-бы 14 (?) престоловъ ¹⁾. Лучше всего сохранились восточныя части фундамента. Эти восточныя

1) Внутри многоугольника лежали по мѣстамъ только отдѣльные значительной величины камни, служившіе, очевидно, основаніемъ для внутреннихъ столбовъ, поддерживавшихъ своды и кровлю.

части имѣли видъ двухъ стѣнъ, толщиною въ $1\frac{3}{4}$ аршина и длиною одна 4 ар. 10 вер. и другая 7 ар. 12 верш.; первая шла въ прямомъ направленіи къ сѣверу въ сѣверно-восточной части кургана, вторая въ прямомъ же направленіи къ югу въ юговосточной. Стѣны были сложены изъ дикаго камня, сохранившаго на себѣ слѣды древняго цемента, но сложены на обыкновенной извести, съ употребленіемъ по мѣстамъ кирпича старинной, но не древней формы. Каждая изъ нихъ своими внутрь кургана шедшими концами упиралась въ двѣ кирпичныя стѣны, шедшія на извѣстномъ разстояніи параллельно одна другой къ востоку и служившія очевидно фундаментомъ для алтаря. Обѣ послѣднія стѣны заканчивались однако же съ восточной стороны не многогранникомъ, какъ это было бы естественно въ фундаментъ подъ алтаремъ деревянной церкви, а правильнымъ полукругомъ, какъ это обычно въ фундаментахъ каменныхъ церковныхъ абсидовъ, и при томъ такъ, что діаметръ полукруга былъ значительно менѣе разстоянія между стѣнами и потому полукругъ соединялся съ ними чрезъ небольшіе простѣнки въ ту и другую сторону. Обративъ затѣмъ особое вниманіе на кладку этихъ, служившихъ фундаментомъ для алтаря, стѣнъ, мы нашли въ ней признаки кладки уже исключительно древнѣйшаго велико-княжескаго періода, и своеобразность формы подобнаго фундамента для алтаря деревянной церкви могли объяснить только тѣмъ, что строитель послѣдней воспользовался для алтарнаго фундамента готовыми стѣнами древнѣйшаго сооруженія.

Чтобы уяснить размѣры и значеніе обозначившагося остатка древнѣйшаго сооруженія, комитетъ по постройкѣ новой церкви рѣшилъ пріостановить до 1 августа разбивку плана и произвести новую съемку съ кургана земли приблизительно на 1 аршинъ. Свойство почвы не дѣлало эту съемку излишнею:

Планъ древней церкви въ г. Переяславѣ, и плита краснаго шифера изъ ея развалинъ. Къ стр. 225—226.

верхніе слои холма состояли все еще изъ земли рыхлой, наносной, представляющей смѣсь перегноя дерева съ углемъ, съ каменнымъ и кирпичнымъ щебнемъ и разными остатками отъ бывшихъ внутри церкви погребеній, а потому ни въ какомъ случаѣ не могли служить основаніемъ для возведенія новаго каменнаго сооруженія. Новая съемка была сдѣлана 28—30 іюля подъ непосредственнымъ наблюденіемъ комитета. Велась она отъ окраинъ кургана къ центру и пріостанавливалась при встрѣчѣ съ линією стѣнъ: это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы торопливою очисткою заключеннаго внутри стѣнъ пространства не уничтожить остатковъ древняго пола зданія и не лишиться возможности открыть какіе либо древнія венцы въ наполнявшемъ это пространство щебнѣ.

По окончаніи новой съемки, осмотрѣвъ 1-го прошлаго августа вмѣстѣ съ архитекторомъ В. Н. Николаевымъ оказавшіеся въ холмѣ остатки стѣнъ, мы нашли слѣдующее.

1) Въ восточной половинѣ круглой площади холма обнаружилась полукруглая (съ удлинненными нѣсколько концами дуги) стѣна высотой въ 1 аршинъ и 3 вершка, которая своимъ положеніемъ и формою соответствовала алтарнымъ стѣнамъ древнихъ церквей великокняжескаго періода. Только полукружіе этой стѣны не сливается своими концами съ подобными же полукружіями съ сѣверной и западной стороны, какъ это наблюдается на алтарныхъ стѣнахъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ церквей древняго періода, а сливается непосредственно со стѣнами, расположенными правильнымъ прямоугольникомъ (почти квадратомъ). Отъ прямоугольника этого сохранились: уголь сѣверовосточный съ частію сѣверной стѣны и на ней остатки двухъ наружныхъ пилястръ съ полуколоннами; уголь юго-восточный съ частію стѣны южной и на ней остатокъ

одной пилястры съ полуколонною, и небольшой кусокъ западной стѣны также съ пилястрою и полуколонною. Кладка всѣхъ этихъ остатковъ одинакова: кирпичъ имѣетъ видъ плитъ въ 7 вершковъ длины на $5\frac{1}{4}$ вершковъ ширины и 1 верш. толщины; положенъ онъ на толстыхъ слояхъ цемента изъ извести съ толченымъ кирпичемъ; фундаментъ подъ стѣнами не идетъ глубже трехъ четвертей аршина и представляетъ массу ломаного кирпича, залитого цементомъ. Изъ кievскихъ церквей древняго періода почти тождественную кладку мы встрѣтили въ найденныхъ въ 1878 году остаткахъ древней церкви на Кудрявцѣ (въ усадьбѣ Митрополитанскаго дома надъ Вознесенскимъ спускомъ); наружныя же съ полуколоннами пилястры, какъ извѣстно, отличаютъ фасадъ древней Васильевской, нынѣ Трехсвятительской, церкви въ Кіевѣ.

2. Частью на поверхности холма, частью въ землѣ во время съемки ея, добыты слѣдующіе предметы:

а) Круглая, болѣе чѣмъ до половины сохранившаяся красная шиферная плита, около 2 аршинъ (1 арш. $15\frac{1}{4}$ вершковъ) въ діаметрѣ съ вырубленными въ ней по опредѣленному рисунку византійскаго стиля углубленіями, и два значительной величины куска такихъ-же и съ такими же углубленіями шиферныхъ плитъ, но съ нѣскольکو отличнымъ рисункомъ и не круглой формы, и между прочимъ, съ остатками въ углубленіяхъ цемента.

Подобныя плиты, наполненныя по углубленіямъ цементомъ съ наборомъ по немъ мозаическихъ украшеній, сохранились въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, гдѣ сложено изъ нихъ епископское (въ алтарѣ) сѣдалище. Два куска такихъ съ мозаическимъ наборомъ плитъ найдены въ восьмидесятыхъ годахъ подъ поломъ Великой лаврской церкви. Нѣскольکو

кусковъ такихъ-же плитъ, только безъ мозанки, найдено въ 1888 году при перестилкѣ пола въ Златоверхо-Михайловской церкви.

б) Множество кусковъ краснаго шифера, масса цѣльнаго и ломанаго кирпича древней формы и значительное количество кусковъ разноцвѣтной половой цѣнины квадратной формы, напоминающей цѣнину изъ пола церкви на Кудрявцѣ.

Пришедши на основаніи этого къ заключенію, что полукруглая восточная стѣна и части прямоугольника, съ которыми она сливается, представляютъ собою остатки той древнѣйшей Успенской церкви, которая, по мѣстнымъ преданіямъ, построена была въ 1098 году Владиміромъ Мономахомъ, мы, совмѣстно съ В. Н. Николаевымъ, просили строительный комитетъ озаботиться сохраненіемъ этихъ остатковъ, тѣмъ болѣе драгоценныхъ, что они представляютъ такія особенности въ планѣ, какія до настоящаго времени еще не были замѣчены ни въ одномъ изъ церковныхъ сооруженій древняго великокняжескаго періода. Затѣмъ, такъ какъ вторичная съемка земли производилась отъ окраинъ холма до стѣнъ, то пространство, заключенное между восточнымъ полукружіемъ и частями сѣверной и южной стѣны, осталось не очищеннымъ отъ щебня и мусора, и мы просили комитетъ оставить это пространство безъ очистки до болѣе удобнаго времени, чтобы имѣть досугъ произвести эту очистку съ возможными предосторожностями отъ порчи и утраты предметовъ, какіе могутъ быть найдены въ щебнѣ и подъ нимъ. Вся изрытая позднѣйшими могилами площадь холма въ этой части, какъ находившейся подъ алтаремъ, осталась не тронутою, и потому даетъ надежду отыскать въ ней, по крайней мѣрѣ, древній полъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ свое время уложенъ. Наконецъ, такъ какъ древнее

зданіе занимало сравнительно незначительную площадь ($14\frac{1}{2}$ аршинъ длины, 10 арш. 10 верш., ширины), а предполагаемая къ сооруженію каменная церковь имѣетъ весьма значительные размѣры, мы просили комитетъ произвести разбивку фундамента для новой церкви такъ, чтобы рвы этого фундамента обошли вокругъ древнихъ остатковъ, оставивъ ихъ неприкосновенными въ срединѣ новой церкви подъ поломъ ея.

О. предсѣдатель и гг. члены комитета изъявили полную готовность принять всѣ мѣры къ сохраненію памятника, и съ своей стороны высказали даже предположеніе поднять цоколь новой церкви до такой высоты, чтобы остатки древнихъ стѣнъ не только оставались подъ поломъ неприкосновенными, но и могли быть по желанію осматриваемы. Глубокій интересъ, съ какимъ строительный комитетъ и само общество г. Переяслава отнеслись къ открытому памятнику, даетъ ручательство въ томъ, что какъ самый памятникъ, такъ и другія возможные при немъ находки не будутъ потеряны для науки.

Что же касается замѣченныхъ первоначально остатковъ каменнаго фундамента подъ деревянной церковью, то дальнѣйшая съемка земли только подтвердила ихъ позднѣйшее происхожденіе. Фундаменты эти заложены мелче древнихъ стѣнъ, и хотя камень, употребленный въ ихъ кладку изъ разрушившагося древнѣйшаго зданія, носитъ иногда слѣды древняго цемента, но кирпичъ, которымъ камни по мѣстамъ переложены, одинаковъ съ кирпичемъ въ могильныхъ склепахъ, открывшихся въ разныхъ мѣстахъ площади, которая была занята деревянною церковью. Кирпичъ этотъ имѣетъ, впрочемъ, характерныя особенности, заслуживающія, по нашему мнѣнію, вниманія. Размѣры его обычные для кирпича XVI—XVIII вѣка: 6 вершковъ длины на 3 или $3\frac{1}{8}$ вершка ширины и на $1\frac{1}{8}$ или $1\frac{1}{4}$ вершка

толщины; но кирпичъ этотъ съ одной изъ своихъ широкихъ сторонъ имѣетъ продолговатыя полосы въ видѣ слѣдовъ отъ первоначальной (до обжиганія) очистки его съ этой стороны пальцами. При этомъ весь кирпичъ представляется очень плохо обозженнымъ: онъ имѣетъ видъ кирпича краснаго или такъ называемаго алаго, и не отличается твердостью. Въ поправкахъ древнихъ церквей, производившихся въ періодъ татарскаго владычества, встрѣчается кирпичъ съ подобными же продольными отъ пальцевъ полосами; но кирпичъ тотъ значительно уже и толще, и прекрасно обозженъ. Совершенно сходный съ переяславскимъ, кирпичъ былъ найденъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ могильныхъ склепахъ подъ поломъ средней части церкви Михайловскаго монастыря, — въ склепахъ, которые могутъ быть отнесены къ XVII или къ концу XVI вѣка, но не ранѣе. Съ своей стороны мы полагаемъ, что этотъ родъ кирпича указываетъ на совершенный упадокъ заводскаго его производства, и относится къ тому времени, когда кирпичъ вырабатывался и обжигался домашнимъ, такъ сказать, образомъ въ незначительномъ количествѣ, достаточномъ лишь для частнаго обихода и для такихъ развѣ сооруженій, какъ постройка могильнаго склепа; и фундамента подъ деревянную церковь, гдѣ онъ употреблялся смѣшанно съ камнемъ.

IX.

Соборная Успенская церковь въ г. Каневѣ¹⁾.

Разсмотрѣвъ по порученію Преосвященнаго Предсѣдателя Церковно-археологическаго общества присланный на заключеніе общества при отпущеніи Кіевской Духовной Консистеріи отъ 7 ноября 1891 года проэктъ передѣлокъ въ Каневской соборной церкви съ приложенными къ нему планомъ и разрѣзомъ этой церкви и фотографическимъ ея видомъ, считаю долгомъ своимъ обратить вниманіе общества на несомнѣнный археологическій интересъ, который возбуждаетъ эта церковь.

Существующія въ историко-статистической литературѣ свѣдѣнія о Каневской соборной Успенской церкви сводятся къ слѣдующему. Церковь эта заложена В. К. Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1144 году во имя св. Георгія. Подъ означеннымъ (отъ с. м. 6652-мъ) годомъ въ Ипатьевской лѣтописи читается: «Въ то же лѣто заложена бысть церкви Каневская святаго Георгія Всеволодомъ княземъ мѣсяца іюня въ 9 день». Въ нашествіе Батыя (1239 г.) она, какъ и самый Каневъ, не подверглась особому разоренію²⁾ и до 1630 года существовала въ видѣ церкви Каневского мужскаго монастыря. Въ 1630

¹⁾ Рефератъ, читанный въ засѣданіи Церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи 17-го декабря 1891 года.

²⁾ Какъ городъ наиболѣе уцѣлвшій, Каневъ долго служилъ мѣстопробываніемъ татарскихъ баскаковъ, которые и продолжали охранять его

году монастырь былъ созженъ и разрушенъ крымскими татарами; подверглась тогдаже разрушенію и церковь. Хотя впоследствии монастырь былъ возстановленъ на мѣстѣ прежняго уніатами-базилианами, но церковь продолжала оставаться въ разоренномъ видѣ до 1805—1810 года, когда по просьбѣ этихъ же базилианъ была возстановлена въ ея нынѣшнемъ видѣ православнымъ помѣщикомъ Казаринымъ (до ея возстановленія монахи имѣли для богослуженія небольшую деревянную церковь). Въ соборную церковь для православнаго мѣстнаго населенія она обращена въ 1833-мъ году. Относительно значенія церкви, какъ памятника древнѣйшаго церковно-строительнаго искусства, высказано и повторяется такое сужденіе: «Нынѣшняя ея архитектура не представляетъ ничего древняго, ибо старыя стѣны, сложенные изъ такъ называемаго византійскаго кирпича, уцѣлѣли только до оконъ и тѣ украшены новыми пилястрами и карнизами». ¹⁾

Къ этимъ свѣдѣніямъ о Каневской церкви «Статистическое описаніе Кіевской губерніи», изданное Фундуклеемъ, добавляетъ: «Въ народѣ сохранилось объ ней преданіе, что когда-то, въ незапамятныя времена, двѣ церкви неизвѣстно кѣмъ выстроенныя, плыли изъ Царяграда и одна изъ нихъ остановилась въ Каневѣ, а другая въ Кіевѣ. Это преданіе, добавляетъ составитель описанія, ясно говоритъ о первыхъ распространителяхъ христіанской вѣры въ Россіи и заставляетъ предполагать, что Каневъ существовалъ уже во время Владиміра, а можетъ быть и прежде».

Не имѣвши доселѣ случая изслѣдовать церковь на мѣстѣ и ограничиваясь въ сужденіи о ней единственно тѣми осно-

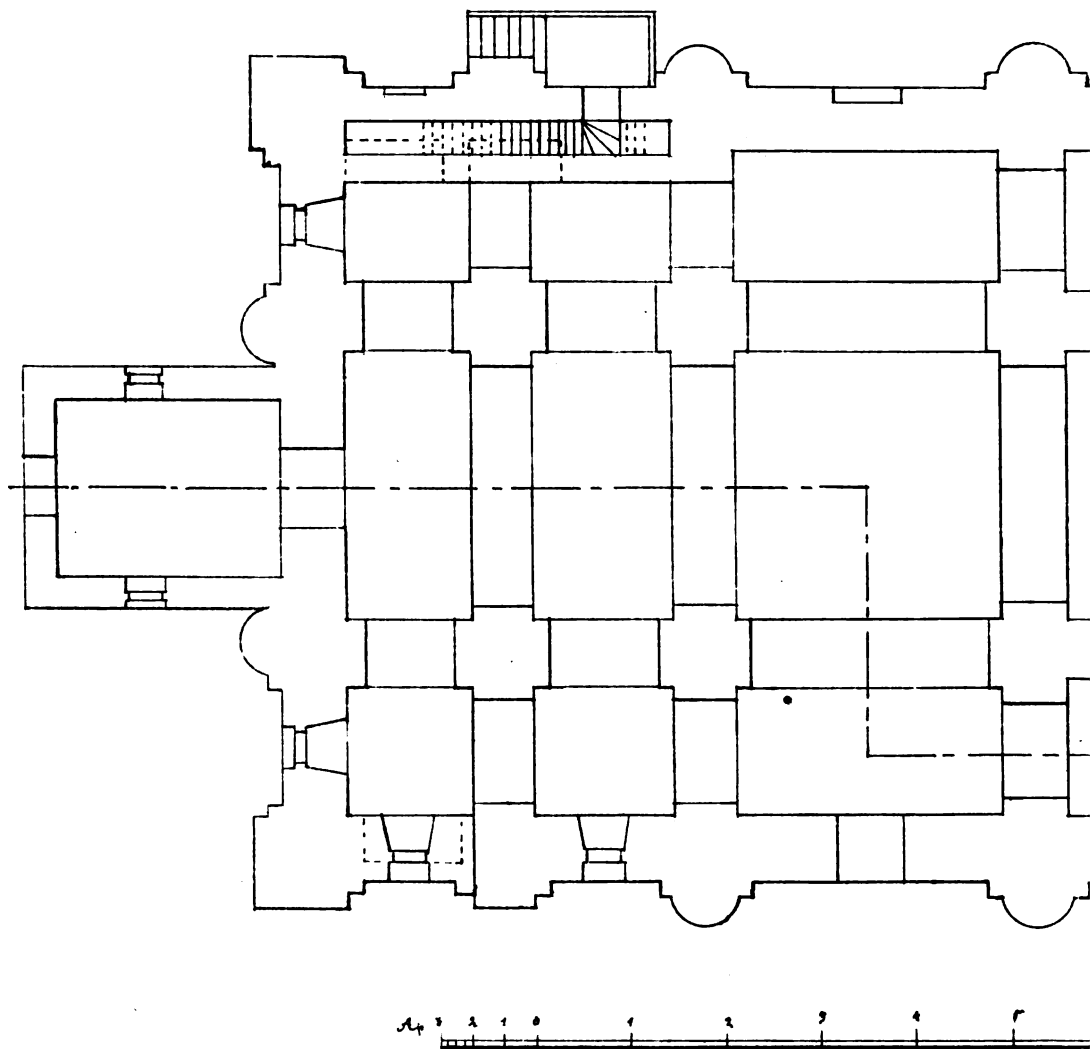
¹⁾ Статистическое описаніе Кіевской губерніи, изд. Фундуклеемъ, ч. 1. стр. 470—Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи, Похилевича стр. 542.

ваніями, какія даются приложенными къ отношенію Духовной Конснаторіи планомъ и разрѣзомъ ея съ фотографическимъ ея же видомъ, я не могу не признать въ ней памятника церковно-строительнаго искусства великокняжескаго періода, хотя, подобно другимъ памятникамъ тогоже времени, онъ и подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Утвержденіе, что въ Каневской Успенской церкви «старыя стѣны уцѣлѣли только до оконъ», напоминаетъ избитую фразу прежнихъ описаній Кіевской старины о степени сохранности Великой лаврской церкви, тоже якобы разрушенной до оконъ, но въ которой между тѣмъ, вопреки подобному утверженію, древнія стѣны оказываются несомнѣнно уцѣлѣвшими до верхнихъ сводовъ и куполовъ. Украшеніе же старыхъ стѣнъ новыми пилястрами, приставленными къ нимъ снаружи, по своему противорѣчію строительнымъ приѣмамъ, едвали и могло прийти на мысль какому либо архитектору.

Въ приложенномъ къ плану Каневской церкви разрѣзѣ ея у основанія внутреннихъ столбовъ показаны базы съ пьедесталами, а вверху этихъ же столбовъ — карнизы, дѣйствительно, формы позднѣйшей, не встрѣчающіеся въ древнихъ сооруженіяхъ. Таковы же внутренніе карнизы, показанные въ основаніяхъ средняго фонаря и купола. Но въ церквахъ возстановляемыхъ форма карнизовъ обыкновенно зависитъ отъ вкуса послѣднихъ производителей штукатурныхъ работъ; поддѣлка же базъ и пьедесталовъ подъ древніе столбы и пилястры вызывается иногда и необходимостію укрѣпить ихъ: несомнѣнно древнія наружныя пилястры съ полуколоннами по сѣверному фасаду Кіевской Трехсвятительской (древней-Васильевской) церкви имѣютъ такія поддѣланные въ позднѣйшее время базы и пьедесталы.

Что же касается общаго плана церкви, какой она удерживаетъ по настоящее время, то планъ этотъ представляетъ всѣ

Планъ Каневской церкви. Къ стр. 233.

особенности сооруженія древняго великокняжескаго періода. Между прочимъ онъ имѣетъ замѣчательное сходство (почти тождество) съ планомъ Кіево-Кирилловской церкви, заложеніе которой приписывается тому же В. князю, Всеволоду Ольговичу, хотя размѣрами церковь Каневская значительно уступаетъ Кирилловской. Одновременность сооруженія обѣихъ церквей, сходство ихъ плана и фасада, вѣроятно же всего и подали поводъ къ образованію вышеупомянутой легенды о плившихъ изъ Царяграда двухъ церквахъ. Въ такой неизмѣнности древній планъ Каневская церковь могла удержать только при сохранности до извѣстной степени и внутренней своей конструкціи.

Внутренняя конструкція церкви, насколько можно судить о ней по приложенному къ плану разрѣзу ея, отвѣчаетъ конструкціи церкви Кирилловской, за исключеніемъ того, что въ Каневской церкви хоры занимаютъ пространство только надъ западнымъ ея притворомъ, и расположенная внутри сѣверной стѣны церкви лѣстница на эти хоры имѣетъ направленіе отъ середины церкви къ ея сѣверо-западному углу; въ церкви же Кирилловской хоры, кромѣ пространства надъ западнымъ притворомъ, занимаютъ пространство и по сѣверной и южной сторонамъ западнаго конца архитектурнаго креста, и расположенная для входа на нихъ внутри сѣверной же церковной стѣны лѣстница имѣетъ обратное направленіе, отъ сѣверо-западнаго угла къ срединѣ церкви. Частнѣе, линіи, которыми въ разрѣзѣ очерчиваются алтарные своды, поскольку онѣ обособляютъ алтарный абсидъ, характеризуютъ именно особенности алтарей древней кіевской (византійской) конструкціи, въ позднѣйшихъ постройкахъ мѣстныхъ не повторяющихся. Въ общихъ очертаніяхъ главнаго фонаря и купола не замѣчается также отступленій отъ обычныхъ пріемовъ въ этого рода древнихъ сооруженіяхъ.

Наружный видъ церкви (по фотографическому снимку) даетъ основаніе заключать, что древнія стѣны ея сохранились не до оконъ только, а вплоть до подкровельнаго горизонтальнаго карниза, какъ сохранился и древній на церкви средній фонарь съ куполомъ. Фасадныя пилястры и даже полуколонны при нихъ—отличительная особенность древне-кіевскаго архитектурнаго стиля; а пилястры эти съ полуколоннами идутъ по наружнымъ стѣнамъ Каневской церкви до самаго подкровельнаго карниза. Окна, въ видѣ двухъ одна въ другую углубляющихся нишъ съ полукруглыми перемычками,—окна древней же архитектуры велико-княжескаго періода; а въ Каневской церкви они сохраняютъ эту форму не только по всей высотѣ стѣнъ, но и въ фонарѣ подъ главнымъ куполомъ. Послѣдній представляется снаружи подъ кровлею имѣющимъ карнизъ тоже древней формы, приблизительно такой, какимъ украшенъ снаружи древній (средній) алтарный абсидъ Великой лаврской церкви. Наблюдается на фасадѣ Каневской церкви одна особенность, необнаруженная доселѣ ни на одной кіевской церкви того періода. На высотѣ внутренняго расположенія хоръ наружная стѣна въ промежуткахъ между пилястрами какъ бы вдается внутрь уступами въ родѣ полочекъ, которыя, служа основаніемъ верхнему ряду оконъ, переходятъ къ востоку въ архитектурный поясъ, охватывающій алтарные абсиды. Но эта особенность можетъ служить только подтвержденіемъ предположенія о сохраненіи церковію ея древнихъ фасадныхъ формъ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Не наблюдаясь на древнихъ кіевскихъ церквахъ, особенность эта наблюдается на многихъ церквахъ велико-княжескаго періода въ сѣверо-восточной Россіи.

Наружный подкровельный карнизъ приданъ стѣнамъ церкви, безъ всякаго сомнѣнія, при ея возстановленіи; къ тому же конечно времени относятся и новѣйшей формы фронтоны надъ входными въ церковь дверями. Къ какому времени отно-

сятся башни надъ юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ углами зданія, судить трудно безъ осмотра самаго зданія: на фотографическомъ видѣ церкви архитектурныя формы башенъ не обозначаются съ такою ясностію, какая придана имъ на разрѣзѣ. Башни надъ этими углами могли быть и въ древнемъ церковномъ зданіи; могли быть онѣ надстроены и при позднѣйшемъ возстановленіи церкви, какъ это имѣло мѣсто въ кievской Кирилловской церкви. Но почти безошибочно можно заключать, что въ первоначальномъ, древнемъ церковномъ зданіи по линіи этихъ башенъ къ востоку (къ юго-западу и сѣверо-западу отъ главнаго фонаря и купола) возвышались надъ церковною кровлею два другіе фонаря съ куполами, обрушившіеся въ періодъ послѣ разоренія церкви до ея возстановленія. Древняя церковь могла имѣть, и по всей вѣроятности имѣла, три или пять верховъ.

Останавливая на всемъ этомъ вниманіе Церковно-археологическаго общества, я съ своей стороны полагаю бы просить Кіевскую Духовную Консисторію приостановить дѣло о предполагаемомъ преобразованіи Каневской соборной церкви до нарочитаго въ археологическомъ отношеніи обследованія этой церкви со стороны Церковно-археологическаго общества. Обследование это съ удобствомъ можетъ быть произведено будущею весною съ открытіемъ навигаціи по Днѣпру и не потребуетъ отъ общества значительныхъ расходовъ ¹⁾.

1) Произведенное по порученію общества въ маѣ 1892 года обследование церкви подтвердило существованіе древней кладки какъ въ стѣнахъ, пилястрахъ и полуколоннахъ по всему пространству церкви, такъ и въ фонарѣ ея купола. Новой кладки оказались башни надъ юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ углами ея. Обследовать кладку сводовъ не оказалось возможнымъ, такъ какъ стропила кровли лежатъ на нихъ почти непосредственно. Внутри притвора въ сѣверной и южной стѣнѣ оказались три аркосолы, но безъ гробницъ. Только въ одной изъ нихъ мѣсто гробницы занимаетъ католической формы престолъ, сложенный изъ кирпича,—слѣдъ униатскаго владѣнія церковію.

Х.

Поправки и дополненія.

Изъ страницъ 133—134. Сказанное въ описаніи Софійскаго собора о «части западной (его) стѣны, которая вдается какъ бы внутрь церкви», и о куполахъ надъ его хорами, «скрытыхъ подъ кровлю», относится къ виду и состоянію этого собора до произведенныхъ въ немъ въ послѣдующее время передѣлокъ. Въ восьмидесятихъ годахъ бывшій уступъ въ западной стѣнѣ собора заполненъ пристройкою входной паперти, а фонари всѣхъ древнихъ куполовъ выведены изъ—подъ кровли пониженіемъ ея почти до сводовъ. Въ это же время и фронтоны надъ западною стѣною собора приданъ видъ обрѣза свода, прикрывающаго западный конецъ архитектурнаго креста и оканчивающагося настѣнною подкровельною аркою.

Изъ страницъ 139. Заключение наше о засыпкѣ землею и мусоромъ до значительной высоты древнихъ стѣнъ Выдубицко-Михайловской церкви оказалось поспѣшнымъ. Впослѣдствіи, при перестилкѣ пола этой церкви, мы имѣли возможность нарочито обследовать древній фундаментъ ея, и нашли, что стѣны ея нисколько не углублены въ землѣ, а упомянутая въ нашемъ ея описаніи особенность арки, ведшей изъ западнаго притвора въ средину церкви, составляетъ несомнѣнную принадлежность ея древней конструкціи. Проектируя постройку церкви, восточная сторона которой должна была

стать надъ обрывомъ горы, подмываемой Днѣпромъ, не полагать ли зодчій подобнымъ принижениемъ стѣнъ и сводовъ въ западной ея части придать этой части нарочито болѣе тяжелой конструкцію и центръ осадки всей совокупности зданія отдалить по возможности отъ обрыва, перенося его на болѣе прочный грунтъ?—Судить объ этомъ предоставляемъ, разумѣется, болѣе компетентнымъ въ стоительномъ искусствѣ людямъ.

Изъ страницъ 140. При реставраціи древней живописи въ Кирилловской церкви, производившейся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, представилась возможность болѣе точной провѣрки первоначальныхъ предположеній нашихъ о степени сохранности древняго зданія этой церкви. За исключеніемъ алтарныхъ абсидовъ, новая кладка, дѣйствительно, была найдена во всѣхъ верхнихъ сводахъ этой церкви; новой кладки оказались и всѣ купола ея, но *за исключеніемъ главнаго.*

Ошибочное наше утвержденіе о новой кладкѣ всѣхъ вообще куполовъ этой церкви (не исключая и главнаго) объясняется слѣдующимъ. Своды, покрывающіе въ настоящее время западный, сѣверный и южный концы архитектурнаго креста и промежутки между ними надъ хорами, настолько понижены сравнительно съ древними сводами, что древнія арки, соединявшія верхи центральныхъ столбовъ и служившія вмѣстѣ съ парусами основаніемъ для главнаго фонаря и купола, встали значительно выше горизонта этихъ сводовъ. Оказавшіеся открытыми поверхъ сводовъ подъ кровлю пролеты этихъ арокъ и были, по возведеніи сводовъ, задѣланы, разумѣется, новою кладкою. Эту задѣлку новою кладкою пролета древнихъ арокъ подъ фонаремъ купола, которая единственно и не была закрыта штукатуркою, мы и приняли за кладку самаго этого фонаря и купола. Вдаться въ ошибку было для насъ тѣмъ легче, что куполь этотъ, хотя

какъ оказалось и несомнѣнно древней кладки, при наружномъ осмотрѣ его представляетъ всѣ признаки *купола сторичнаго*, поставленнаго на мѣсто первоначально проэкгированнаго, а можетъ быть въ свое время уже и возведеннаго, но—какъ это иногда случалось—скоро *увалившася, верха*. Диаметръ фонаря подъ этимъ куполомъ значительно превышаетъ размѣры, указываемые выведеннымъ для него (въ видѣ кольца) основаніемъ. Относительно тонкія стѣны фонаря представляются нарочито отодвинутыми отъ краевъ круглаго пролета, оставляемаго арками и парусами, не имѣютъ снаружи обычныхъ граней или полуколонокъ и дали значительныя трещины, потребовавшія особаго для нихъ скрѣпленія въ видѣ желѣзныхъ обручей.

При болѣе тщательной очисткѣ позднѣйшей внутренней побѣлки этого фонаря, въ немъ найдены и хорошо сохранившіеся остатки древней живописи.

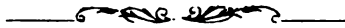
Изъ страницъ 143. Во время производства въ 1888 году работъ по устройству отопленія Золотоверхо-Михайловской церкви, въ западной части Екатерининскаго ея придѣла, подъ поломъ, былъ открытъ фундаментъ маленькой древней церкви, занимавшей у юго-западнаго угла Михайловской церкви такое же положеніе, какое Предтеченская занимала у сѣверо-западнаго угла Великой церкви лаврской. Противъ пролета первой отъ западнаго (древняго) притвора арки, ведущей изъ срединны церкви въ Екатерининскій придѣлъ, былъ обнаруженъ фундаментъ алтарныхъ абсидовъ древней кладки, изъ коихъ средній (самый большій) имѣлъ въ діаметрѣ 3 аршина 10 вершковъ, а боковой (сѣверный) только 1 аршинъ 4 вершка (очертаніе южнаго не сохранилось), при толщинѣ наружныхъ стѣнъ въ 1 аршинъ 7 вершковъ. Фундаментъ оказался настолько труднымъ для разборки, что для прокладки теплопроводнаго канала признано было болѣе удобнымъ углубиться

подъ него. За исключеніемъ абсидовъ, остальныхъ частей фундамента наслѣдить не оказалось возможнымъ. Южная и западная его части или слились съ фундаментомъ тепершняго придѣла, или разобраны при его постройкѣ; остальное же уничтожено при рытѣхъ могилъ для бывшихъ въ этой части придѣла позднѣйшихъ погребеній. Никакихъ преданій относительно времени постройки этой церкви и обстоятельство ея разрушенія въ Михайловскомъ монастырѣ не сохранилось. Но возможно, что она существовала еще, въ такомъ или иномъ видѣ, въ половинѣ XVII столѣтія. Описывая церковь Михайловскаго монастыря, Павелъ Алеппскій говоритъ: «Большой алтарь этой церкви походить на алтарь св. Софіи... Вправо отъ этого алтаря есть другой..., влѣво третій... Точно также вправо отъ васъ, когда вы входите въ церковь, находится еще придѣлъ на западномъ крылѣ, а *за угломъ шестой*» ¹⁾. Весьма возможно, что этотъ *за угломъ шестой* придѣлъ и представляла собою та маленькая церковь, фундаментъ которой оказался подъ поломъ нынѣшняго Екатерининскаго придѣла.

Къ страницѣ 148. При производствѣ вышеупомянутыхъ работъ въ церкви Золотоверхо-Михайловскаго монастыря въ сѣверномъ отдѣленіи ея древняго притвора, подъ поломъ, оказался древней кладки фундаментъ круглой, бывшей въ томъ отдѣленіи, лѣстницы и первоначально—круглое же изнутри очертаніе стѣнъ самаго этого отдѣленія. Лѣстница, очевидно, вела на хоры, а можетъ быть—и выше хоръ. Павелъ Алеппскій упоминаетъ, что посѣщаль, между прочимъ, въ этомъ мона-

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева, 1874 г., отд. II, стр. 82—83.

стырь «катакомбы монастыря и *башню между куполами надъ входомъ*» ¹⁾. Найденный древній фундаментъ лѣстницы оказался наполовину отколовшимся и отсѣвшимъ. Въ монастырь сохранилось преданіе, что въ нашествіе Батыя мощи св. великомученицы Варвары были сокрыты въ церкви подъ лѣстницею. Указанная порча фундамента древней лѣстницы невольно напрашивается на связь съ этимъ преданіемъ, такъ какъ могла произойти именно вслѣдствіе подкопа подъ лѣстницу.

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева, 1874 г., отд. II, стр. 82—88.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
38	— 14	— свяшого	святаго
39	-- 16	— встревожигь	встревожить
44	— 11	— на дворѣ,	на дворѣ.
61	— 14	— плотичную	плотничную
64	— 30	— поэты,	поэты.
72	— 20	— византійскаго	византійскими
—	— 31	— проэтку	проекту
97	— 31	— <i>ἑκκατὸν</i>	<i>ἑκατὸν</i>
143	— 19	— клаки	кладки
151	-- 19	— креста но	креста, но
164	— 16	— окужавшая	окружавшая
188	— 12	— Церковно-археологи-	Церковно-археологи-
191	— 29	— <i>βῆμα</i>	<i>βῆμα</i>
195	— 15	— а то же	а тоже
205	— 23	— сограившихся	сохранившихся
211	— 10	— обнаружилсь	обнаружились
217	— 10	— <i>Χρῆστος</i>	<i>Χριστός</i>
